

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

16 2026
ЧАСТЬ VI

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (619) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Станислав Густавович Струмилин* (1877–1974), советский экономист и статистик.

Станислав Густавович родился в селе Дашковцы Подольской губернии, ныне Литинского района Винницкой области Украины, в семье обедневшего дворянина (настоящая фамилия — Струмилло-Петрашкевич). Он обучался в Скопинском реальном училище, а затем поступил в Электротехнический институт в Санкт-Петербурге. В 1897 году присоединился к революционному движению, в 1899-м участвовал во всеобщей студенческой забастовке, в том же году был отчислен из института и отдан в солдаты. Вступил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1899 году стал членом РСДРП, сначала как меньшевик, а с 1923 года — большевик.

Впоследствии его еще дважды исключали из института; три раза он был арестован; выдержал страшное избиение в петербургской тюрьме «Кресты»; дважды был приговорен к ссылке, дважды бежал из ссылки. Несмотря ни на что, окончил Петербургский политехнический институт по экономическому отделению в 1914 году.

После Октябрьской революции Струмилин организовал отдел статистики в Высшем совете народного хозяйства. С 1919 года он стал уделять особое внимание статистике труда. После того, как Ленин ознакомился с некоторыми опубликованными статьями Струмилины по этой теме, он пригласил его работать в Госплан. Позже Струмилин стал заместителем председателя Госплана, а потом членом Президиума.

Одновременно Станислав Густавович вел научную и педагогическую работу в МГУ, Институте народного хозяйства имени Плеханова, Московском государственном экономическом институте.

Под руководством Струмилины была разработана первая в мире «система материальных балансов».

Струмилин является автором более 700 работ в области экономики, статистики, управления народным хозяйством, планирования, демографического прогнозирования, политэкономии социализма, экономической истории, научного коммунизма, социологии, философии.

Ему также принадлежит авторство одного из методов построения индекса производительности труда, получившего название «индекс Струмилины».

Изучая проблемы экономической эффективности образования, ученый сформулировал закон «убывающей продуктивности школьного обучения», согласно которому с возрастанием количества ступеней обучения снижается его экономическая рентабельность для государства, а квалификация рабочих повышается медленнее, чем число лет, затраченных на обучение.

В то же время Струмилин исследовал зависимость между степенью квалифицированности работников и сроками их обучения. Им были установлены методы определения оптимального периода школьного обучения и размеров расходов на образование каждого рабочего с учетом роста национального дохода государства. По данным Струмилины, введение всеобщего начального образования в СССР дало экономический эффект, в 43 раза превышающий затраты на его организацию; рентабельность начального обучения лиц, занятых физическим трудом, в 28 раз превысила себестоимость обучения, а капитальные затраты на него окупились через полтора года.

Выводы Струмилины о высокой рентабельности обучения в вузах преимущественно малоимущих выходцев из рабочих и крестьян подтверждали окупаемость бесплатного высшего образования и содержания студентов за государственный счет, а также давали возможность обосновать обязательную трехлетнюю работу выпускников вузов по распределению, установление им заработной платы не ниже, чем у квалифицированных рабочих. Известно его высказывание: «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие».

Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в развитии экономической науки и в связи с девяностолетием со дня рождения Станиславу Густавовичу Струмилину было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Он награжден также четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом Трудового Красного Знамени, а также медалями, в том числе «За трудовую доблесть».

Умер Станислав Густавович в 1974 году в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Павлова А. С., Трапезникова Д. С.

Роль прокуратуры в единой системе публичной власти 379

Ракитин А. И.

Эволюция системы источников правового регулирования предпринимательских споров в Российской Федерации..... 381

Руднева Е. А.

Научные основы оценки доказательств по внутреннему убеждению..... 385

Савина М. С.

Актуальные вопросы правового регулирования защиты объектов авторского права в деятельности таможенных органов ... 388

Сафина Ю. К., Борзунов М. А.

Институт веб-конференции в арбитражном процессе: техническая модернизация или процессуальное неравенство? 391

Сафина Ю. К.

Правопреемство при передаче публичных полномочий 393

Селезнев Г. А.

Актуальные проблемы применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса в Российской Федерации..... 396

Семенюта О. Н.

Правовой статус религиозных организаций в Российской Федерации: современные проблемы и направления совершенствования законодательства 398

Сиротина А. М.

О рецепции римского права в китайское право в части регулирования сервитута 399

Соколова Л. А.

Правовая природа договора каршеринга..... 402

Толстолыткина А. В.

Особенности исследования рукописных записей, выполненных с подражанием почерку другого лица, в рамках судебно-почерковедческой диагностики 404

У Лимин

Формирование правовой собственности на данные и построение правил их оборота... 406

Хасанова А. А.

Роль органов опеки и попечительства в защите трудовых прав несовершеннолетних работников в Российской Федерации..... 408

Хребтов А. А.

Рамочный договор: правовые вопросы, сопутствующие заключению и исполнению рамочных договоренностей 410

Цымлянская В. Н.

Наследование земельных участков как фактор обеспечения экономической устойчивости аграрного сектора 414

Шагарова С. Е.

UI/UX-дизайн как сложный объект интеллектуальных прав в системах дистанционного обучения 415

Шидаков А. Б.

Проблемы судебной практики и привлечения к ответственности за совершение преступлений против чести и достоинства личности..... 419

Юринская Е. Е.

Актуальные проблемы правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции 425

Янин С. А.

Особенности заключения договора на оказание туристических услуг: что важно знать 427

ИСТОРИЯ

Гоголин А. С.
«Мировая политика» (Weltpolitik) и рост имперских амбиций при Вильгельме II (1890–1914 гг.) 432

Маштак А. В.
Узкоколейная железная дорога Шильда — совхоз «Озёрный» в документальных комплексах архивов Южного Урала: к истории освоения целинных земель Оренбургской области в 1950–1990-е годы. Часть 1 435

Маштак А. В.
Узкоколейная железная дорога Шильда — совхоз «Озёрный» в документальных комплексах архивов Южного Урала: к истории освоения целинных земель Оренбургской области в 1950–1990-е годы. Часть 2 445

Мукушев Т. Ж.
Социальный статус рыцаря в эпоху позднего средневековья: между привилегией, службой и насилием 451

ПОЛИТОЛОГИЯ

Мутилова С. Д.
Амбивалентность формирования имиджа Индии на Западе 455

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Роль прокуратуры в единой системе публичной власти

Павлова Александра Сергеевна, студент;

Трапезникова Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Хисматуллин Ильдар Гайсович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье анализируется институциональная специфика прокуратуры в современной России как самостоятельного звена единой системы публичной власти. На основе законодательства рассматриваются ключевые роли прокуратуры: надзорная, уголовного преследования, координационная, правозащитная и нормотворческая. Обосновывается, что прокуратура, оставаясь вне классической системы разделения властей, выполняет интегративную функцию, обеспечивая единство законности и верховенство Конституции, подлежа при этом судебному контролю как элемент системы сдержек и противовесов.

Ключевые слова: прокуратура, единая система публичной власти, правозащитная функция, уголовное преследование, координация правоохранительной деятельности, судебный контроль, правотворчество

Прокуратура в современной России выступает самостоятельным звеном системы публичной власти, обеспечивающим единство законности и верховенства Конституции во взаимодействии со всеми ветвями власти, оставаясь при этом вне системы разделения властей. Ее институциональная специфика проявляется в сочетании надзорной, координационной, правозащитной ролей, а также уголовного преследования, которые после конституционной реформы 2020 года получили прямое закрепление в Основном законе и тем самым приобрели новое публичновластное измерение.

Категория «единая система публичной власти» была впервые прямо закреплена в Конституции РФ в результате конституционной реформы 2020 года, что потребовало переосмысления места прокуратуры среди публичновластных институтов. В обновленной редакции статьи 129 Конституции РФ прямо закреплены основные функции прокуратуры: надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, осуществление уголовного преследования и выполнение иных функций, установленных федеральным законом [1].

Федеральный закон от 17.01.1992 № 22021 «О прокуратуре Российской Федерации» определяет прокуратуру как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов на всей ее территории [2]. Таким образом, уже сама законодательная формула подчеркивает, что прокуратура выступает не просто «органом правоприменения», а ин-

ституциональным ядром публичного контроля за законностью в рамках единой системы публичной власти.

Конституционный Суд РФ в Определении от 30 мая 2023 года № 1354-О отметил, что Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» «не создаёт препятствий для осуществления судебного контроля за законностью действий и решений органов прокуратуры в установленном порядке» [3]. Тем самым КС РФ подтвердил, что прокуратура, будучи самостоятельным органом, одновременно включена в систему сдержек и противовесов, подлежа судебному контролю.

Классической и базовой является надзорная роль прокуратуры, выражающаяся в осуществлении надзора за исполнением законов органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, а также юридическими и физическими лицами в пределах компетенции, установленной законом. Статья 1 Закона о прокуратуре закрепляет надзор за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, принятие мер по устранению нарушений и привлечению виновных к ответственности в числе основных полномочий прокуратуры.

В рамках единой системы публичной власти надзорная деятельность прокуратуры выполняет интегративную функцию: она обеспечивает согласованность правоприменения на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, предотвращает «разрывы» в правовом пространстве и способствует единообразному пониманию закона. Прокуратура, «не подменяя» представительные, исполнительные и судебные органы, дополняет

их деятельность специальными надзорными полномочиями, направленными на выявление и устранение правовых нарушений [4].

Судебная практика последовательно подтверждает самостоятельность прокуратуры и её особое место в системе публичной власти. Так, в Кассационном определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2025 года № 88А-3787/2025 судебная коллегия указала, что «предметом надзора органов прокуратуры является соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, в том числе органами государственной власти субъектов РФ, органами контроля, их должностными лицами; при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы» [5]. Данная правовая позиция подчёркивает, что прокуратура не вторгается в компетенцию других органов власти, а осуществляет надзорную функцию, обеспечивая верховенство закона.

Современная прокуратура выполняет выраженную правозащитную функцию, которая после конституционной реформы получила прямое закрепление: надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина отнесен к числу основных функций прокуратуры на конституционном уровне. На прикладном уровне это проявляется в проверках обращений граждан, опротестовании незаконных актов, предъявлении исков в защиту прав неопределенного круга лиц, а также в участии прокурора в гражданском и административном судопроизводстве [6].

Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 мая 2024 года № 58-КГ24-2-К9 рассматривался иск Хабаровского прокурора по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах к ПАО «Объединённая авиастроительная корпорация» об обязанности исполнить предписания прокурора в сфере антитеррористической защищённости [7]. Судебная коллегия признала требования прокурора обоснованными, что свидетельствует о действенности прокурорского надзора как инструмента защиты публичных интересов.

Наряду с этим существенное значение имеет роль уголовного преследования. Конституция и Закон о прокура-

туре закрепляют за ней осуществление уголовного преследования в пределах компетенции, а также координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Здесь проявляется «двойственная» публично-властная природа прокуратуры: с одной стороны, она выступает гарантом законности при применении мер уголовно-правового принуждения, с другой — активным субъектом публичного обвинения, реализующим интересы государства в уголовном процессе.

В системе публичной власти прокуратура выполняет выраженную координационную роль, прежде всего в сфере противодействия преступности. Закон о прокуратуре относит к числу её функций координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, что реализуется через межведомственные совещания, совместное планирование и подготовку предложений по совершенствованию правового регулирования. Координационная деятельность усиливает целостность правоприменительной политики государства и позволяет увязывать усилия различных ведомств в рамках общей государственной стратегии.

Отдельного внимания заслуживает участие прокуратуры в правотворчестве, которое в научной литературе и практических обзорах рассматривается как существенное направление её публично-властной активности. Прокуратура выступает одним из гарантов качества законодательства его соответствия Конституции и федеральным законам, участвуя в подготовке проектов нормативных правовых актов, даче заключений, внося предложения по устранению выявленных пробелов и коллизий, а также путем оспаривания незаконных актов в судебном порядке.

Таким образом, из проведенного анализа, можно сделать вывод, что нормы Конституции РФ и законодательства, которые определяют статус прокуратуры, раскрывают, что она является самостоятельным элементом в системе публичной власти, которая выполняет ключевую роль в обеспечении верховенства закона. А основные функции прокуратуры в совокупности образуют особую модель публично-властного органа, не похожую на классические ветви власти, но обеспечивающую их эффективное функционирование.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). Российская газета, 25 декабря 1993 г. Любое издание с 4 октября 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 г. № 1354-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайлева Сергея Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Смирнов А. Ф. К вопросу о правовом регулировании статуса прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-regulirovanii-statusa-prokuratury-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 10.04.2026).

5. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.02.2025 № 88А-4196/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Елец С. А. Место прокуратуры в системе государственных органов Российской Федерации // Вестник экономики и права. 2024. № 95. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-prokuratury-v-sisteme-gosudarstvennyh-organov-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.05.2024 № 59-КГ24-2-К9 // «КонсультантПлюс».

Эволюция системы источников правового регулирования предпринимательских споров в Российской Федерации

Ракитин Андрей Ильич, студент магистратуры

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье исследуется трансформация системы источников правового регулирования предпринимательских споров, разрешаемых арбитражными судами Российской Федерации. Анализируется изменение роли традиционных источников (Конституция РФ, ГК РФ, АПК РФ, федеральные законы, подзаконные акты) и обосновывается тезис о формировании новых регуляторов — судебной практики как квазипрецедента и обычаев делового оборота в их функциональном понимании. Выявляются ключевые тенденции: переход от статической иерархической модели к динамической функциональной, усиление нормотворческой роли судов, конвергенция частноправовых и публично-правовых начал. Вносятся предложения по легитимации сложившихся механизмов и ограничению пределов судебного усмотрения.

Ключевые слова: источники права, предпринимательские споры, арбитражный процесс, судебный прецедент, обычай делового оборота, принцип добросовестности, судебное нормотворчество.

Evolution of the system of sources of legal regulation of entrepreneurial disputes in the Russian Federation

The article examines the transformation of the system of sources of legal regulation of business disputes resolved by the arbitration courts of the Russian Federation. The article analyzes the changing role of traditional sources (the Constitution of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, the Agroindustrial Complex of the Russian Federation, federal laws, by-laws) and substantiates the thesis on the formation of new regulators — judicial practice as a quasi-precedent and business practices in their functional understanding. Key trends are identified: the transition from a static hierarchical model to a dynamic functional one, the strengthening of the rule-making role of courts, and the convergence of private and public law principles. Proposals are being made to legitimize the existing mechanisms and limit the limits of judicial discretion.

Keywords: sources of law, business disputes, arbitration, judicial precedent, business practices, principle of good faith, judicial rulemaking.

Введение

Современный этап развития правовой системы Российской Федерации характеризуется глубокими структурными изменениями в области регулирования предпринимательских споров. Новейший период ознаменован не просто обновлением законодательства об арбитражном процессе, но качественной трансформацией самой системы источников права, их иерархии и функционального назначения. Как справедливо отмечает В. В. Ярков, арбитражное процессуальное право переживает этап «дальнейшей цифровизации и «деритуализации»», что неизбежно влечет пересмотр устоявшихся доктринальных конструкций [5].

Категория «источник правового регулирования» в процессуальном законодательстве является одной из наиболее дискуссионных. Применительно к предмету настоящего исследования наиболее подходящим представляется формально-юридический подход, позволяющий идентифицировать конкретные нормативные предписания, подлежащие применению при разрешении предпринимательских споров арбитражными судами.

Цель настоящей статьи — выявить и проанализировать основные тенденции эволюции системы источников правового регулирования предпринимательских споров в России, а также предложить пути решения проблем, связанных с фактическим формированием новых регуляторов, не имеющих достаточной законодательной легитимации.

1. Трансформация роли традиционных источников права

1.1. Конституция РФ и акты Конституционного Суда РФ

Конституция РФ служит высшим правовым фундаментом в предпринимательских спорах, гарантируя свободу экономической деятельности, право собственности и судебную защиту. Особое значение имеют ст. 46 (гарантия судебной защиты прав и свобод), ст. 118 (осуществление правосудия только судом), ст. 123 (принципы состязательности и равноправия сторон).

В 2025–2026 годах возрастает роль постановлений Конституционного Суда РФ как особого источника, обладающего нормативной силой. В Определении СКЭС ВС РФ от 26.06.2025г. № 309-ЭС25–172 суд прямо ссылается на правовые позиции КС РФ как на обязательные ориентиры при толковании налогового законодательства [12]. Указанная практика свидетельствует о признании высшими судебными инстанциями особого (квазинормативного) характера актов конституционного правосудия.

1.2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ

АПК РФ остается центральным источником процессуального права в сфере разрешения предпринимательских споров. В контексте предпринимательских споров АПК РФ является актом высшей юридической силы среди источников процессуального права (ч. 2 ст. 3 АПК РФ). Иные федеральные законы могут содержать процессуальные нормы, однако они подлежат применению только при условии их непротиворечия кодексу. Данная черта характеризует АПК РФ как «процессуальную конституцию» для системы арбитражных судов.

Уникальность АПК РФ заключается в том, что он предоставляет гибкий инструментарий для баланса частных и публичных интересов. Например, правила доказывания по делам об оспаривании ненормативных актов государственных органов (гл. 24 АПК РФ) перераспределяют бремя доказывания, возлагая на орган власти обязанность подтвердить законность оспариваемого решения. Данная конструкция, как справедливо отмечает Е. Г. Стрельцова, выступает процессуальной гарантией защиты прав предпринимателей от административного усмотрения [7].

1.3. Гражданский кодекс РФ как интерпретационная матрица

Анализ судебной практики 2024–2026 гг. позволяет выделить три самостоятельные функциональные модели, в которых ГК РФ выступает инструментом судейского усмотрения и коррекции договорных условий.

Квалификационная модель: толкование договора.

Ключевое значение имеет правильная квалификация договора. Статья 431 ГК РФ, устанавливающая правила

толкования, получила в практике арбитражных судов существенное развитие. Как указал Арбитражный суд Республики Хакасия в решении от 20.06.2024 по делу № А74–56/2024, при толковании условий договора суд обязан реконструировать истинную волю сторон, учитывая все возможные обстоятельства [18]. Данный подход восходит к правовой позиции Президиума ВАС РФ, выраженной в постановлении от 27.04.2010 № 18140/09: недопустимо ограничиваться буквальным значением слов и выражений [9].

Коррекционная модель: принцип добросовестности.

Наиболее интенсивное развитие получила коррекционная модель, реализуемая через механизмы ст. 1, 10 ГК РФ. Судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию: явно обременительные договорные условия квалифицируются как недобросовестное поведение, даже если формально они соответствуют принципу свободы договора. В 2025 году Президиум Верховного Суда РФ в пункте 1 Обзора № 3 (2025) подтвердил: добросовестность участников предполагается, пока не доказано иное; бремя доказывания недобросовестности лежит на стороне, заявляющей соответствующий довод.

Преклюзивная модель: эстоппель.

Наиболее ярко функциональная роль ГК РФ проявляется в применении принципа эстоппель, имплементированного в п. 5 ст. 166, п. 3 ст. 432, п. 2 ст. 450.1 ГК РФ. Дело № А75–20559/2023 по иску Карауш М. В. к ООО «Связь-город» стало знаковым для 2025 года. Верховный Суд РФ в определении № 304-ЭС24–23525 от 27.05.2025 указал, что заявление о ничтожности не имеет правового значения при недобросовестном поведении стороны, которая ранее создавала у контрагента разумные ожидания действительности решений [10].

Таким образом, Гражданский кодекс РФ выполняет двойственную функцию: в статическом аспекте он остается классическим источником права, в динамическом — выступает интерпретационной матрицей, через которую суд осуществляет квалификацию, коррекцию и преклюзию.

2. Судебная практика как новый источник регулирования

Дискуссия о месте судебной практики в системе источников российского права имеет многолетнюю историю, однако к началу 2026 года она приобрела принципиально новое измерение. Современный этап характеризуется прямой нормотворческой функцией судов, восполняющей пробелы законодательства и формирующей новые правила поведения для участников оборота.

2.1. Формирование механизма прецедентного регулирования

Анализ актов СКЭС ВС РФ за 2025 — начало 2026 года свидетельствует о формировании устойчивого механизма

прецедентного регулирования. Квинтэссенцией данного процесса выступает Определение СКЭС ВС РФ от 16 января 2026 № 306-ЭС25–9398, в котором высшая судебная инстанция констатировала необходимость пересмотра вступившего в законную силу решения по новым обстоятельствам в связи с признанием недействующим нормативного акта, на котором был основан расчет убытков [11]. ВС РФ де-факто легитимировал обратную силу судебного нормоконтроля, создав прецедентный механизм защиты прав предпринимателей.

Наиболее ярким подтверждением тезиса о трансформации судебных актов в источники права является практика арбитражных судов округов. 31 июля 2025 года Арбитражный суд Московского округа в постановлении по делу № А40–146414/2023 прямо применил принцип «первое слово дороже второго» (в его процессуальном аспекте), сформулировав самостоятельное правило поведения [15]. В условиях отсутствия специальной нормы процессуального закона данное постановление приобретает характер судебного прецедента, обязательного для нижестоящих судов.

2.2. Регулятивное воздействие на договорные отношения

Судебная практика 2026 года демонстрирует возрастающее регулятивное воздействие актов судебной власти на этапе, предшествующем заключению договора. Дело № А42–2709/2024 (Постановление АС Северо-Западного округа от 19.01.2026) иллюстрирует формирование стандартов поведения «слабой стороны» в договоре субаренды [16]. Отказывая субарендаторам в признании ничтожным одностороннего отказа от договора, суд кассационной инстанции фактически ограничил применение концепции «слабой стороны» исключительно случаями прямого запрета на включение условия в договор.

Аналогичную функцию выполняет практика по спорам, связанным с реестром недобросовестных поставщиков. Судебные акты начала 2026 года (дело № А07–8083/2025) установили прецедентный подход: включение поставщика в РНП в период между подведением итогов аукциона и подписанием контракта влечет ничтожность сделки и одностороннюю реституцию [17]. Данный подход не вытекает прямо из положений Закона № 44-ФЗ, но сформирован исключительно судебной практикой.

2.3. Риски судебного нормотворчества

Дискуссионным аспектом усиления роли судебных актов выступает риск формирования «негативных прецедентов». Решение Фрунзенского районного суда г. Иваново от 26.11.2025 по делу № 2–3168/2025 об изъятии имущества семьи предпринимателей квалифицируется профессиональным сообществом как применение норм, не подлежащих применению к данным правоотношениям (пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ) [20]. Подобная практика, даже бу-

дучи единичной, выступает фактором правовой неопределенности, формируя угрозу для всего предпринимательского сообщества.

3. Налоговое законодательство 2026 года: новый вызов для арбитражной системы

2026 год ознаменовался вступлением в силу комплекса федеральных законов, принципиально изменивших конфигурацию всей системы источников правового регулирования предпринимательских споров. Центральным событием стало принятие Федерального закона от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [4].

Повышение базовой ставки НДС с 20 % до 22 % создает самый сложный комплекс проблем правоприменения, связанных с исполнением договоров, заключенных до 1 января 2026 года. Данная проблема не имеет однозначного законодательного решения и неизбежно станет предметом многочисленных арбитражных разбирательств.

Принципиально важным изменением является существенное снижение порога доходов, дающего право на освобождение от НДС для налогоплательщиков, применяющих УСН. Юридическое сообщество оценивает данную меру как кардинальное расширение круга плательщиков НДС [19]. С точки зрения источников правового регулирования, указанная новелла формирует новую категорию дел — споры о правомерности включения сумм НДС в цену договоров, заключенных «упрощенцами».

Федеральный закон № 425-ФЗ внес также изменения в порядок налогового контроля, имеющие прямое процессуальное значение: экстерриториальность камерального контроля, расширение полномочий налоговых органов, возможность рассмотрения материалов проверки с использованием ВКС.

4. Обычаи делового оборота: от субсидиарного к самостоятельному регулированию

В системе источников правового регулирования предпринимательских отношений обычаи делового оборота занимают особое, субсидиарное положение. Однако анализ правоприменительной практики 2023–2026 гг. демонстрирует кардинальное изменение их роли. Как отмечено В. А. Белов, специфика обычая заключается в его «неписаном» характере и спонтанности формирования, что не умаляет его юридической силы [6].

Существенной особенностью 2026 года становится фактическое стирание граней между обычаем и судебным усмотрением. В Определениях Верховного Суда РФ от 24.01.2025 № 305-ЭС24–17374 и от 05.06.2025 № 305-ЭС24–24245 была сформулирована принципиальная позиция относительно комиссий банков: установление комиссии, в сотни раз превышающей аналогичный тариф и лишаящей операцию экономического смысла, признано недобросовестным осуществлением гражданских прав [13; 14].

С точки зрения теории обычаев, данный подход знаменует переход от формальной свободы договора к содержательной оценке справедливости его условий. Суд фактически констатировал, что обычной является экономически обоснованная комиссия. Практика ВС РФ 2025 года ввела категорию «запрета на практику, противоречащую существу обязательства», формируя негативный обычай — указание на то, чего делать нельзя, даже если это формально разрешено договором.

5. Проблемы и перспективы развития системы источников

Проведенное исследование позволяет выделить следующие ключевые проблемы современной системы источников правового регулирования предпринимательских споров:

1. Нелегитимность судебного прецедента. Де-факто в российской правовой системе сформировался механизм судебного прецедента, обеспечиваемый иерархической структурой судебной власти. Однако легитимация данного механизма на законодательном уровне отсутствует.

2. Размывание границ подзаконного регулирования («диффузия»). Постановления Правительства РФ зачастую выходят за пределы делегированных полномочий, подменяя законодателя.

3. Правовая неопределенность из-за «негативных прецедентов». Единичные резонансные решения создают атмосферу нестабильности для бизнес-сообщества.

В качестве решения выявленных проблем предлагается:

1. Внести изменения в ФКЗ «О Верховном Суде РФ» и АПК РФ, закрепив обязательность правовых позиций Пленума и Президиума ВС РФ для нижестоящих судов, а также институт «преюдициального прецедента» — признание обязательной силы правовых позиций, вы-

раженных в определениях СКЭС ВС РФ по конкретным делам при тождественности фактических обстоятельств.

2. Установить в Постановлении Пленума ВС РФ пределы судебного усмотрения — критерии допустимости отступления от буквального текста закона (наличие пробела, противоречие конституционным принципам, необходимость защиты слабой стороны).

3. Создать в структуре арбитражных судов специализированные налоговые (финансовые) коллегии с привлечением судей, обладающих специальными знаниями в области экономики.

4. Провести ревизию полномочий Правительства РФ, делегированных федеральными законами, на предмет их соответствия ст. 115 Конституции РФ. Закрепить правило: если постановление Правительства выходит за пределы делегированных полномочий, арбитражный суд применяет непосредственно норму федерального закона.

Заключение

Система источников правового регулирования предпринимательских споров в Российской Федерации к 2026 году эволюционировала в гибридную модель: закон + судебный прецедент + делегированное нормотворчество + цифровые стандарты. Традиционная жесткая иерархия уступает место функциональной модели, где источник права определяется не только его юридической силой, но и ролью в конкретном механизме разрешения спора.

Ключевая задача ближайших лет — не пытаться «закрыть» судебное правотворчество или игнорировать его, а институционализировать его в рамках процессуального закона, установив понятные и равные для всех участников оборота правила игры. Предложенный комплекс решений направлен на упорядочение новаций в целях обеспечения баланса между гибкостью правоприменения и стабильностью гражданского оборота.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <http://www.pravo.gov.ru> — 04.07.2020
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации — 05 декабря 1994 г. — N 32 — Ст. 3301
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ — 29.07.2002 — N 30 — Ст. 3012
4. Федеральный закон от 28.11.2025 N 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ» — 01.12.2025 — N 48 (Часть I) — ст. 7236.
5. Арбитражный процесс: учебник / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, Д. В. Бурачевский [и др.] / отв. ред. В. В. Ярков / Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева. — 10-е изд., перераб. и доп. — М. — Статут, 2025. — 828 с.
6. Белов В. А. Торговое (коммерческое) право: актуальные проблемы теории и практики: учебник для вузов / Под ред. В. А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2026. 758 с

7. Стрельцова Е. Г. Административное судопроизводство и арбитражный процесс: точки соприкосновения // Закон. 2023 — № 5 — С. 45
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ — 2026 — № 1 — С. 12–15
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.04.2010 № 18140/09. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7561778c-5cbb-479c-b1aa-d157104142d5> (дата обращения: 17.02.2026)
10. Определение СКЭС ВС РФ от 27.05.2025 № 304-ЭС24-23525. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/45e0b425-3cf6-4b31-b6d7-45cb4e3ed589> (дата обращения: 17.02.2026)
11. Определение СКЭС ВС РФ от 16.01.2026 № 306-ЭС25-9398. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6711c666-d8f5-4513-b4ee-7c17fa6aeb34> (дата обращения: 17.02.2026)
12. Определение ВС РФ от 26.06.2025 № 309-ЭС25-172. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9076-36990%2F2023> (дата обращения: 18.02.2026)
13. Определение СКЭС ВС РФ от 24.01.2025 № 305-ЭС24-17374. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9040-194809%2F2023> (дата обращения: 17.02.2026)
14. Определение СКЭС ВС РФ от 05.06.2025 № 305-ЭС24-24245. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9040-278108%2F2023> (дата обращения: 17.02.2026)
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.07.2025 по делу № А40-146414/2023. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card?number=%D0%9040-146414/2023> (дата обращения: 17.02.2026)
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.01.2026 по делу № А42-2709/2024. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/931daf10-9305-4358-ac5e-d4944aaadfde> (дата обращения: 17.02.2026)
17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.01.2026 по делу № А07-8083/2025. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3310104b-32ba-45a7-9af2-0b22051b5d63> (дата обращения: 17.02.2026)
18. Решение Арбитражного суда Республики Хакасия от 20.06.2024 по делу № А74-56/2024. Картотека арбитражных дел — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/be28af92-7375-4554-96aa-1b2ab4439ea0> (дата обращения: 17.02.2026)
19. Что вступает в силу в январе: компенсация за нарушения исключительного права и изменения в апелляции // ПРАВО.Ru. — 2025. — 29 декабря — URL: <https://pravo.ru/story/261790/> (дата обращения: 18.02.2026)
20. Любой бизнес под угрозой? Решение суда в Иваново вызвало вопросы у правозащитников // ИА Амител. — 2026. — 05 февраля — URL: <https://www.amic.ru/news/lyuboy-biznes-pod-ugrozoy-reshenie-suda-v-ivanovo-vyzvalo-voprosy-u-pravozaschitnikov-577415> (дата обращения: 17.02.2026)

Научные основы оценки доказательств по внутреннему убеждению

Руднева Елизавета Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются общее содержание оценки доказательств судом и другими субъектами доказывания по внутреннему убеждению. Раскрывается содержание информационного и логического этапов этой деятельности, когда из всего массива представленных доказательств субъект производит сопоставление по источнику получения и проверяет значимость содержания доказательства в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами.

Ключевые слова: оценка доказательств, доказательство, доказывание, внутреннее убеждение.

Доказывание представляет собой во многом универсальную процедуру собирания, проверки и оценки доказательств, итогом которой является обоснованное мнение суда или другого субъекта доказывания (прокурора, следователя, дознавателя, присяжного заседателя — в уголовном судопроизводстве; уполномоченного должностного лица — в производстве по некоторым делам об административных правонарушениях) о подтверждении или неподтверждении заявленных стороной обстоятельств.

Этот вид юридической деятельности представляет собой работу с предоставляемыми сведениями и их фактическими источниками, чтобы впоследствии вынести индивидуально-определенное решение по конкретному делу или спору между участниками правоотношений.

Например, в ч. 1 ст. 84 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации отмечается, что доказательства должны быть оценены судом по своему внутреннему убеждению, при этом такое убеждение скла-

дывается на основании полного, всестороннего, объективного и непосредственного исследования доказательств дела. Ч. 7 этой же статьи говорит, что результат оценивания отражается судом так, чтобы можно было увидеть мотивы предпочтения судом одних доказательств перед другими в рамках анализа всей системы.

Оценка доказательств в рамках реализуемой современной правовой доктрины служит третьим, заключительным этапом доказывания. Первый этап заключается в собирании доказательств, второй — в их проверке. Стоит заметить, что еще на этапах собирания и проверки, уполномоченный соответствующим процессуальным законом субъект доказывания вправе производить оценивание доказательств. К примеру, в уголовном судопроизводстве следователь, перед вынесением постановления о производстве обыска, анализирует материалы уголовного дела, и на основе имеющихся доказательств, обосновывает необходимость производства поисковых мероприятий и выбора места их проведения.

Исследователи теоретических положений процесса доказывания приходят к выводу, что оценка доказательств базируется на формальной логике и включает в себя две стадии: информационную и логическую [1].

Собирание доказательств — это действия суда или заинтересованной стороны по делу, направленные на поиск, исследование содержания и процессуальное закрепление информации, имеющей значение для рассматриваемого дела.

Проверкой доказательств следует считать работу уполномоченного в рамках доказывания органа по анализу достоверности содержания доказательства и законности его получения из соответствующего источника. Проверка несет в себе также этап предварительной оценки, потому что проверяются относимость, допустимость и достоверность каждого из собранных доказательств в деле, а также источника получения доказательства. Суть проверки достигается как сопоставление всех разрозненных доказательств друг с другом, где происходит первичная систематизация и структуризация доказательств с одной стороны, и доказываемых ими обстоятельств, с другой.

Оценка доказательств, в свою очередь, предполагает обобщение всего собранного и проверенного массива доказательственной информации, представляемой в деле в форме доказательств, и наделение каждого из этих доказательств приоритетностью при доказывании каких-либо определенных обстоятельств. Наука теории доказывания и доказательственного права пришла к заключению, что процедура оценивания доказательств в свободной системе оценки дифференцирована на информационный и логический компоненты. Каждый из них диалектически обоснован и предопределен в рамках общей концепции доказывания по внутреннему убеждению [2].

Информационный компонент неизбежно предшествует логическому компоненту, так как для формирования и оперирования мнением о доказательствах и их убедительной силе, субъект доказывания должен иметь содержание этой информации. В противоположном

случае мы получим формальную систему оценки доказательств, когда доказательство наделяется конкретной юридической силой в зависимости от источника своего формирования; стороны, его предъявляющей суду или других, внешних по отношению к содержанию доказательства, условий.

Информационный компонент в оценке доказательств служит цели оценивания содержания каждого из представленных доказательств. Оценивание содержания происходит посредством оценки самих источников происхождения доказательств, оценки способов получения доказательств, оценки соответствия доказываемых фактов с доказательствами. Здесь непременно следует указать на частную систему доказательств — совокупности доказательств, которыми устанавливается каждое из обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Если рассматривается уголовное дело, то перечень таких обстоятельств указан в ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в других видах судопроизводства перечень доказываемых обстоятельств указывается либо в законе, либо определяются судом и сторонами по делу.

Значение информационного компонента складывается из преследуемой цели по интерпретации каждого обстоятельства и того набора доказательств, с помощью которых такое обстоятельство подтверждается. Конечно, сам процесс доказывания в суде и на досудебных стадиях (в уголовном судопроизводстве или в производстве по делам об административных правонарушениях, если требуется производство административного расследования), с точки зрения процессуального обеспечения, различны.

Судебная стадия носит, как правило, линейный характер: сторона дела представляет доказательства, проводя взаимосвязь содержания доказательства с доказываемым обстоятельством.

Досудебная стадия доказывания иная по содержанию: должностное лицо органа расследования одновременно проверяет несколько версий, которыми могут объясняться наличие следовой картины преступления или правонарушения. Когда все версии проверены, и подтвердилась только одна из них, формируются материалы дела, где указываются и систематизируются все доказательства и отмечается их связь с исследованными обстоятельствами дела. После проверки версий в суд отправляется только одна, которая нашла свое подтверждение в результате оценки доказательств должностным лицом, чтобы быть проверенной в судебном заседании по существу.

Логический компонент доказывания продолжает контекст информационного компонента, переводя его в область аналитической мыслительной деятельности субъекта. На этой стадии проводится работа с частными системами доказывания, и внутри каждой частной системы выстраивается приоритет доказательств по убедительной силе каждого из них.

Внутреннее убеждение суда или уполномоченного в оценке доказательств должностного лица правоохрани-

тельного органа включается в работу на завершающей, логической стадии оценивания. Дело в том, что еще на этапе собирания доказательств ставится задача обеспечить полноту и достаточность доказательств в отношении каждого из обстоятельств, образующих предмет доказывания. Сформированные таким образом частные системы доказательств строятся на нескольких доказательствах, подтверждающих искомый факт или промежуточный факт. Поэтому логический этап оценки имеет основополагающее значение для достижения обоснованности решения о доказанности фактов, имеющих юридическое значение [3].

Основываясь на положения процессуальных кодексов, мы должны отметить, что требование по оценке доказательств по внутреннему убеждению универсально, что таким образом отражает конституционно-правовой принцип состязательности сторон и свободной оценки доказательств [4].

Мы приходим к выводу, что логический этап оценивания системы доказательств является необходимым условием применения внутреннего убеждения суда или другого субъекта доказывания. Получается, что здесь происходит переопределение относимости доказательств в их системе через выстраивание структуры их ценности и значимости, в том числе и через уличающую способность.

Психологическая категория внутреннего убеждения порождает у оценивающего субъекта субъективную уверенность, что его мнение обеспечивает переход от вероятности к достоверности через выявление связей доказательств внутри частной системы доказывания. Когда анализ доказательственных и промежуточных фактов позволяет субъекту сфокусироваться на искомом факте в контексте частной системы доказывания, появляется возможность применять внутреннее убеждение.

Необходимо отметить, что само внутреннее убеждение не является ничем не ограниченной волей субъекта доказывания. Наоборот, этот психолого-правовой феномен ограничивается законом, фактическими основаниями в виде системы собранных и проверенных доказательств, а также совестью, если речь идет об уголовном судопроизводстве.

Закон требует суду или должностному лицу, чтобы соблюсти процессуальную форму доказывания и вынесения в итоге правового и непротиворечивого решения по существу рассмотренного дела. Ограничение внутрен-

него убеждения законом носит характер одной из важных гарантий прав стороны, предъявляющей доказательства своей позиции.

Здесь стоит сказать, что законность в доказывании может также пониматься и как допустимость использования определенных доказательств в подтверждении конкретных промежуточных фактов, которые определены законом. Например, ст. 196 УПК РФ прямо требует доказывать причину смерти, тяжесть вреда здоровью, причиненного преступлением, вменяемость подозреваемого (обвиняемого) определенными средствами, – заключением судебного эксперта в области судебной медицины, судебной психиатрии или иными специальными знаниями.

Обоснованность означает, что внутреннее убеждение ограничено только такими представленными на оценку доказательствами, которые, во-первых, приобщены к материалам дела, и, во-вторых, исследованы в судебном заседании или исследованы иным способом субъектом доказывания. Здесь отмечается, что только публично представленные доказательства могут быть положены в основу решения по существу дела, а, значит, в отношении них могут быть высказаны возражения или заявлены ходатайства по процессуальной проверке их относимости, достоверности, допустимости или количественной достаточности для доказывания конкретного обстоятельства или факта.

Совесть — это отдельный элемент оценки доказательств, связанный с внутренним убеждением, направленный на достижение морально-этической категории справедливости выносимого решения. Внутреннее убеждение дает возможность заранее предопределить последствия оценки доказательств для каждой из сторон [5].

В конечном итоге, оценка доказательств по внутреннему убеждению субъекта представляет собой универсальный механизм осуществления состязательного судопроизводства. Сущность внутреннего убеждения проявляется в том, что изначально равные между собой по юридической силе доказательства, сопоставляются внутри всей системы доказательств, что позволяет определить их приоритет познавательной силы, которая переходит в юридическую силу. С помощью внутреннего убеждения достигается оценивание доказательств по их содержательному критерию, что способствует принятию законного, обоснованного и справедливого решения.

Литература:

1. Хмыров, А. А. Теория доказывания. Общая часть / А. А. Хмыров. — 3-е, доп. и испр. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. — 176 с. — Текст: непосредственный.
2. Руденко, А. В. Содержательная логика доказывания / А. В. Руденко. — М.: Проспект, 2011. — 280 с. — Текст: непосредственный.
3. Назаров, С. В. К проблеме оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи / С. В. Назаров. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2020. — № 4. — С. 89–95.
4. Галушко, А. Ф. Влияние участников процесса на внутреннее убеждение судьи / А. Ф. Галушко. — Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. — 2025. Т. 9. — № 3. — С. 472–480.

5. Азарова, Е. С. Внутреннее убеждение как моральный критерий для реализации усмотрения суда / Е. С. Азарова. — Текст: непосредственный // Государственная служба и кадры. — 2022. — № 2. — С. 147–150.

Актуальные вопросы правового регулирования защиты объектов авторского права в деятельности таможенных органов

Савина Мария Сергеевна, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования защиты объектов интеллектуальной собственности, которые находятся в ведении таможенных органов Российской Федерации. Анализируются особенности таможенного контроля над перемещением контрафактной продукции через границу, выявляются пробелы законодательства и правоприменительной практики. Особое внимание уделяется механизму внесения объектов авторского права в таможенный реестр, процедурам идентификации контрафакта и взаимодействию правообладателей с таможенными структурами.

Ключевые слова: авторское право, таможенные органы, контрафактная продукция, таможенный реестр интеллектуальной собственности, правовое регулирование, интеллектуальная собственность, защита прав правообладателей.

В условиях перехода к цифровой экономике интеллектуальная собственность (ИС) становится одним из ключевых активов государства и бизнеса. Защита авторских прав — это не только вопрос соблюдения законности, но и инструмент обеспечения экономической безопасности. Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности наносит ущерб правообладателям, снижает инвестиционную привлекательность таких отраслей, как киноиндустрия, книгоиздание, программное обеспечение (ПО), что приводит к сокращению налоговых отчислений в бюджет. Таможенные органы выступают в роли стратегического барьера, пресекающего незаконный трансграничный оборот контрафактной продукции.

С появлением Интернет-торговли и упрощенной процедуры пересылки товаров физическим лицам (посылки, экспресс-доставка) традиционные методы таможенного контроля оказались недостаточно эффективными. Если ранее основной поток контрафакта шел крупными коммерческими партиями, то сейчас значительная часть нарушений связана с мелкими посылками, которые содержат пиратские диски, поддельные аксессуары, нелегальное программное обеспечение. Это приводит к появлению новых вызовов для правового регулирования. Поднимаются вопросы о том, как идентифицировать нарушения авторских прав в малом объеме груза, а также какие правовые механизмы применять к физическим лицам-покупателям.

В 2024 году сотрудники Федеральной таможенной службы (ФТС) выявили 5,8 млн. единиц контрафактной продукции, что почти на 20 % больше, чем в 2023 году, когда было изъято 4,9 млн. товаров. Потенциальный ущерб для правообладателей в 2024 году оценивается в 3,4 млрд. рублей, тогда как годом ранее эта сумма составляла 3,7 млрд. рублей [1].

Раньше среди поддельных товаров на российском рынке лидировали сигареты, запчасти для машин и другая техника, но после ухода зарубежных брендов наиболее востребованной стала текстильная продукция. Противодействие нелегальным производителям усложняется, поскольку они непрерывно повышают качество имитации товарных знаков [2].

Правовая основа деятельности таможенных структур в сфере защиты интеллектуальной собственности определяется Таможенным кодексом ЕАЭС, Федеральным законом № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», а также частью четвертой Гражданского кодекса [3]. На первый взгляд, нормативно-правовая база представляется вполне достаточной. Тем не менее, в реальной правоприменительной деятельности возникают многочисленные противоречия, которые значительно снижают результативность защиты прав.

Ключевая проблема — отсутствие единообразия в квалификации контрафакта. Один и тот же товар в разных таможенных постах может быть либо задержан, либо пропущен в зависимости от компетенции конкретного инспектора и наличия объекта в таможенном реестре [4].

Центральным инструментом таможенной защиты авторских прав является таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности. Правообладатель, включивший свой объект в реестр, получает право на приостановление выпуска товаров, содержащих признаки контрафакта [5].

Внесение объекта авторского права в реестр требует от правообладателя предоставления детальной информации:

- точного описания охраняемого произведения;
- сведений о правообладателе и документов, подтверждающих права;

- образцов оригинальной и контрафактной продукции;
- признаков, позволяющих идентифицировать подделку.

Авторские права, в отличие от патентов и товарных знаков, не требуют государственной регистрации. Возникают они с момента создания произведения. Однако таможенные органы фактически требуют документального подтверждения авторства — договоры об отчуждении исключительного права, лицензионные соглашения, свидетельства о депонировании [6].

Срок действия записи в реестре ограничен — как правило, три года с возможностью продления. Правообладатель обязан уплачивать пошлину при внесении объекта и его продлении. Для крупных компаний это не проблема. А вот для индивидуальных авторов, небольших издательств или разработчиков программного обеспечения этот барьер может оказаться непреодолимым.

Включение объекта в реестр не гарантирует автоматической защиты. Таможенный инспектор обязан лишь приостановить выпуск товара при обнаружении признаков нарушения — и уведомить правообладателя. Дальнейшие действия целиком зависят от активности самого правообладателя: он должен в течение 10 рабочих дней представить доказательства нарушения, инициировать экспертизу, обеспечить изъятие товара [7].

На практике это означает: правообладатель должен располагать ресурсами для оперативного реагирования. Если товар задержан в Благовещенске, а правообладатель находится в Москве, логистика экспертизы и юридического сопровождения может занять больше времени, чем отведено регламентом.

Выявление контрафактной продукции, нарушающей авторские права, — задача, требующая специальных знаний. В отличие от товарных знаков, которые визуально заметны на упаковке, объекты авторского права часто скрыты внутри товара.

Контрафактные аудиовизуальные произведения на дисках, программное обеспечение, электронные книги — всё это требует содержательного анализа. Таможенный инспектор не всегда обладает компетенцией для такой оценки.

Практика показывает: наибольшие сложности возникают при идентификации программного обеспечения. Отличить лицензионную копию от пиратской можно лишь путём проверки подлинности лицензионного ключа или сертификата. Таможенные органы такой возможности, как правило, не имеют. Требуется привлечение эксперта правообладателя либо независимой экспертной организации.

В случае с печатными изданиями ситуация внешне проще — можно сравнить качество печати, наличие ISBN, данные издательства. Однако если речь идёт о перепечатке произведения, права на которое принадлежат разным издательствам в разных странах, возникает вопрос территориальности прав. Правообладатель, зарегистрировавший объект в таможенном реестре России, может не иметь прав на глобальный рынок.

Ещё одна системная проблема — это несогласованность таможенного законодательства с международными стандартами защиты авторских прав. Бернская конвенция предполагает автоматическое признание авторских прав без регистрации. Таможенное же законодательство фактически возвращает к регистрационной модели — объект должен быть внесён в реестр, иначе защита не действует [8].

Отдельный вопрос — контрафакт, распространяемый в цифровой форме. Таможенный контроль традиционно ориентирован на материальные носители. Однако значительная часть пиратского контента сегодня передаётся через облачные хранилища, файлообменники, мессенджеры. Таможенные органы здесь бессильны — их компетенция не распространяется на информационные потоки. Это компетенция Роскомнадзора и правоохранительных органов, но их взаимодействие недостаточно эффективно [9].

После приостановления выпуска товара правообладателю отводится 10 рабочих дней для подтверждения факта нарушения. Это крайне сжатый срок, особенно если требуется независимая экспертиза.

Правообладатель вправе потребовать от таможенных органов предоставления образцов задержанного товара. Однако процедура получения образцов чётко не регламентирована. В одних таможенных постах образцы передаются оперативно, в других — требуется письменное заявление, согласование с декларантом, оформление акта изъятия. Всё это занимает время, которого и так мало.

Если правообладатель не уложился в отведённый срок, товар подлежит выпуску. При этом декларант вправе потребовать от правообладателя возмещения убытков, связанных с задержкой груза. Данная норма, с одной стороны, обеспечивает защиту добросовестных участников внешнеэкономической деятельности от злоупотреблений, а с другой — создаёт риски для правообладателей, в особенности для малых компаний, не обладающих достаточными ресурсами для оперативного проведения экспертиз.

Анализ практики применения таможенного законодательства в сфере защиты авторских прав выявляет несколько системных проблем, требующих законодательного вмешательства.

Первая — отсутствие чётких критериев идентификации контрафакта для объектов авторского права. Если для товарных знаков разработаны детальные методики визуального сравнения, то для произведений литературы, музыки, программного обеспечения такие методики либо отсутствуют, либо не формализованы. Необходима разработка ведомственных методических рекомендаций, утверждённых совместно ФТС и Роспатентом, с описанием алгоритмов проверки подлинности для различных категорий объектов авторского права.

Вторая проблема — недостаточная координация таможенных органов с правообладателями и отраслевыми ассоциациями. Опыт стран Европейского Союза (ЕС) по-

казывает: эффективная защита прав возможна лишь при создании постоянно действующих каналов информационного обмена. В России такие каналы существуют фрагментарно, преимущественно по инициативе крупных правообладателей.

Третья — несовершенство процедуры приостановления выпуска товаров. Десятидневный срок для подтверждения нарушения явно недостаточен, особенно в случаях, когда требуется техническая экспертиза программного обеспечения или аудиовизуальной продукции. Представляется целесообразным увеличить этот срок до 20 рабочих дней с возможностью продления по обоснованному ходатайству правообладателя.

Четвёртая проблема — отсутствие механизма оперативного реагирования на массовый ввоз мелких партий контрафакта через почтовые и курьерские отправления. Сегодня такие отправления, если они не превышают установленный стоимостной и весовой лимит, проходят упрощённую процедуру декларирования. Таможенный контроль здесь минимален. Между тем именно этот канал используется для массовых поставок пиратских дисков, флеш-накопителей с нелегальным программным обеспечением, контрафактных книг.

Пятая — отсутствие регулирования в вопросах признания прав на объекты интеллектуальной собственности за рубежом. В условиях интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) необходима унификация таможенных реестров интеллектуальной собственности. Объект, внесённый в реестр одной страны-участницы, должен признаваться на всей таможенной территории Союза. Пока этого нет — правообладатель вынужден регистрировать один и тот же объект в нескольких национальных реестрах.

Шестая — отсутствие специализированных подразделений в структуре таможенных органов, занимающихся исключительно защитой интеллектуальной собственности. В большинстве таможенных постов эти функции выполняют сотрудники общего профиля, не обладающие достаточной квалификацией для идентификации сложных объектов авторского права.

Таможенная защита объектов авторского права в России находится на стадии формирования эффективной правоприменительной практики. Законодательная база в целом создана, однако многочисленные процедурные и организационные пробелы снижают её результативность.

Ключевые направления совершенствования — упрощение процедуры внесения объектов в таможенный реестр, увеличение сроков для подтверждения нарушений, создание специализированных подразделений в таможенных органах, внедрение цифровых технологий идентификации контрафакта. Необходима более тесная координация ФТС с Роспатентом, правоохранительными органами и отраслевыми ассоциациями правообладателей.

Отдельного внимания требует адаптация таможенного контроля к условиям цифровой торговли. Традиционные методы, ориентированные на крупные партии товаров, неэффективны в отношении мелких трансграничных отправок, которые сегодня становятся основным каналом ввоза контрафакта.

Заимствование элементов зарубежного опыта — централизованных реестров, автоматизированных систем риск-менеджмента, технологий цифровой маркировки — может существенно повысить эффективность таможенной защиты авторских прав при условии их адаптации к российской специфике.

Литература:

1. ФТС отметила рост ввоза контрафактной продукции в 2024 г. — Текст: электронный // alta.ru: [сайт]. — URL: https://www.alta.ru/external_news/118169/?ysclid=mo03e4h2o1156707666 (дата обращения: 13.04.2026).
2. Матвеева, А. Поддельная масса: в Россию стали чаще ввозить контрафактную одежду и обувь / А. Матвеева. — Текст: электронный // Известия: [сайт]. — URL: <https://iz.ru/1863645/antonina-matveeva-ana-sturma/poddelnaa-massa-v-rossiu-stali-case-vvozit-kontrafaktnuu-odezdu-i-obuv> (дата обращения: 13.04.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч.4). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 13.04.2026).
4. Петрова М. А., Паулов П. А. Проблемы выявления контрафактной продукции таможенными органами РФ // Вестник науки № 2 (35) том 3. С. 95–100. 2021 г. ISSN 2712–8849 // URL: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/4216> (дата обращения: 14.04.2026 г.)
5. ФТС отвечает на вопросы: защита таможенными органами прав на объекты интеллектуальной собственности. — Текст: электронный // alta.ru: [сайт]. — URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/76127/?ysclid=mo04h2jdo1783595393 (дата обращения: 15.04.2026).
6. Борисова, Е. М. Актуальные вопросы таможенного администрирования Интернет-торговли по обеспечению соблюдения прав на объекты интеллектуальной собственности в Российской Федерации / Е. М. Борисова, Л. А. Коптева // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15. — № 3. — URL: <https://esj.today/PDF/41ECVN323.pdf> (дата обращения: 15.04.2026 г.)
7. Статья 331. Приостановление выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/12171455/327e20a561e4495a1b0e6e710c9ec39c/> (дата обращения: 15.04.2026).

8. Каитова, Д. Х. Регулирование права интеллектуальной собственности в современном международном частном праве с учетом территориальности / Д. Х. Каитова, Л. З. Ахмедова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 1 (291). — С. 167–170. — URL: <https://moluch.ru/archive/291/66008> (дата обращения: 15.04.2026).
9. Дмитриева, О. А. Цифровая таможня: современные тренды и перспективы развития / О. А. Дмитриева, Д. Е. Морковкин, К. А. Умарова, Ч. В. Керимова, К. А. Артамонова, Г. И. Алеева // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 4. — URL: <https://esj.today/PDF/78ECVN424.pdf> (дата обращения: 15.04.2026).

Институт веб-конференции в арбитражном процессе: техническая модернизация или процессуальное неравенство?

Сафина Юлия Константиновна, студент;

Борзунов Максим Александрович, студент

Научный руководитель: Баканов Владислав Владимирович, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье анализируются правовые подходы, связанные с технической модернизацией судопроизводства, обеспечивающей доступность правосудия и процессуальную экономию, и возникающими рисками процессуального неравенства. На основе анализа положений Арбитражного процессуального кодекса РФ, правовых позиций Верховного Суда РФ и доктринальных источников рассматриваются проблемы оценки категории «наличие технической возможности», последствия технических сбоев, вопросы цифровой грамотности и идентификации участников.

Ключевые слова: арбитражный процесс, веб-конференция, онлайн-заседание, цифровизация правосудия, электронное правосудие, принцип равноправия сторон, процессуальное неравенство, техническая модернизация, идентификация участников, доступность правосудия.

Цифровая модернизация судебной системы в России активно развивается в настоящее время. Результат данной трансформации привел к появлению новых форм участия в судопроизводстве. Одним из главных нововведений стал институт веб-конференции, который дал возможность участникам арбитражного процесса осуществлять свои процессуальные права без физического присутствия в зале судебного заседания. Как отмечают исследователи, данное нововведение стало логичным продолжением политики цифровизации арбитражной системы, которая исторически отличалась более высокой степенью технологического развития по сравнению с судами общей юрисдикции [1, с. 128].

В свою очередь внедрение цифровых технологий порождает как очевидные преимущества, так и серьезные вопросы правового и практического характера. Вместе с тем, как указывает Тихомирова Ю. В., «анализ правоприменительной практики выявляет две группы проблем: первая связана с подачей ходатайства и коммуникацией с судом на данном этапе, вторая — с непосредственным участием в заседании и особенностями дистанционного взаимодействия с судом» [1, с. 129]. К числу таких проблем относятся неопределенность сроков рассмотрения ходатайств, технические сбои платформы, отсутствие единого регламента идентификации участников.

Основные проблемы можно сформулировать следующим образом: является ли институт веб-конференции

в арбитражном процессе исключительно проявлением технической модернизации судопроизводства, либо он создает предпосылки для процессуального неравенства его участников?

Нормативную основу института веб-конференции в арбитражном процессе составляет ст. 153.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ), которая предоставляет лицам, участвующим в деле, и иным участникам процесса право участвовать в заседании удаленно при условии подачи соответствующего ходатайства и наличии у суда технической возможности. В отличие от классической видеоконференц-связи, предполагающей присутствие участника в другом суде (то есть в специально оборудованном учреждении), веб-конференция позволяет подключиться к процессу из любой точки при наличии доступа к сети «Интернет» и соответствующих средств идентификации. Как разъясняется на официальных ресурсах судов, установление личности участника производится дистанционно с использованием единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) или единой биометрической системы.

Как справедливо указывает Бурдина Е. В., «цифровой доступ к суду, понимаемый как возможность каждого инициировать судебное производство по гражданским делам в электронной форме, следует рассматривать в качестве эффективного средства защиты, позволяющего при наличии любых препятствий физического, социаль-

но-экономического, географического и им подобного характера реализовывать право на судебную защиту» [2, с. 51].

Из данной позиции можно сделать вывод, что цифровой доступ к суду (электронное правосудие) является не просто техническим нововведением, а самостоятельным и эффективным средством защиты прав. Данный цифровой доступ призван обеспечить реальную реализацию конституционного права на судебную защиту для тех категорий граждан, которые сталкиваются с объективными препятствиями с доступом к правосудию. Цифровизация позволяет «сгладить» различия между жителями крупных городов и отдаленных регионов, людьми с инвалидностью и малоимущими гражданами. Эффективность цифрового доступа оценивается не по наличию технологий, а по тому, помогает ли он реально защитить право, когда традиционные способы (личная явка) затруднены или невозможны.

Афанасьева С. И. обоснованно отмечает, что «сохранение исключительно ВКС в гражданском процессе при внедрении веб-конференции в арбитражном процессе создает существенные различия в доступности правосудия для разных категорий граждан» [3, с. 1143].

При проведении онлайн-заседания у суда могут возникнуть сложности при исследовании письменных и иных доказательств в тех случаях, когда требуется обозрение оригинала на основании ч. 2 ст. 71 и ч. 3 ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса РФ (например, в случае, если необходимо провести анализ отдельных элементов структуры текста, имеющих решающее значение при разрешении спора).

Потеева А. В. в произведенном анализе преимуществ и недостатков дистанционных форматов приходит к выводу, что, несмотря на экономию ресурсов, «цифровой разрыв» между профессиональными юристами крупных городов и остальными участниками процесса только усиливается. Она также обращает внимание на сложность исследования вещественных и письменных доказательств в онлайн-режиме, что может повлиять на полноту и всесторонность судебного разбирательства [4, с. 69].

Ряд ученых (Артеменко Б. А., Афанасьев С. Ф., Баранов И. Г. и др.) обосновывают оправданность различий в правовом регулировании. Как отмечается в литературе, «арбитражный процесс исторически ориентирован на рассмотрение экономических споров с участием профессиональных юристов, представителей организаций, что предполагает более высокий уровень технической оснащенности участников и их готовность к использованию цифровых технологий» [5, с. 45].

Однако такая проблема суда отчасти решена при проведении судебных заседаний посредством видеоконференц-связи. В частности, в п. 23 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2011 № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении

изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» указано, что путем использования систем видеоконференц-связи лицом, участвующим в судебном заседании, могут быть также представлены в арбитражный суд, рассматривающий дело, письменные доказательства, иные документы и материалы при условии наличия технических средств, обеспечивающих возможность ознакомления с такими доказательствами (документ-камера).

Во многих случаях у рядовых участников гражданского процесса такие технические средства для участия в сеансе веб-конференции отсутствуют. Хисамов А. Х. указывает на специфику арбитражного судопроизводства, где «участники процесса, как правило, обладают необходимыми техническими устройствами и навыками их использования, тогда как в гражданском процессе значительная часть граждан (пенсионеры, лица с низким доходом, жители отдаленных территорий) могут не иметь доступа к интернету или не обладать навыками работы с веб-сервисами» [6].

Система веб-конференции значительно расширила возможности защиты прав граждан в арбитражных судах. На данный момент территориальная удаленность не является барьером для участия лиц в судебном процессе. Введение информационных технологий стало ключевым фактором в развитии судебной системы, которые отражают достаточно высокую практическую пользу для всех участников судебного разбирательства. Указанный способ дает возможность эффективно отстаивать свои интересы вне зависимости территориального положения сторон, участвующих в деле.

Однако анализ правоприменительной практики и доктринальных источников позволяет выявить и обратную сторону цифровизации, которая может провоцировать процессуальное неравенство. Ключевой проблемой является оценочная категория «наличие технической возможности», закрепленная в ч. 2 ст. 153.2 АПК РФ в качестве основания для отказа в удовлетворении ходатайства. Критерии этой «технической возможности» на законодательном уровне не раскрыты и зачастую зависят от загруженности серверов, качества каналов связи и программного обеспечения конкретного суда. В таких условиях сторона, полагающаяся на дистанционное участие, может оказаться в заведомо менее выгодном положении, чем ее оппонент, присутствующий в зале суда лично.

Еще одним аспектом, порождающим неравенство, являются различные уровни цифровой грамотности и материально-технической оснащенности участников процесса. Для участия в веб-конференции необходимы не только компьютер и стабильный интернет, но и наличие подтвержденной учетной записи на портале Госуслуг (ЕСИА), а также навыки работы с соответствующим программным обеспечением.

Неравенство порождается не столько отсутствием доступа к интернету как такового, сколько разницей в цифровой грамотности. Возможность участвовать в веб-

конференции требует от гражданина специфических навыков (работа с порталом Госуслуг, программным обеспечением), которыми обладают далеко не все, особенно пожилые люди или жители отдаленных территорий.

Формально предоставив всем возможность дистанционного участия, судебная система рискует создать ситуацию, при которой более грамотные участники, например, юристы крупных фирм получают преимущество, а обычные граждане оказываются в еще более уязвимом положении, чем при традиционном («бумажном») процессе.

Так, Бурдина Е. В. поднимает проблему цифрового доступа к суду как нового измерения доступности правосудия. Она указывает на то, что отсутствие единой, стабильно работающей государственной платформы для веб-конференций и разрозненность технических решений

в судах создают неравенство возможностей для участников, особенно из отдаленных регионов или с низким уровнем цифровых компетенций [2, с. 50].

С одной стороны, это безусловный шаг вперед в технической трансформации судебной системы, повышающий доступность правосудия и оперативность рассмотрения дел. С другой стороны, его внедрение обнажает риски нового вида процессуального неравенства, обусловленного не правовым статусом сторон, а их «цифровыми возможностями» и подверженностью техническим сбоям. Ответом на этот вызов должна стать не приостановка цифровизации, а выработка четких и прозрачных правовых механизмов, гарантирующих соблюдение принципа равноправия сторон при проведении судебного заседания посредством веб-конференции.

Литература:

1. Тихомирова, Ю. В. Особенности взаимодействия участников процесса и суда при рассмотрении дел с использованием веб-конференций в арбитражных судах / Ю. В. Тихомирова, В. В. Шкаревская. — Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2023. — № 10 (110). — С. 127–135.
2. Бурдина, Е. В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования / Е. В. Бурдина. — Текст: непосредственный // Российский судья. — 2022. — № 10. — С. 49–53.
3. Афанасьева, С. И. О необходимости гармонизации правового регулирования применения видеоконференц-связи и веб-конференции в различных формах судопроизводства / С. И. Афанасьева. — Текст: непосредственный // Ex jure. — 2023. — № 4. — С. 17–32.
4. Потеева А. В. Дистанционные способы участия в судебном заседании: преимущества и недостатки // Арбитражные споры. — 2021. — № 2. — С. 65–72.
5. Арбитражное процессуальное право: практикум для вузов / Б. А. Артеменко, С. Ф. Афанасьев, И. Г. Баранов [и др.]. — Саратов: Саратовской гос. юридической акад., 2024. — 312 с. — Текст: непосредственный.
6. Хисамов, А. Х. Новые технологии и новые процессуальные культуры: сохранение ценностей / А. Х. Хисамов. — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 2025. — № 10.

Правопреемство при передаче публичных полномочий

Сафина Юлия Константиновна, студент

Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу института процессуального правопреемства при передаче публичных полномочий в административном судопроизводстве. Особую актуальность вопрос приобретает в случаях передачи публичных полномочий от одного органа к другому. Неопределённость в регулировании правопреемства может привести к назначению ответственными лиц, фактически лишённых возможности исполнить судебный акт.

Цель статьи — проанализировать проблемы правопреемства при передаче публичных полномочий, изучить позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также рассмотреть предлагаемые изменения в законодательстве. Так же предлагаются направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: административное судопроизводство, процессуальное правопреемство, публичные полномочия, функциональное правопреемство, передача полномочий, замена стороны.

Как отмечает Никитин С. В., «процессуальное правопреемство — переход процессуальных прав и обязанностей от одного лица к другому в случае выбытия одной из сторон в спорном правоотношении (смерти гражда-

нина, реорганизации юридического лица, уступки требования и т. д.)» [1, с. 47]. Из данного понятия можно сделать вывод, что правопреемство является важным механизмом обеспечения стабильности правоотношений при изме-

нении субъектного состава участников процесса. Особую актуальность вопрос приобретает в случаях передачи публичных полномочий от одного органа к другому. Неопределённость в регулировании правопреемства может привести к назначению ответственными лиц, фактически лишённых возможности исполнить судебный акт.

Перераспределение компетенции между федеральными органами исполнительной власти, передача полномочий с федерального уровня на региональный и муниципальный, реорганизация и упразднение государственных органов — все эти процессы порождают комплекс вопросов о правах и обязанностях, связанных с реализацией публичных функций.

До недавнего времени ключевым нормативным актом, регулирующим правопреемство в административном процессе, была ч. 1 ст. 44 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ). [2, ст. 44]. Однако эта норма не содержала чётких правил правопреемства при передаче публичных полномочий. И как подчеркивается Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.08.2023 N 46-КГ23-7-К6, «содержание функционального правопреемства органов государственной власти состоит в фактическом переходе элементов или части правового статуса (задач, функций, полномочий или их части, ответственности и др.) от одного государственного органа к другому (другим). Цель такого правопреемства — сохранение непрерывности осуществления властных функций в правовом режиме и, прежде всего, непрерывности и защиты прав физического или юридического лица» [3].

Анализ приведённой нормы позволяет выделить несколько принципиальных особенностей:

1. Во-первых, законодатель ограничил основания процессуального правопреемства исключительно реорганизацией государственного органа;
2. Во-вторых, норма регулирует правопреемство только в период рассмотрения административного дела, оставляя без внимания стадию исполнения судебного акта.

Ст. 44 КАС РФ устанавливает четыре вида основания для процессуального правопреемства: реорганизация или упразднение органа власти, освобождение должностного лица от должности, смерть гражданина и реорганизация юридического лица [2, ст. 44]. Передача публичных полномочий от одного органа к другому без реорганизации, а также иные формы перераспределения компетенции в закрытый перечень оснований не входят.

Ч. 5 ст. 44 КАС РФ устанавливает процессуальный порядок оформления правопреемства: «о замене стороны ее правопреемником или об отказе в этом судом выносится соответствующее определение, на которое может быть подана частная жалоба». Ч. 6 закрепляет правило о том, что все действия, совершённые в административном судопроизводстве до вступления правопреемника в административное дело, обязательны для него в той мере, в какой они были обязательны для лица, которое правопреемник заменил.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 года № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» нет прямых разъяснений по применению ст. 44 КАС РФ о процессуальном правопреемстве.

Ключевым прецедентом стало вышеназванное Определение ВС РФ, в котором сформулировалась принципиально важная правовая позиция: «перераспределение публичных полномочий между государственными органами не должно являться препятствием к исполнению вступившего в законную силу судебного акта». Данное разъяснение формирует единый подход к правопреемству при реорганизации, упразднении или перераспределении полномочий госорганов, а также задаёт ориентир судам: приоритет — реальное исполнение судебного акта, а не формальное указание ответчика в решении.

Практика нижестоящих судов демонстрирует неоднозначность подходов к применению концепции функционального правопреемства. Так, в некоторых случаях суды находили возможным в порядке функционального правопреемства произвести изменение должника на стадии исполнения судебного акта, исходя из фактического перехода соответствующих полномочий [4]. В других случаях суды отказывали в правопреемстве, указывая, что возложение обязанностей одного органа на другой «не означает факт правопреемства в материальном правоотношении и не может служить основанием для процессуального правопреемства» [3].

Так же ключевым моментом в институте процессуального правопреемства стало Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2025 N 49-П, в котором КС РФ признал ч. 1 ст. 44 КАС РФ не соответствующей Конституции РФ «в той мере, в какой она в силу своей пробельности порождает неопределённость в вопросе о правопреемстве в период рассмотрения административного дела и при исполнении судебного акта по административному делу в случае изменения принадлежности публичных полномочий» [4].

В Постановлении сформулированы следующие ключевые правовые позиции:

1. Оспариваемая норма, хотя и сформулирована как закрытый перечень оснований для процессуального правопреемства, на практике толкуется судами расширительно. Суды общей юрисдикции исходят из допустимости правопреемства не только при реорганизации или упразднении государственных органов, но и в случае изменения принадлежности публичных полномочий;
2. Правопреемником органа (лица), на которого судебным актом возложена обязанность исполнить организационно-властные полномочия, может быть признан только орган (лицо), который был наделён соответствующими организационно-властными полномочиями, при условии, что иное не оговорено переходными положениями правовых актов, которыми изменена принадлежность публичных полномочий;

3. Если судебный акт касался защиты прав, свобод и законных интересов неопределённого круга лиц и была изменена принадлежность публичных полномочий, то вопросы о необходимости правопреемства, изменения способа исполнения судебного акта или прекращения исполнительного производства должны решаться судом с учётом того, состоялось ли вместе с изменением принадлежности публичных полномочий значимое с точки зрения целей исполнения судебного акта изменение механизма их реализации;

4. Федеральному законодателю надлежит внести в законодательство необходимые изменения, устраняющие выявленный пробел и предусматривающие общие принципы, основания и порядок осуществления правопреемства в случае изменения принадлежности публичных полномочий, в том числе в исполнительном производстве.

Таким образом, Конституционный Суд РФ не только констатировал наличие конституционно-правового пробела, но и сформулировал временные правила, которыми должны руководствоваться суды до внесения соответствующих изменений в законодательство.

Во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ от 24.12.2025 № 49-П Министерством юстиции Российской Федерации 10.02.2026 был подготовлен проект ФЗ «О внесении изменений в статьи 44 и 363 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [5]. Предлагается, что суд будет производить замену соответствующей стороны в административном деле органом, организацией или должностным лицом, на которых были возложены переданные полномочия. Принципиально важным является положение законопроекта, касающееся стадии исполнения судебного акта: «при разрешении вопроса о замене стороны исполнительного производства в связи с передачей публичных полномочий суд будет рассматривать вопрос об изменении способа исполнения судебного акта или прекращения исполнительного производства с учётом изменения механизма реализации соответствующих публичных полномочий».

Из этого можно сделать вывод, что принятие данного законопроекта позволит решить следующие ключевые задачи:

1. Устранить правовую неопределённость в вопросе о процессуальном правопреемстве при передаче публичных полномочий;
2. Обеспечить единообразие судебной практики по данной категории дел;
3. Гарантировать реальное исполнение судебных актов, вынесенных по административным делам;
4. Защитить права органов и организаций, на которые могут быть возложены обязанности без учёта их фактической возможности исполнить судебный акт.

На основе приведенных для анализа норм, позиций КС РФ я предлагаю следующие направления совершенствования законодательства:

1. Закрепить критерии определения правопреемника, включая наличие соответствующих полномочий, реальную возможность исполнения решения (финансовые, кадровые и иные ресурсы);
2. Установить порядок замены стороны в административном деле и исполнительном производстве, включая сроки рассмотрения вопроса о правопреемстве, перечень документов, подтверждающих передачу полномочий;
3. Предусмотреть возможность изменения способа исполнения судебного акта при правопреемстве, если новый субъект не может исполнить решение в прежней форме.

Подводя итоги, можно сказать о том, что институт процессуального правопреемства при передаче публичных полномочий в административном судопроизводстве длительное время находился в состоянии правовой неопределённости. Статья 44 КАС РФ, устанавливающая закрытый перечень оснований для правопреемства, не охватывала случаи перераспределения компетенции между органами власти без их реорганизации. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2025 № 49-П не только выявило конституционно-правовой пробел, но и сформулировало временные правила разрешения соответствующих вопросов, а также определило направления совершенствования законодательства. А так же дальнейшее развитие законодательства в этой сфере должно основываться на принципах правовой определённости и исполнимости судебных решений.

Литература:

1. Административное судопроизводство / С. В. Никитин, Н. В. Алексеева, А. А. Арифуллин, С. Т. Багыллы. — Москва: РГУП, 2018. — 312 с.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 11.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — ст. 1391.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.08.2023 N 46-КГ23-7-К6 // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2272038 (дата обращения: 12.04.2026)
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2025 N 49-П // Конституционный Суд Российской Федерации. — URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision878471.pdf> (дата обращения: 12.04.2026)
5. Проект Федерального закона «О внесении изменений в статьи 44 и 363 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России 10.02.2026) // ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/57045842/> (дата обращения: 12.04.2026)

Актуальные проблемы применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса в Российской Федерации

Селезнев Георгий Александрович, студент

Научный руководитель: Левендаренко Олег Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Донецкий государственный университет

В статье исследуются проблемы применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса. Анализируются вопросы правовой регламентации изъятия электронных носителей, отсутствие легальных определений электронных доказательств и процессуального статуса цифровой информации. Предложены пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: электронные доказательства, доказывание, досудебные стадии, уголовный процесс, цифровизация.

Актуальность исследования. Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни закономерно приводит к тому, что все большее количество криминалистически значимой информации существует в электронной форме. В связи с этим в уголовном судопроизводстве остро встает вопрос о применении электронных средств в процессе доказывания, особенно на досудебных стадиях, где формируется фундамент доказательственной базы по уголовному делу. Электронные носители информации, цифровые следы преступлений, а также технические средства их фиксации и изъятия требуют не только внедрения в практику, но и надлежащего правового регулирования, обеспечивающего как полноту собираемых доказательств, так и соблюдение конституционных прав участников уголовного судопроизводства.

Цель исследования — анализ проблем применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса в Российской Федерации и разработка на этой основе научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

В. Б. Вехов подчеркивает, что с развитием цифровых технологий компьютерные данные все чаще становятся объектом и инструментом правонарушений, а также доказательной базой в уголовном, административном, гражданском и арбитражном судопроизводстве. Однако уголовно-процессуальное законодательство России, в отличие от других процессов, остается более консервативным в регулировании работы с такими сведениями [3, с. 48]. Анализ части 2 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и связанных с ней норм демонстрирует, что компьютерные данные допускаются в уголовном процессе лишь как вещественные доказательства (статья 81 УПК РФ) и иные документы (статья 84 УПК РФ), если они использовались в качестве средства совершения преступления, сохранили следы преступления, являются предметом преступления, могут помочь в обнаружении преступления и установлении обстоятельств уголовного дела или содержат сведения, важные для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [1]. В связи с этим предлагается ввести родовое понятие электронных

доказательств, определяя их как любые сведения (сообщения, данные), представленные в электронной форме, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном процессуальном законодательством порядке устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Н. В. Золотухина отмечает, что статья 164.1 УПК РФ содержит запрет на изъятие электронных носителей информации, но данная норма распространяется только на случаи производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, что существенно ограничивает ее действие [5, с. 97]. При этом законодателем предусмотрены исключения, когда запрет не применяется: если вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации; если изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения; если на электронных носителях содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой их владелец не обладает, либо она может быть использована для совершения новых преступлений. Несмотря на движение законодателя в верном направлении, ограничение действия статьи 164.1 УПК РФ лишь рамками возбужденного уголовного дела по небольшому кругу составов преступлений, а также право широкого усмотрения для оценки тех или иных обстоятельств по-прежнему не дают четкой регламентации порядка изъятия электронных носителей информации. На основе этого можно прийти к выводу, что при разработке законодательной базы, регулирующей процесс изъятия электронных носителей информации в рамках уголовного дела, упущен важный момент, касающийся отсутствия определения понятия электронных носителей информации в статье 5 УПК РФ, что ведет к самопрочтению сотрудниками следственных органов условий изъятия электронных носителей информации и негативно влияет на доказательственную базу по уголовным делам.

По мнению А. А. Дмитриевой, ключевая проблема заключается в отсутствии понятия электронных доказательств в уголовно-процессуальном законе при том, что произо-

шедшая цифровая трансформация общества, рост киберпреступлений, увеличение доказательственного значения цифровых следов преступлений, повсеместное использование де-факто электронных доказательств в практике деятельности правоохранительных органов наталкиваются на проблему отсутствия легального определения. [4, с. 15] Эффективность понимается исследователями как соотношение использованных ресурсов и полученных результатов, и в информационном обществе гигантский объем электронной информации в современной инфраструктуре создает трудности при работе с информацией для любого человека, но в то же время открывает огромные возможности для органов расследования, что требует ответа на вопрос о том, как добиваться максимального результата при минимуме затрат сил, средств и времени.

В связи с этим следует включить в уголовно-процессуальное законодательство понятия «электронные данные» и «электронные доказательства» с целью преодоления бумажного способа оформления материалов уголовного дела, что позволит собирать электронную доказательственную информацию из цифровой инфраструктуры электронным способом, проводить электронным способом следственные и иные процессуальные действия, фиксировать и сохранять полученную доказательственную информацию в электронной форме в материалах уголовного дела, обеспечивая процессуальную и материальную экономию процесса доказывания.

М. И. Хадыкин обращает внимание на особую сложность, возникающую в процессе оценки электронных доказательств при проверке уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, что определяется рядом аспектов, связанных как с самим электронным доказательством, так и с процедурой его исследования [6, с. 424].

Первый аспект связан с неопределенным статусом электронного доказательства в системе источников доказательств, поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит легального определения электронного доказательства, что порождает сложности при его идентификации и отнесении к определенному виду доказательств. Следующий аспект связан с носителем электронного доказательства, который в большинстве случаев является материальным объектом, позволяющим отнести его к вещественным доказательствам, однако при определении статуса носителя он остается носителем информации, в результате возникает си-

туация, при которой одно доказательство содержит в себе другое, что осложняет процедуру исследования электронного доказательства.

Согласно пункту 2.10 Приказа Генпрокуратуры России от 13 июля 2017 года № 486 «Об утверждении Инструкции о порядке учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам в органах прокуратуры Российской Федерации», выдача вещественных доказательств из камеры хранения вещественных доказательств (специального хранилища) производится по письменному разрешению прокурора, однако отсутствие детализации действий прокурора в процессе изучения электронных доказательств создает значительные трудности [2]. Необходимо дополнить указанную инструкцию правилами работы с электронными доказательствами и их носителями, установив, в первую очередь, правила вскрытия опечатанных пакетов с носителями электронных доказательств, поскольку данное действие вызывает много сложностей при практическом осуществлении, а также предлагает разработать процедурные правила, позволяющие прокурору полноценно исследовать содержание электронных носителей без нарушения целостности доказательственной информации и с соблюдением требований допустимости доказательств.

Таким образом, основными проблемами использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве являются отсутствие легального определения электронных доказательств в УПК РФ, что приводит к их отнесению лишь к вещественным доказательствам или иным документам без выделения самостоятельного процессуального статуса, а также неопределенность порядка изъятия электронных носителей информации, обусловленная ограниченным действием статьи 164.1 УПК РФ только по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности и отсутствием четкой регламентации работы с такими носителями при их исследовании прокурором. Для решения указанных проблем предлагается внести в УПК РФ понятия «электронные данные» и «электронные доказательства», закрепить порядок их собирания, фиксации и хранения в электронной форме, а также дополнить ведомственные инструкции правилами работы с электронными носителями, включая процедуру вскрытия опечатанных пакетов и исследования их содержимого без нарушения целостности доказательственной информации.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 13.07.2017 № 486 «Об утверждении Инструкции о порядке учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам в органах прокуратуры Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281338/ (дата обращения: 31.03.2026). — Загл. с экрана.
3. Вехов, В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практика / В. Б. Вехов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2016. — № 4 (11). — С. 46–50.

4. Дмитриева, А. А. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве / А. А. Дмитриева, П. С. Пастухов // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 1. — С. 1–26.
5. Золотухина, Н. В. Проблемные вопросы собирания доказательств по уголовному делу / Н. В. Золотухина, П. Н. Жукова // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 2 (49). — С. 94–99.
6. Хадыкин, М. И. Аспекты изучения электронных доказательств по уголовному делу / М. И. Хадыкин // Вестник науки. — 2025. — № 12 (93). — С. 422–427.

Правовой статус религиозных организаций в Российской Федерации: современные проблемы и направления совершенствования законодательства

Семенюта Ольга Николаевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются особенности правового статуса религиозных организаций в Российской Федерации. Анализируются понятия религиозного объединения, религиозной группы и религиозной организации, порядок их создания и регистрации, а также основные ограничения, установленные действующим законодательством. Особое внимание уделено проблемам контроля за деятельностью религиозных групп, предпринимательской деятельности религиозных организаций и совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: религиозная организация, религиозная группа, свобода совести, свобода вероисповедания, государственная регистрация, прокурорский надзор, религиозное объединение.

Свобода совести и свобода вероисповедания относятся к числу фундаментальных конституционных прав человека. Статья 28 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними [1]. Реализация данного права тесно связана с правом на объединение, предусмотренным статьей 30 Конституции Российской Федерации [1].

Религиозные объединения являются значимыми участниками общественной жизни. Несмотря на отделение религиозных объединений от государства, они активно взаимодействуют с органами публичной власти, участвуют в благотворительной, образовательной и просветительской деятельности. Это обуславливает необходимость детального правового регулирования их статуса.

Основным нормативным актом в данной сфере выступает Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Закон использует понятия «религиозное объединение», «религиозная группа» и «религиозная организация». Религиозное объединение представляет собой общее понятие, которое может существовать в форме религиозной группы либо религиозной организации [2].

Согласно статье 7 Федерального закона № 125-ФЗ религиозная группа осуществляет деятельность без государственной регистрации и без приобретения статуса юридического лица. Вместе с тем она обязана уведомить Минюст России о начале своей деятельности и ежегодно подтверждать ее продолжение [2]. Отсутствие государственной регистрации затрудняет контроль за деятельностью рели-

гиозных групп, поскольку сведения о них не включаются в систему статистического учета.

Практика показывает, что именно на стадии существования религиозной группы государственным органам сложнее всего выявить возможные нарушения законодательства. Это связано с отсутствием открытых данных о численности участников, структуре объединения, источниках финансирования и фактических целях деятельности.

В научной литературе отмечается, что действующая модель регулирования религиозных групп требует дальнейшего совершенствования. Одним из возможных решений может стать введение специального государственного реестра религиозных групп, который будет носить уведомительный характер. Такой подход позволит обеспечить баланс между принципом свободы совести и необходимостью контроля за соблюдением законодательства.

Религиозная организация, в отличие от религиозной группы, признается юридическим лицом. Согласно статье 8 Федерального закона № 125-ФЗ религиозной организацией является добровольное объединение граждан, зарегистрированное в установленном порядке для совместного исповедания и распространения веры [2].

Наличие статуса юридического лица позволяет религиозной организации участвовать в гражданском обороте, владеть имуществом, создавать образовательные учреждения и средства массовой информации. Закон выделяет местные и централизованные религиозные организации. Для создания местной религиозной организации необходимо не менее десяти учредителей, постоянно проживающих на территории одной местности [2].

Особенностью правового статуса религиозных организаций является наличие дополнительных ограничений для их учредителей. Учредителями не могут выступать иностранные граждане, пребывание которых признано нежелательным в Российской Федерации, лица, причастные к экстремистской деятельности, а также лица, чьи счета заблокированы по подозрению в финансировании терроризма [2].

Существенным элементом правового регулирования выступает государственная регистрация религиозной организации. Решение о регистрации принимает Минюст России или его территориальный орган. Основанием для отказа в регистрации может быть противоречие целей и деятельности организации законодательству Российской Федерации, несоответствие представленных документов установленным требованиям либо отсутствие признаков религиозной организации [2].

Особого внимания заслуживает вопрос предпринимательской деятельности религиозных организаций. В соответствии со статьей 23 Федерального закона № 125-ФЗ религиозные организации вправе осуществлять предпринимательскую деятельность и создавать собственные предприятия. Однако закон прямо не устанавливает, что такая деятельность должна соответствовать целям создания организации [2].

Представляется необходимым закрепить в законодательстве положение о том, что приносящая доход деятельность религиозной организации должна соответствовать ее уставным целям. Получаемая прибыль должна направляться на реализацию религиозных, благотворительных и иных общественно полезных задач, ради которых организация была создана.

Особое место в системе правового регулирования занимает вопрос ликвидации религиозных организаций. Согласно статье 14 Федерального закона № 125-ФЗ ликвидация

может быть добровольной либо принудительной. Принудительная ликвидация производится по решению суда в случае неоднократного или грубого нарушения законодательства, осуществления экстремистской деятельности либо уклонения от предоставления обязательной отчетности [2].

Следует учитывать, что ликвидация религиозной организации представляет собой крайнюю меру государственного воздействия. Ее применение допустимо лишь при наличии достаточных доказательств того, что деятельность организации создает угрозу общественной безопасности, нарушает права граждан либо противоречит конституционным основам государства.

Не менее важным является вопрос о пределах вмешательства государства во внутреннюю деятельность религиозных организаций. Российское законодательство исходит из принципа отделения религиозных объединений от государства. Это означает, что государственные органы не вправе вмешиваться во внутренние вопросы вероучения, богослужебной практики, порядка назначения духовных лиц и иных аспектов религиозной жизни, если такая деятельность не противоречит закону.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что уважение автономии религиозных организаций является важнейшей гарантией свободы совести. Вместе с тем внутренняя автономия не может рассматриваться как основание для уклонения от соблюдения обязательных требований законодательства [3].

Таким образом, правовой статус религиозных организаций в Российской Федерации отличается рядом особенностей, связанных с их особой социальной ролью. Действующее законодательство в целом обеспечивает баланс между свободой совести и необходимостью государственного контроля, однако отдельные положения требуют совершенствования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П.
4. Ананьева К. Я., Хлыстов М. В. Особенности правового положения религиозных организаций // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 77–83.
5. Щербинин А. А. Предпринимательская деятельность религиозных организаций: проблемы правового регулирования // Закон и право. 2022. № 9. С. 64–68.

О рецепции римского права в китайское право в части регулирования сервитута

Сиротина Анна Михайловна, студент

Научный руководитель: Есенова Валентина Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуется вопрос о рецепции римского права в правовую систему Китая на примере института сервитута. В исследовании проведён анализ основных категорий личных сервитутов, разработанных в Древнем Риме, и осуществлено их сопоставление с положениями действующего Гражданского кодекса КНР, регулирующими сервитутные

отношения. В статье представлены выводы о наличии отдельных проявлений опыта римского права в гражданском праве Китая.

Ключевые слова: сервитут, личные сервитуты, право на жилище, право на чужую вещь, римское право, узупфрукт, узус, хабитацио.

Возникновение и дальнейшее развитие сервитута произошло в Древнем Риме. Многие государства переняли в свои правовые системы опыт римского права, но необходимо отметить тот факт, что историко-культурные аспекты той или иной страны в своей части повлияли на развитие данной категории права на чужие вещи. В этой связи возникает вопрос — был ли заимствован китайским законодателем опыт римского права в правовом регулировании сервитута?

В работе Кормановского М. В. была подмечена главная особенность правовой системы Китая: по его мнению, «в КНР прослеживается как преемственность древним традициям и мифологии, так и черты романо-германской и англо-саксонской правовым систем, а также советского права» [1]. В целом это объяснимо влиянием исторических этапов развития как политических отношений с другими странами, так и влиянием опыта правового регулирования данных государств. В качестве такого примера можно привести политическое сотрудничество Китая и Германии в начале XX века. В работе Цвык А. В. упоминается о влиянии опыта частного права Германии на развивающееся право Китая. Так, исследователь пишет: «китайские политики в последние годы династии Цин разработали проект гражданского кодекса Китая по образцу Германского гражданского уложения, однако мир его так и не увидел в свете событий 1911 г. и развившейся Синьхайской революции». Именно внешнеполитические обстоятельства отбросили на многие годы развитие кодифицированного законодательства Китая.

Однако для того, чтобы выявить сходства в регулировании сервитутов в римском и китайском праве, следует обратиться к основным характеристикам этого института, разработанным в Древнем Риме.

Сервитут представляет собой один из видов права на чужую вещь, распространенного в римском праве. При этом сервитут подразделялся на личные и вещные права. Следует отметить, что сервитут был важной категорией прав на чужую вещь в римском праве, поскольку часто возникали ситуации, при которых было затруднительно использовать соседствующие земельные участки или строения, и в связи с чем было необходимо урегулировать порядок взаимных ограничений и уступок участников гражданско-правовых отношений.

Вещные сервитуты подразделялись на сельские и городские, а личные на узупфрукт (*usus fructus*), узус (*usus sine fructu*) и хабитацио (*Habitatio*).

В части вопроса о приобретении сервитута, представляется необходимым обратиться к учебной литературе,

которая систематизирует основания возникновения такого права. Так, в работе Бортенева А. И. и Сергачева О. А. приведены следующие основания: «**по воле собственника служащей вещи**, это могло быть в одностороннем порядке или по соглашению между собственником и субъектом сервитута; **судебным решением; в силу закона; по давности**» [2]. При этом в работе Грунина В. А., Зин Н. В. и др. указан не такой обширный перечень возможных оснований установления сервитута, вот перечень таковых оснований: «**судебный приговор; частный договор двух лиц**, один из которых был собственник, а другой — пользователь узупфрукта; **получение по наследству**, в т. ч. в качестве легата» [3]. Исходя из данных точек зрения исследователей можно предположить, что чаще всего сервитут устанавливался решением суда или по соглашению сторон.

В работе Некрасовой И. Е. в качестве оснований прекращения действия сервитута было указано следующее: «по закону, по завещанию или составлением соглашения, окончанием срока действия сервитута, отказ от сервитута, гибель одного из сторонников правоотношений (служащей или господствующей)» [4]. Проще говоря, сервитут прекращался как в случае возникновения объективных факторов, так и субъективных.

Рассмотрев общие черты установления сервитута в римском праве, необходимо установить наличие схожих механизмов правового регулирования в рамках китайского права. Так, вступивший в силу Гражданский кодекс КНР от 1 января 2021 года сохранил институт сервитута, который был урегулирован другими нормативно-правовыми актами, действовавшими до принятия данного кодифицированного акта.

Стоит отметить, что право частной собственности на землю в КНР отсутствует, ввиду социалистического устройства данной страны. Но вместе с тем, гражданам Китая может принадлежать недвижимое имущество, к примеру дом, расположенный на земле, но не сама земля. В целом такая правовая действительность частноправовых отношений создает проблемы в пользовании землей, однако, данная ситуация разрешима. Как отмечает в своей работе Алексеенко А. П.: «в Китае широко используется узупфрукт — права пользования, владения и извлечения прибыли в отношении чужого недвижимого или движимого имущества» [5]. При изучении ГК КНР можно отметить, что данное право пользования чужим имуществом возможно в таких случаях, как при договорном управлении земельными участками (ст. 331 ГК КНР); использовании земли в целях строительства (ст. 344 ГК КНР); использовании земельного участка под строительство дома (ст. 362 ГК КНР).

Положения гл. XIV ГК КНР «Право на жилище» относятся к категории личных сервитутов и с точки зрения римского права соответствует узусу. Это подтверждается тем, что обладатель права проживания не вправе сдавать жилье в аренду. Однако, китайский законодатель все же допускает сдачу жилья в аренду только при наличии договоренности сторон об этом праве узуфруктуария, что исходит из ст. 369 ГК КНР. Можно отметить, что китайский законодатель, воспринимая опыт римского права, не стал устанавливать жёстких ограничений, запрещающих узуфруктуарию извлекать из вещи иную выгоду, и пошёл далее, допустив аренду жилья по соглашению сторон. Вместе с этим наличие договоренности между сторонами направляет уже к другой разновидности личных сервитутов, которую сформировало римское право — хабитацию. Для последней категории права на чужую вещь было присуще право узуфруктуария сдавать жильё другим лицам. В этой связи можно отметить, что китайский законодатель решил установить свою конструкцию личного сервитута, сочетающую в себе черты узуса и хабитацию, которые в римском праве были разделены.

Переходя к главе XV ГК КНР, которая посвящена урегулированию отношений в области установления сервитута, необходимо отметить, что она устанавливает общие условия возникновения сервитута, а также регулирует специфичные разновидности, которые были указаны ранее.

Так, в статьях 373 и 374 ГК КНР закреплено, что сервитут может быть установлен на основании договора между сторонами и возникает в момент вступления в силу договора. На примере данных статей мы можем отметить, что в китайском праве, как и в римском праве, в качестве основания установления сервитута должно быть соглашение двух сторон.

В качестве оснований прекращения сервитута в китайском праве вопрос урегулирован иначе, так, в статье 384 ГК КНР установлено: «Если лицо, имеющее право на сервитут, находится при любом из следующих обстоятельств, лицо, имеющее право на обслуживаемую землю, имеет право расторгнуть договор о сервитуте, чтобы аннулировать сервитут:

- 1) злоупотребление правом на сервитут в нарушение положений законов или договора;
- 2) или в случае платного использования служебной земли — неуплата соответствующих сборов, несмотря на получение двух предупреждающих уведомлений в течение разумного периода времени после уплаты платежа в соответствии с соглашением» [6].

Можно отметить, что для китайского права, в отличие от римского, характерны другие основания прекращения сервитута. Для римского права требовалось длительное неиспользование обремененной вещи, т. е. отказ от неё, гибель самой вещи или субъекта личного сервитута и др. В то время как в Китае для прекращения сервитута требуются основания, которые установлены законом или условиями договора.

Однако, в праве Китая есть сходство с римским правом в вопросе о прекращении сервитута — истечение срока действия такого соглашения. В ГК КНР нет прямого положения о прекращении сервитута ввиду истечения срока действия соглашения, однако, смысл статей 373 и 377 ГК КНР позволяет установить в договоре срок действия сервитута. Отсюда следует, что в качестве основания прекращения сервитута будет являться также истечение срока действия такого соглашения.

Если дать общую характеристику легальному закреплению понятия «Сервитут», то в гражданском праве КНР законодатель не установил легальное определение, как, впрочем, не было оно определено и в римском праве.

Аналогичную особенность можно обнаружить и в российском законодательстве, так, в ст. 274 ГК РФ установлено в каких случаях субъект гражданско-правовых отношений вправе требовать установления сервитута, в том числе в отношении какого земельного участка может это быть произведено.

В связи с этим можно говорить о проблеме установления законодателем в нормативно-правовых актах понятия «сервитут». Представляется одной из причин существования такой проблемы — длительная история существования института права на чужую вещь. Так, усложнение общественных отношений и наличие обстоятельств, требующих внимания, затрудняли создание универсального определения, поскольку для различных ситуаций требовалось своё регулирование, как это наглядно прослеживается на примере категорий личных сервитутов. Вместе с этим, можно предположить, что такая проблема связана также с созданием простого и гибкого механизма применения норм. Так, законодателю проще установить специальные правила для конкретных категорий отношений, чтобы субъекты гражданско-правовых отношений без проблем могли согласовывать свои действия с положениями закона для соответствующей разновидности права на чужую вещь.

Подводя итог всему вышесказанному, опыт римского права в части правового регулирования сервитутов имеет определенное влияние на регулирование рассматриваемого института в праве Китая. Прямое заимствование проявляется в основаниях возникновения сервитута, а также в использовании категорий личных сервитутов китайским законодателем.

Однако следует отметить, что китайский законодатель по-своему интерпретировал опыт римского права в свою правовую систему. Так, он установил свою конструкцию личного сервитута и основания прекращения права на чужую вещь.

Отсюда можно говорить о том, что опыт римского права был заимствован китайским законодателем, опять же, с учетом историко-культурных особенностей своей страны. Это и объясняет наличие ряда отличительных механизмов правового регулирования общественных отношений, связанных с сервитутом.

Литература:

1. Кормановский, М. В. Характерные особенности современной правовой системы Китайской Народной Республики и причины их возникновения / М. В. Кормановский. — Текст: непосредственный // E-Scio. — 2021. — № 11 (62). — С. 668–683.
2. Бортенев, А. И. Римское право: учебное пособие / А. И. Бортенев, О. А. Сергечева. — 3-е изд. — Москва: Дело РАНХиГС, 2020. — 100 с. — Текст: непосредственный.
3. Римское право: учебное пособие / В. А. Грунина, Н. В. Зин, В. А. Чирикин, В. В. Шаханов. — Москва: Дело РАНХиГС, 2022. — 171 с. — Текст: непосредственный.
4. Некрасова, И. Е. Сервитуты в римском праве / И. Е. Некрасова, Марат Давлетукаев, В. П. Котец. — Текст: непосредственный // Научные известия. — 2022. — № 27. — С. 42–44.
5. Алексеенко, А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР / А. П. Алексеенко. — Текст: непосредственный // 11. — 2021. — № 12 (133). — С. 199–211.
6. Civil Code of the People's Republic of China (Adopted at the Third Session of the Thirteenth National People's Congress on May 28, 2020). — Текст: электронный // <https://english.www.gov.cn/>: [сайт]. — URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/202012/31/content_WS5fedad98c6d0f72576943005.html (дата обращения: 28.10.2025).

Правовая природа договора каршеринга

Соколова Лина Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Пархоменко Дарья Васильевна, кандидат технических наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье автор исследует понятие каршеринга, его плюсы и минусы, а также выделяет атрибутивные признаки, свидетельствующие о самостоятельности каршеринга как гражданско-правового договора.

Ключевые слова: гражданское право, аренда, договор, каршеринг, транспортное средство.

Актуальность проблем каршеринга определяется тем, что преодолеть кризисные явления в национальной экономике нельзя без надлежащей регламентации договорных взаимодействий и гражданского оборота, включая и договоры о передаче активов по временное пользование, к которым относится такая договорная конструкция как каршеринг.

К безусловным достоинствам плюсам экономики «совместного потребления» принято относить облегчение доступа к эксплуатации ресурсной базы фактически неограниченным кругом заинтересованных лиц, возможность максимально оперативно реализовать свои имущественные интересы, анонимность и конфиденциальность, рыночный характер складывающихся взаимоотношений, возможность прибегнуть к надлежащим средствам правовой защиты, и ряд др. плюсов и преимуществ.

К весьма значимым проявления экономики «совместного потребления» принято относить и феномен каршеринга (carsharing) — цифровой сервис, функционально-целевое предназначение которого состоит в коллективном формате использования, главным образом, легковых автомобилей, но также — и иных транспортных средств.

Цель настоящей статьи — проанализировать концепцию договора каршеринга как новый правовой феномен в обязательственном праве России. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить

понятие каршеринга, установить его функционально-целевое предназначение, выделить сущность и атрибутивные признаки каршеринга.

Использование одного каршерингового автомобиля позволяет «убрать» с городских магистралей не менее полтора десятка транспортных средств, высвободив при этом более двадцати парковочных мест. Каршеринг также содействует весьма значительному сокращению выбросов углекислого газа (по оценкам специалистов — не менее чем на 25 %) [2, с. 102].

В нашей стране каршеринг востребован, главным образом, в мегаполисах и курортных зонах. Как аргументированно отмечается М. А. Бажиной, «выбор сервисов отличается весьма значительным разнообразием. К примеру, в столице присутствуют полтора десятка каршеринговых фирм, включая такие крупные как BelkaCar, Anytime You Drive, Yandex.Drive, Delimobil. Что касается модельных рядов используемых автомобилей, он характеризуется крайней неоднородностью — от самых дешёвых марок до премиальных брендов» [1, с. 289].

Каршеринговый сервис с точки зрения частной клиентуры и перспективности бизнеса сегодня считается весьма успешным, чему способствуют, главным образом, такие триггеры как возможность значительной экономии издержек и ресурсов — ведь гражданин, арендующий машину, не несет бремени его приобретения и содержания.

С точки зрения публичного интереса он позволяет повысить скорость общегородского движения, снизить транспортную нагрузку на магистрали, сократить общее число автотранспорта на дорогах и парковках.

Что касается проблемных аспектов, они также присутствуют. Каршеринговый автотранспорт часто угоняют, клиенты относятся к нему небрежно, из них воруют.

В итоге некоторый процент компаний каршеринга работают себе в убыток. Существуют мнения, что в ближайшие годы мелкие компании разорятся, и их рыночный сегмент поглотит крупный каршеринговый бизнес, т. е. дело движется к неизбежной централизации каршерингового рынка, где могут остаться не более пяти признанных лидеров.

Другой недостаток каршеринга кроется в ограниченности пространственных пределов использования транспортного средства, отсутствии гарантированной возможности постоянно ездить на одном и том же автомобиле.

Нормативное истолкование термина каршеринга на текущий момент законодателем официально не закреплено, что стимулирует осуществлять поиск содержательного определения как в научном сообществе, так и среди правоприменителей.

В доктринальных источниках встречаются разнообразные трактовки и интерпретации. Так, по мнению М. А. Бажиной, приведённому на страницах коллективной монографии, каршеринг — это «специальный сервис, при помощи которого пользователь, зарегистрированный в системе каршеринговой компании (оператора), может за плату временно пользоваться автомобилями, которые она предоставляет» [1, с. 290].

В свою очередь И. В. Тищенко, Л. Н. Меняйло и Ю. А. Бурлова, определяют каршеринг как «услугу, которая заключается в предоставлении ограниченной по времени аренды транспортного средства в соответствии с установленными тарифами, путем бесконтактного обращения (с помощью электронных приложений)» [3, с. 126].

Главная идея договора каршеринга, его сущность состоит в краткосрочной аренде пригодного к использованию транспортного средства. «Одной из положительных характеристик является в отсутствие необходимости ехать куда-либо для подписания договора. Получить в аренду можно доступное, ближайшее к месту нахождения потребителя, транспортное средство компании каршеринга. Форма поиска, подбора и бронирования предмета каршеринга является гибкой; например, для этого можно воспользоваться надлежащим телефонным приложением либо непосредственно в офисе фирмы, оказывающей каршеринговые услуги» [2, с. 102]. От арендатора требуется предъявить паспортные данные и копию (скан-образ) водительского удостоверения. При дистанционном оформлении заказа их можно прикрепить в цифровом формате.

После подтверждения регистрации, арендатору в его гаджете доступна вся каршеринговая база транспортных средств, которыми компания располагает к настоящему моменту. Причём доступные автомобили, как правило, не

находятся в одном месте, а рассредоточены по городскому пространству, чтобы можно было выбрать наиболее оптимальную дистанцию до ближайшего транспортного средства [2, с. 103].

К числу атрибутивных характеристик договора каршеринга принято относить нижеследующие:

- стороны договора взаимодействуют с помощью специального мобильного приложения или через сайт. Бронирование транспортного средства, его передача в аренду и возврат осуществляются без живого присутствия контрагентов, потому нет необходимости оформлять документы в письменном формате (как например, при заключении договора проката);

- срок аренды изначально не регламентируется, его фиксируют уже с учётом темпорального периода фактического использования транспортного средства. Справедливости ради заметим, что некоторые каршеринговые фирмы ограничивают этот срок неким максимальным пределом (напр., не более 24 часов) [3, с. 127];

- оплата за аренду транспортного средства обычно взимается лишь за время фактического использования автомобиля вне зависимости от пробега, т. е. не учитывается километраж. Тариф может быть посуточным либо поминутным. Не взимается плата за ГСМ, топливо и т. п.;

- территориальные пределы пользования автомобилем фиксируются в тексте договора. За границами зоны передвижения управлять автомобилем нельзя. Вернуть его обратно возможно лишь в этих границах;

- управление арендованным автомобилем нельзя передать другому лицу. За нарушение этого запрета в договоре может быть предусмотрены гражданско-правовые санкции (напр., штраф).

Специфика каршеринга может быть проиллюстрирована примерами из актуальной судебной практики. «Так, проблема сдачи автотранспортного средства также, как правило, разрешается без оформления необходимых документов (предмет аренды с указанием в договоре каршеринга на обязанность сдать его в исправном состоянии просто остаётся на парковочном пространстве)» [2, с. 102]. В этом плане интерес представляет следующий пример из судебной практики. Арендатор М. оставил предмет аренды на парковке; затем данное транспортное средство получил другой арендатор, обнаруживший в нем ряд достаточно серьезных повреждений, и вызвал сотрудников ГИБДД. Было установлено, что первый арендатор — М. повредил автомобиль, но он оспаривал свою вину в причинении повреждений арендованному имуществу [4]. В судебной практике [5] также находит своё подтверждение правовая позиция, что договор каршеринга не публичный, а потому каршеринговая компания вправе устанавливать для арендаторов требования и ограничения для заключения договора, в том числе по возрасту и стажу вождения.

С точки зрения отнесения каршеринга к тем или иным классификационным рядам гражданско-правовых договоров, он представляет собой договор с возвратным обязательством (имущество передается на возвратной ос-

нове), консенсуальным (момент вступления договора в силу не зависит от фактической передачи имущества арендатору), возмездным (презюмируется предполагает обмен равными ценностями), взаимным (презюмируется наличие субъективных прав и корреспондирующих им обязанностей у обоих контрагентов по договору).

В заключение необходимо сформулировать некоторые выводы и предложения. Каршеринг как относительно новый институт обязательственного права продолжает существовать в условиях нормативной фрагментации и многочисленных зон неопределённости, настоятельно нуждаясь в специальном урегулировании на уровне феде-

рального законодательства или подзаконного нормотворчества. В этом контексте, возможно дополнение § 3 гл. 34 ГК РФ «Аренда» самостоятельным подпараграфом 3 «Договор каршеринга». Другой вариант — разработать и принять специальный подзаконный акт в виде правил оказания каршеринговых услуг. Снятие неопределённости и устранение пробелов в правовом урегулировании каршеринговых правоотношений безусловно будет стимулировать дальнейший прогресс рассматриваемого сегмента рынка, внося свой вклад в преодоление тех кризисных явлений, которые накопились (и продолжают накапливаться) в национальной экономике.

Литература:

1. Бажина М. А. Правовое регулирование каршеринга / М. А. Бажина // В книге: Право цифровой среды. Монография. Под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. — Москва, 2022. — С. 286–295.
2. Мальцева Т. Г. Правовая природа поминутной аренды транспортного средства (каршеринга) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 2. С. 101–105.
3. Тищенко И. В., Меньяло Л. Н., Бурлова Ю. А. Проблемы гражданско-правовой ответственности в сфере каршеринга // Право и практика. — 2021. — № 2. — С. 123–127.
4. Постановление Московского горсуда от 14.12.2017 N 4а-6306/2017 2019 // Доступно из СИПС Гарант (дата обращения: 28.10.2025).
5. Постановление Девятого ААС от 14.09.2021 № 09АП-41481/2021 по делу № А40-254546/2019 // Доступно из СИПС Гарант (дата обращения: 28.10.2025).

Особенности исследования рукописных записей, выполненных с подражанием почерку другого лица, в рамках судебно-почерковедческой диагностики

Толстолюткина Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье автор исследует актуальные аспекты исследования рукописных записей, выполненных с подражанием почерку другого лица.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, экспертиза, функционально-динамический комплекс почерка, экспертная практика, подчерк, подражание подчерку.

Признаки почерка, проявляющиеся в рукописи, всегда имеют конкретный характер. Поэтому в экспертных заключениях под признаком понимается не общее свойство почерка (например, степень выработанности или форма движений при написании того или иного элемента), а его конкретное выражение в данном тексте. Одним из таких конкретных проявлений является признак подражания почерку другого лица.

Предметом судебно-почерковедческой диагностики почерка является исследование развития, функционирования, а также модификации функционально-динамического комплекса основополагающих способностей почерка, а также анализа экспертных модификаций исследования почерка [1, с. 43].

Подражание почерку другого лица осуществляется методом срисовывания или воспроизведением по памяти. В процессе срисовывания прослеживается замедление темпа письма, возникают немотивированные остановки, искривление штрихов, при выполнении отдельных элементов наблюдается различие точек начала и окончания движений и др. При подражании почерку другого лица по памяти совпадение происходит лишь у отдельных общих признаков и различие в частных.

При назначении экспертизы по исследованию текстов, выполненных с подражанием почерку другого лица, в той части постановления (определения), где говорится об обстоятельствах дела, должны быть указаны:

— целевое назначение исследуемого документа и язык, на котором он выполнен;

— возраст, национальность, место жительства, образование и профессия предполагаемого исполнителя.

Выявление и определение точной экспертной задачи тесно связано с непосредственным осмотром исследуемого документа, реквизиты которого должны быть точно и полно указаны. В процессе осмотра эксперт проверяет соответствие документа сведениям, содержащимся в постановлении (определении) о назначении экспертизы, выявляет возможные признаки технической подделки, а также оценивает пригодность документа для проведения идентификационного исследования [3, с.73].

Проводя осмотр образцов, эксперт должен обращать внимание на соответствие числа образцов и их реквизитов данным, указанным в материалах дела. В случае установления неточностей в реквизитах документов, представленных в качестве образцов, отсутствия сопоставимых образцов или возникновения сомнения в их достоверности, предположения о несоблюдении правил отбора экспериментальных образцов, явно недостаточного количества или некачественности сравнительного материала обнаруживается лишь на сравнительной стадии (например, выявление экспертом различий, которые он не может объяснить, и т. п. [6, с. 171].

При поступлении материалов на повторную экспертизу эксперт знакомится с результатами предыдущего исследования и мотивами её назначения. Поскольку повторная экспертиза обычно проводится комиссионно, на данном этапе также решается вопрос об организации совместной работы экспертов. В случае пригодности исследуемого объекта для идентификации, качественной и количественной полноценности сравнительного материала эксперт в зависимости от возникших у него версий намечает путь дальнейшего исследования.

Теория и практика решения экспертных задач свидетельствуют о том, что на данном этапе не только решается частная задача о качественной и количественной полноценности исследуемых и сравнительных материалов, но и выдвигаются версии относительно решения общей экспертной задачи о тождестве. Эти версии могут совпадать или различаться с частной судебно-следственной версией об исполнителе, сформулированной в вопросе, поставленном перед экспертом [5, с. 121].

В ряде случаев при исследовании сходных почерков, кратких записей, простых подписей, выполненных с подражанием или умышленным изменением, у эксперта наряду с основной версией о наличии либо отсутствии тождества могут возникать равнозначные контрверсии. Все они подлежат всесторонней и тщательной проверке в ходе

дальнейшего исследования. Экспертная практика свидетельствует, что выдвинутые версии нередко существенно трансформируются в процессе работы [4, с. 55].

Стадия раздельного исследования заключается в выявлении и фиксации конкретных параметров изучаемых почерков — исследуемого и сравнительного — с целью установления индивидуального комплекса идентификационных признаков по каждому объекту. Именно на этой стадии обеспечивается наиболее полное и всестороннее изучение признаков почерка. Как правило, раздельный анализ начинается с исследуемого почерка, после чего изучаются сравнительные материалы. Такой последовательности способствует то обстоятельство, что на экспертизу обычно поступает один основной объект, в отношении которого ставятся вопросы. Знание индивидуального комплекса признаков исследуемого почерка позволяет уже на ранних этапах исключить часть сравнительных объектов из глубокого анализа, тем самым ускоряя весь процесс исследования [2, с. 46]. Порядок и глубина изучения определяются экспертом в зависимости от задач экспертизы, количества объектов и конкретных обстоятельств дела. Анализ проводится от общего к частному: сначала выявляются общие признаки, затем — частные. На данной стадии эксперт переходит от простой констатации признаков к отбору наиболее специфичных из них и формированию идентификационной совокупности. Поскольку последняя представляет собой не простой перечень, а упорядоченную систему, при отборе признаков обязательно учитываются их устойчивость, частота встречаемости, а также внутренние связи и взаимозависимость между ними.

Таким образом, исследование рукописных записей, выполненных с подражанием почерку другого лица, является важной составляющей судебно-почерковедческой диагностики. Оно требует точного выявления конкретных признаков подражания (замедление темпа, немотивированные остановки, искривление штрихов при срисовывании или преобладание общих признаков при воспроизведении по памяти), тщательного осмотра документа, проверки его пригодности для идентификации и последовательного раздельного анализа от общего к частному с формированием устойчивой идентификационной совокупности. Знание обстоятельств дела позволяет эксперту объяснять наблюдаемые особенности почерка и проверять соответствие версий, при этом экспертные версии и контрверсии нередко существенно трансформируются в ходе исследования, что подчеркивает необходимость всесторонней проверки каждого признака для повышения надежности экспертных выводов.

Литература:

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма: ИНФРА-Москва, 2012. — 480 с.
2. Антонов, О. Ю. Роль судебно-почерковедческой экспертизы по уголовным делам о фальсификации доказательств / О. Ю. Антонов // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: Материалы 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию профессора Г. Л. Грановского, Москва, 13 апреля 2023 года — 14 2024 года. — Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное

учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», 2023. — С. 45–49.

3. Дубовик, Е. С. Применение положений методики идентификационной почерковедческой экспертизы, выполненных с использованием «арабского письма» / Е. С. Дубовик // Научное наследие ученых-криминалистов Санкт-Петербурга: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16 ноября 2017 года / Сост. О. С. Лейнова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. — С. 71–77.
4. Павлють, О. В. К вопросу о некоторых аспектах судебного почерковедения / О. В. Павлють // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, Нижний Новгород, 20–21 мая 2021 года. — Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2021. — С. 53–61.
5. Погибко Ю. Н. Рекомендации по обучению начинающих специалистов решению профессиональных судебно-почерковедческих задач. — Москва, 1979. — 231 с.
6. Почерковедение и почерковедческая экспертиза / В. В. Серегин, М. В. Бобовкин, Т. И. Исмазова [и др.]. — Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. — 352 с.

Формирование правовой собственности на данные и построение правил их оборота

У Лимин, юрист

Юридическая фирма Dacheng (г. Лоян, Китай)

В статье анализируются доктринальные модели квалификации данных как объекта гражданских прав, сопоставляются российский и европейский подходы к регулированию оборота данных. Автор обосновывает неприменимость классической вещно-правовой конструкции собственности к данным ввиду их неконкурентной природы и предлагает ориентиры для формирования специального правового режима.

Ключевые слова: данные, право собственности, цифровые права, оборот данных, персональные данные, Data Act.

Цифровая трансформация экономики превратила данные в один из наиболее ценных активов. По оценкам Ассоциации больших данных, объём российского рынка данных в 2024 году достиг 433 млрд рублей [1, с. 30]. Ни один крупный правовопорядок мира к 2025 году не закрепил полноценного права собственности на данные, что порождает системное противоречие: рынок данных растёт, тогда как нормативная инфраструктура его оборота формируется фрагментарно. Исключение «информации» из перечня объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ в 2008 году создало концептуальный вакуум, который введение «цифровых прав» (ст. 141.1 ГК РФ, 2019) и принятие закона о цифровых финансовых активах (ФЗ-259, 2020) заполнили лишь частично. Европейский союз формирует иную модель, основанную на праве доступа к данным. Цель статьи — проанализировать доктринальные модели квалификации данных, сопоставить российский и европейский подходы и оценить перспективы формирования правового режима данных в российском праве.

Отсутствие легального определения данных как самостоятельного объекта гражданских прав вынуждает доктрину вырабатывать теоретическую модель, способную

обеспечить правовую определённость оборота. В литературе сложились четыре подхода, каждый с заметными ограничениями.

Вещно-правовая модель предполагает распространение на данные режима собственности с триадой правомочий. Вещные права обеспечивают абсолютную защиту *erga omnes*, что делает модель привлекательной для рыночного оборота. Однако данные неконкурентны: их можно копировать без утраты качества. Они неимущественны и не допускают исключительного господства. А. П. Сергеев и Т. А. Терещенко указали, что информацию невозможно стереть из памяти лиц, получивших к ней доступ, — восстановление *status quo ante* исключено [2, с. 112]. Попытки квалификации информации как материального объекта, предпринимавшиеся в отечественной науке в 1990-е годы, сегодня практически единодушно отвергаются.

Модель исключительных прав уподобляет режим данных режиму интеллектуальной собственности: базы данных защищаются авторским правом (ст. 1260 ГК РФ) и *sui generis* правом изготовителя (ст. 1333–1336 ГК РФ), а массивы с коммерческой ценностью могут получить охрану как ноу-хау (ст. 1465–1472 ГК РФ). Однако авторское право защищает творческую подборку, а не сами

данные; режим ноу-хау утрачивается при раскрытии. А. И. Савельев подчёркивает, что цели права интеллектуальной собственности отличаются от задач регулирования оборота данных [3, с. 115].

Концепция «права на данные» порождает противоречие: персональные данные одновременно выступают нематериальным благом и экономическим активом. В. В. Архипов обосновал их квалификацию как нематериальных благ по ст. 150 ГК РФ [4, с. 58], тогда как А. И. Савельев указал, что они стали де-факто «валютой» цифровой экономики — встречным предоставлением в договорах о пользовании «бесплатными» сервисами [3, с. 120]. Эта двойственная природа составляет, на наш взгляд, центральную проблему цивилистики.

Всё большее влияние приобретает подход *sui generis*: А. И. Савельев предложил конструкцию, при которой устанавливается право на конкретный массив данных, допускающее оборот на основе договорных моделей, но не запрещающее иным лицам самостоятельно собирать аналогичную информацию [3, с. 122]. Именно эта конструкция, как представляется, точнее всего учитывает специфику данных — их неконкурентность и принципиальную воспроизводимость.

GDPR (2016/679) наделил субъектов данных широким каталогом прав (ст. 15–22) — от доступа до переносимости (ст. 20), однако проприетарной конструкции не предложил; Европейский комитет по защите данных прямо квалифицировал права субъекта как неотчуждаемые. Data Governance Act (2022/868) пошел другим путем: он выстроил инфраструктуру обмена через независимых посредников и так называемые организации «альтруизма данных», оставив собственно вопрос принадлежности данных за скобками.

Data Act (2023/2854) — его положения применяются с сентября 2025 г. — возложил на держателей данных IoT-устройств обязанность обеспечить пользователю безвозмездный доступ в режиме реального времени; при отсутствии договора с пользователем держатель лишается права использования соответствующих данных [5, с. 108]. Примечательна неудача Комиссии 2017 г., когда попытка ввести особое «право производителя данных» натолкнулась на критику Института Макса Планка и была отозвана. Принятие Data Act, полагаем, окончательно утвердило модель «доступ вместо собственности» в праве ЕС.

Существенным элементом европейского подхода является антимонопольное измерение оборота данных. Данные создают самовоспроизводящиеся конкурентные преимущества цифровых платформ: рост числа пользователей увеличивает объём данных, что улучшает алгоритмы и привлекает новых пользователей. Data Act учитывает эту проблему, исключая «привратников» по Акту о цифровых рынках из числа получателей данных. Право на переносимость данных, закреплённое и в GDPR, и в Data Act, снижает барьеры переключения между сервисами, содействуя конкуренции [5, с. 112].

Российское законодательство характеризуется структурной фрагментацией. Статья 128 ГК РФ содержит закрытый перечень объектов гражданских прав, из которого информация была исключена в 2008 году. ФЗ-149 (ст. 5) признаёт информацию объектом правовых отношений, что порождает коллизию [6, с. 22]. Цифровые права (ст. 141.1 ГК РФ) конкретизированы лишь как цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права. Е. А. Суханов справедливо заметил, что это обложение в электронную форму традиционных имущественных прав, а не новый вид гражданских прав [7, с. 15]. Данные в целом под действие ст. 141.1 не попадают.

Изменения 2024–2025 годов усилили государственный контроль: ФЗ-233 обязал операторов передавать обезличенные данные в ГИС по запросу Минцифры; ФЗ-420 ввёл оборотные штрафы до 3 % выручки за утечки; ФЗ-421 установил уголовную ответственность до 10 лет (ст. 272.1 УК РФ) [8, с. 32]. В коммерческом обороте А. И. Савельев выделил пять квалификаций массивов данных, каждая из которых неполна [3, с. 118]. Дело «ВКонтакте против Дабл» продемонстрировало неадекватность действующих механизмов для разрешения споров о данных.

Антимонопольное измерение оборота данных приобретает в России всё большее значение. ФАС России разрабатывает Пятый антимонопольный пакет, предусматривающий учёт сетевых эффектов при анализе конкуренции на цифровых рынках. Как отмечают Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна, глобальная цифровизация требует от антимонопольных органов выработки новых подходов к оценке рыночной власти, основанной на контроле над данными [1, с. 187]. Без регулирования доступа к данным крупные платформы закрепляют доминирующее положение, а более мелкие участники рынка лишаются возможности конкурировать на равных условиях.

Решение, на наш взгляд, лежит в комплексном подходе: необходимо вернуть данные в ст. 128 ГК РФ как самостоятельную категорию, ввести дифференцированные режимы для разных типов данных (персональные, промышленные, обезличенные, публичные) и сформировать правила обязательного обмена данными в секторах с сетевыми эффектами, адаптировав европейский опыт Data Act.

Формирование права собственности на данные в вещно-правовом понимании нецелесообразно: неконкурентная природа данных и множественность правомерных интересов делают проприетарную модель непригодной. Доктрина движется к признанию данных объектом *sui generis*. Ключевой вывод — неизбежность перехода от вопроса «кому принадлежат данные?» к вопросу «кто и на каких условиях имеет доступ?». ЕС реализовал этот сдвиг нормативно; российское право остаётся в состоянии регуляторной неопределённости. Перспективным является разработка федерального закона «Об обороте данных», закрепляющего правовой статус данных, дифференцированные режимы, модель «пучка правомочий» и стандарты переносимости.

Литература:

1. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.
2. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.
3. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 2. С. 110–135.
4. Архипов В. В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики // Закон. 2018. № 2. С. 52–68.
5. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 4. С. 104–129.
6. Рожкова М. А. Характеристики больших данных, значимые для целей гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 6. С. 21–28.
7. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.
8. Харитонов Ю. С. Big Data в имущественном обороте: смена регулятивной парадигмы в юриспруденции // Хозяйство и право. 2019. № 3. С. 29–38.

Роль органов опеки и попечительства в защите трудовых прав несовершеннолетних работников в Российской Федерации

Хасанова Амина Алижоновна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

Статья посвящена анализу роли органов опеки и попечительства в защите трудовых прав несовершеннолетних работников в Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена ростом неформальной занятости среди подростков и изменениями в законодательстве, направленными на усиление защиты их прав.

В статье анализируется нормативно-правовая база, включая Конституцию РФ, Трудовой кодекс и Федеральный закон «Об опеке и попечительстве», выявляются системные проблемы в деятельности органов опеки. В статье исследуются механизмы межведомственного взаимодействия, практика выявления и пресечения нарушений трудовых прав несовершеннолетних, а также анализируется судебная практика по соответствующим делам.

Особое внимание уделяется выявлению пробелов в профилактической работе и мониторингу трудовых отношений с участием подростков. В заключительной части представлены рекомендации по совершенствованию защиты трудовых прав несовершеннолетних: усиление межведомственного взаимодействия, развитие профилактических и просветительских программ, унификация правоприменительной практики.

Ключевые слова: трудовые права, защита прав, несовершеннолетние, Трудовой кодекс РФ, органы опеки, судебная практика, неформальная занятость, эксплуатация несовершеннолетних.

Конституция Российской Федерации как основной закон государства закрепляет право на труд для всех граждан без исключения, включая несовершеннолетних лиц. В статье 37 Конституции РФ прямо установлено, что «труд свободен, и каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». Данное положение распространяется на лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, что обеспечивает им равные правовые возможности в трудовой сфере. Государство гарантирует защиту от дискриминации в трудовых отношениях и создаёт специальные механизмы охраны прав несовершеннолетних работников, формируя основу для развития отраслевого законодательства.

Трудовой кодекс Российской Федерации выступает основным регулятором правоотношений в сфере труда несовершеннолетних, устанавливая специальные требования к их трудоустройству. Статья 63 ТК РФ закрепляет возрастные ограничения: заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими 16 лет, а для 14-летних — только с согласия одного из родителей и органа опеки и попечительства. Указанные нормы направлены на обеспечение баланса между правом подростков на труд и необходимостью защиты их интересов. «Это составляет около 40 % несовершеннолетних подрабатывать в неформальном секторе занятости» [3, с.200], что подчеркивает важность законодательных гарантий для предотвращения скрытой эксплуатации.

Специальные положения Трудового кодекса РФ предусматривают дополнительные гарантии для несовершеннолетних работников. Статья 92 устанавливает сокращённую продолжительность рабочего времени: не более 24 часов в неделю для лиц от 16 до 18 лет и 35 часов — для совмещающих работу с обучением. Статья 265 ТК РФ запрещает привлекать подростков к работам с вредными или опасными условиями труда, подземным работам, а также к деятельности, способной причинить вред нравственному развитию. Обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры за счёт средств работодателя (ст. 266 ТК РФ) обеспечивают охрану здоровья данной категории работников.

Федеральный закон от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» выступает ключевым нормативным актом, определяющим компетенцию органов опеки и попечительства в сфере защиты трудовых прав несовершеннолетних. В соответствии со статьёй 8 данного закона, к полномочиям указанных органов относится осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов детей, включая сферу трудовых отношений. Особое значение имеет право органов опеки давать согласие на заключение трудового договора с несовершеннолетними, не достигшими возраста пятнадцати лет, что корреспондирует с положениями статьи 63 Трудового кодекса РФ. Данная функция позволяет предотвращать случаи незаконного привлечения детей к труду и обеспечивать соответствие условий труда установленным законодательством требованиям.

Правовой основой взаимодействия органов опеки и попечительства с государственными контролирующими органами выступают положения Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который закрепляет обязанность межведомственной координации при выявлении нарушений прав детей. Координация осуществляется через заключение соглашений о сотрудничестве, предусматривающих обмен информацией о фактах нарушений трудового законодательства в отношении несовершеннолетних. Важным инструментом взаимодействия являются совместные проверки работодателей, проводимые органами опеки совместно с представителями трудовой инспекции и прокуратуры. Такая форма сотрудничества позволяет оперативно устранять выявленные нарушения и применять меры административного воздействия к виновным лицам.

Анализ судебной практики выявляет устойчивую типологию нарушений трудовых прав несовершеннолетних. Наиболее распространёнными являются случаи дискриминационных условий труда, включая необоснованное занижение заработной платы и непредоставление социальных гарантий. Отдельную категорию составляют нарушения режима работы, выражающиеся в превышении допустимой продолжительности смен и привлечении к деятельности в ночное время. «Анализ материалов, размещённых на интернет-портале ГАС РФ „Правосудие“, по-

зволил заключить, что преступления и правонарушения, связанные с незаконными действиями с наркотическими средствами и психотропными веществами, в большинстве своем совершаются молодежью, т. е. лицами, входящими в социально-возрастную группу от 16 до 18 лет [3, с.202]» — данное наблюдение косвенно подтверждает уязвимость указанной возрастной группы в правоприменительной практике.

Органы опеки и попечительства играют значимую процессуальную роль в судебных разбирательствах по защите трудовых прав несовершеннолетних. В рамках судебных процессов они предоставляют обязательные заключения, оценивающие соответствие трудовых условий интересам ребёнка. Кроме того, законодательство наделяет их правом самостоятельно инициировать иски в случаях системных нарушений. Активное участие в судебных процедурах позволяет органам опеки не только восстановить нарушенные права, но и пресечь потенциальные угрозы трудовой эксплуатации подростков.

Анализ практики органов опеки и попечительства выявил системные недостатки в превентивной деятельности, связанные с отсутствием регулярного контроля за условиями труда несовершеннолетних. Отмечается недостаточное внимание к вопросам правового просвещения подростков и их законных представителей, что снижает уровень профилактики нарушений. Данные пробелы приводят к несвоевременному выявлению случаев эксплуатации детского труда и ограничению доступа несовершеннолетних к механизмам защиты своих прав.

Ключевым направлением совершенствования межведомственного взаимодействия является разработка единых протоколов обмена информацией между органами опеки, трудовой инспекцией и правоохранительными органами. Унифицированные процедуры позволят оперативно выявлять нарушения трудовых прав несовершеннолетних, такие как несоблюдение условий труда или незаконное привлечение к работе. Создание электронных платформ для межведомственного документооборота сократит время реагирования на обращения и повысит эффективность совместных проверок. Данная мера обеспечивает комплексный подход к защите прав подростков за счёт координации усилий всех заинтересованных структур.

Ключевым элементом профилактической деятельности органов опеки и попечительства должно стать внедрение регулярных образовательных программ для подростков, направленных на изучение основ трудового законодательства. Специализированные курсы необходимо разрабатывать с учётом возрастных особенностей и когнитивных возможностей несовершеннолетних, используя интерактивные методики обучения. Такие программы целесообразно реализовывать на базе образовательных учреждений через факультативные занятия или тематические тренинги. Важным аспектом является практическая ориентация обучения, включающая разбор типовых ситуаций из трудовой сферы.

Параллельно с образовательными инициативами для подростков требуется создание системных информационных кампаний для родителей и опекунов, разъясняющих механизмы защиты трудовых прав несовершеннолетних. Информационные материалы должны содержать четкие алгоритмы действий при возникновении трудовых споров, включая порядок обращения в органы опеки и прокуратуру. Эффективным инструментом могут стать специализированные онлайн-ресурсы, вебинары и мобильные приложения с юридическими консультациями. Особое внимание следует уделить распространению знаний о запрещенных видах деятельности и ограничениях трудового времени для несовершеннолетних работников.

Унификация критериев оценки нарушений трудовых прав несовершеннолетних выступает необходимым условием повышения эффективности деятельности органов опеки и попечительства. Стандартизация процедур реагирования позволит обеспечить единообразный подход к выявлению и пресечению правонарушений в данной сфере. «Процессы демократизации в обществе определили потребность поиска решения вопросов для эффективного взаимодействия семьи, органов системы профилактики, общества и государства в целом, однако без анализа детерминант возникновения такого направления как преступность несовершеннолетних невозможно выстроить грамотную и всеобъемлющую работу в данном направлении [3, с.201]». Разработка единых методических рекомендаций и алгоритмов действий будет способствовать оперативному принятию решений при защите прав подростков.

Проведённый анализ нормативно-правовой базы подтвердил, что российское законодательство создаёт достаточные предпосылки для защиты трудовых прав несовер-

шеннолетних. Органы опеки и попечительства выступают ключевым институтом, обеспечивающим баланс между правом подростков на труд и защитой от эксплуатации. Однако выявленная декларативность отдельных норм и отсутствие чётких механизмов их реализации свидетельствуют о необходимости совершенствования правоприменительных процедур.

Исследование практики выявило системные ограничения в деятельности органов опеки, снижающие эффективность защиты прав подростков. Ключевыми проблемами остаются слабая координация с трудовыми инспекциями и отсутствие превентивного мониторинга трудовых отношений. Эти факторы приводят к запаздывающему реагированию на нарушения в неформальном секторе, где риски эксплуатации несовершеннолетних наиболее высоки.

Разработанные рекомендации по оптимизации профилактической работы и унификации правоприменительной практики направлены на устранение выявленных пробелов. Усиление межведомственного взаимодействия с трудовыми инспекциями и внедрение системного мониторинга позволят повысить оперативность реагирования. Комплекс этих мер способен качественно улучшить защищённость подростков в сфере трудовых отношений.

Роль органов опеки сохраняет критическую значимость в условиях экономической нестабильности, способствуя предотвращению эксплуатации несовершеннолетних. Реализация предложенных мер по модернизации их деятельности создаст основу для системного снижения нарушений трудовых прав. Это соответствует стратегическим задачам защиты уязвимых категорий населения в рамках действующего правового поля.

Литература:

1. Бережнов А. А., Дмитриева И. К., Забрамная Е. Ю. и др. Трудовое право России. — Москва: Проспект, 2022. — 672 с.
2. Гасанов К. К., Мышко Ф. Г., Тумаков А. В. Трудовое право. — Москва: Юнити-Дана, 2021. — 553 с.
3. Ивушкина О. В. Детерминанты преступности несовершеннолетних как делинквентного поведения их личности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2025. — № 1. — С. 197–207.
4. Кобец П. Н. Предупреждение экстремистских проявлений в подростковой и молодежной среде — важнейший элемент совершенствования обеспечения общественной безопасности нашей страны // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2015. — № 4. — С. 52–55.
5. Хохлов Е. Б., Сафонов В. А. Трудовое право России. — М.: Издательство Юрайт, 2013. — 673 с.

Рамочный договор: правовые вопросы, сопутствующие заключению и исполнению рамочных договоренностей

Хребтов Артем Александрович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Настоящее исследование посвящено изучению правовых вопросов, сопутствующих заключению и исполнению рамочных договоренностей. Этот вид соглашений формирует основу долгосрочного сотрудничества между сторонами, что, в свою очередь, порождает комплекс правовых несоответствий.

Основное внимание уделяется правовой природе рамочных договоров, их разграничению с генеральными и предварительными договоренностями, а также сложностям, возникающим при толковании и применении таких соглашений. Особое внимание уделяется рискам, с которыми сталкиваются участники правоотношений из-за неопределенности формулировок, процессу внесения изменений в договоренности и правовым последствиям ненадлежащего исполнения обязательств.

В статье представлены возможные подходы к решению обозначенных проблем, в том числе рекомендации по детальной проработке условий и обеспечению гибкости при сохранении правовой ясности.

Ключевые слова: генеральный договор, юридическая сущность, реализация соглашения, предварительное соглашение, размытость условий, изменение положений, юридические риски, неисполнение договора, интерпретация условий.

Framework agreement: legal issues related to the conclusion and execution of framework agreements

This study examines the legal issues surrounding the conclusion and execution of framework agreements. This type of agreement forms the basis for long-term cooperation between the parties, which, in turn, gives rise to a range of legal inconsistencies.

The primary focus is on the legal nature of framework agreements, their distinction from general and preliminary agreements, and the complexities arising in the interpretation and application of such agreements. Particular attention is paid to the risks faced by parties to legal relationships due to ambiguous wording, the process of amending agreements, and the legal consequences of improper performance of obligations.

The article presents possible approaches to resolving these issues, including recommendations for detailed drafting of terms and ensuring flexibility while maintaining legal clarity.

Keywords: general agreement, legal essence, agreement implementation, preliminary agreement, vague terms, amendment of provisions, legal risks, non-performance of the agreement, interpretation of terms.

В современном деловом мире, особенно при установлении долгосрочных партнерских связей, рамочные соглашения приобретают все большую значимость. Однако существующие пробелы в законодательстве, касающиеся таких договоренностей, зачастую становятся причиной споров и трудностей при их исполнении. Глубокое понимание правовой природы, содержания, условий изменения и последствий неисполнения рамочных договоров имеет решающее значение для минимизации рисков участников и повышения эффективности их применения.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных правовых вызовов, возникающих при заключении и реализации рамочных договоров, а также в предложении путей их решения. Мы исследуем правовую сущность таких соглашений, способы снижения рисков для сторон и даем рекомендации по улучшению практики их использования.

Предметом нашего исследования являются юридические аспекты, связанные с рамочными договорами, включая их природу, особенности содержания, процедуры внесения изменений и исполнения, а также правовые последствия нарушений.

В основе работы лежит сравнительно-правовой анализ, метод юридического толкования и изучение судебной практики по рамочным договорам. Для структурирования материала и выработки рекомендаций применяются методы системного анализа и синтеза.

Российское законодательство активно развивается: внедряются новые формы договоров, уточняются существующие, вводятся новые правовые нормы. В правовую

систему интегрируются договорные модели, ранее существовавшие в рамках советского, российского и международного права.

Рамочный договор, получивший официальное законодательное признание в 2015 году, является ярким примером данного процесса. Благодаря реформам гражданского законодательства, в Гражданском кодексе РФ появилась статья 429.1, посвященная этой форме договора. Тем не менее концепция рамочного договора активно применялась и до его официального закрепления в законе, особенно в деловых отношениях промышленных предприятий, включая международные транзакции.

Рамочное соглашение представляет собой договор, определяющий общие рамки будущих контрактов, предполагающий возможность их последующей конкретизации (например, в отношении вида продукции, объема). Его преимущество заключается в фиксации фундаментальных условий на начальном этапе с возможностью их последующей детализации.

В условиях глобализации рамочные договоры играют важную роль, обеспечивая стабильность долгосрочных отношений между производителями и потребителями. Чем продолжительнее обязательства и стабильнее цены, тем крепче экономическое положение как отдельных субъектов, так и государств [1].

Фундаментальное соглашение, часто называемое рамочным, представляет собой гражданско-правовой договор, в котором участники определяют общие условия, регулирующие будущие сделки. Эти будущие сделки могут принимать форму спецификаций, договоров куп-

ли-продажи или договоров поставки. Отличительной чертой такого договора является то, что он может не содержать конкретных обязательств по выполнению определенных действий, а скорее устанавливает основополагающие принципы, на которых будут строиться дальнейшие взаимоотношения сторон.

Рамочные соглашения находят широкое применение в долгосрочных деловых отношениях, когда предприятия не имеют возможности точно определить параметры будущих сделок. Например, стороны могут договориться о минимальных объемах заказов, порядке оплаты и ценовых диапазонах, при этом каждая конкретная сделка будет оформляться отдельным дополнительным документом [2].

Одной из существенных юридических проблем, связанных с рамочным соглашением, является его неопределенная правовая природа. Российское законодательство не содержит четкого определения рамочного договора, что обуславливает необходимость обращения к доктринальным подходам и судебной практике для его интерпретации. Особую важность приобретает разграничение рамочного договора от предварительного.

Предварительный договор накладывает на стороны обязательство заключить основной договор в будущем на заранее оговоренных условиях. В отличие от него, рамочный договор не порождает обязанности к заключению будущих соглашений, но формирует основу для их возможного оформления.

Важной чертой рамочного соглашения является неполный перечень обязательных пунктов. Согласно законодательству, наличие существенных условий необходимо для действительности договора. Однако рамочные договоры зачастую не содержат всех этих условий, что приводит к разногласиям при их исполнении и в ходе судебных разбирательств [3].

Основной трудностью становится юридическая квалификация рамочного договора. Ввиду отсутствия прямого законодательного определения суды могут по-разному трактовать такие договоры. Это усложняет применение правовых норм и создает неопределенность. Например, судебная практика может относить рамочный договор к предварительным или рассматривать его как самостоятельное соглашение.

Договорное право предполагает наличие существенных условий для действительности сделки. Проблемы возникают, когда рамочное соглашение не включает всех этих условий, а лишь определяет общие принципы сотрудничества. В случае возникновения спора суд может признать рамочный договор не имеющим юридической силы.

На практике реализация рамочных соглашений часто сталкивается с трудностями из-за неясных обязательств сторон. Это может порождать споры при заключении или невыполнении последующих договоренностей.

Неопределенность условий в рамочном договоре затрудняет его прекращение. Например, одна сторона может утверждать, что договор не порождает конкретных

обязательств, в то время как другая будет добиваться возмещения убытков.

Поскольку рамочные договоры носят долгосрочный характер, во время их действия рыночные условия и деловая практика могут изменяться. Это приводит к спорам о том, как такие изменения затрагивают условия договора и можно ли их модифицировать без взаимного согласия.

Судебная практика по рамочным соглашениям демонстрирует различные подходы к их толкованию. Порой суды признают такие договоры недействительными из-за отсутствия существенных условий или нарушения формы. В других случаях суды считают рамочные договоры действительными, обязывая стороны к заключению конкретных соглашений в соответствии с их положениями.

Так, высшие судебные инстанции неоднократно отмечали, что рамочный договор, лишенный ключевых условий, может быть признан недействительным. Однако, если последующие соглашения, заключенные на его основе, содержат все необходимые положения, они считаются действительными и юридически обязывающими [3].

Генеральное соглашение является важным инструментом в договорной работе, особенно для долгосрочных отношений. Тем не менее его применение сопряжено с юридическими сложностями, вызванными недостаточной нормативной регламентацией и двусмысленностью формулировок. Для предотвращения разногласий контрагентам следует уделять особое внимание формированию существенных условий и механизму заключения дополнительных соглашений. При возникновении споров помимо договора следует учитывать и судебную практику, которая может существенно повлиять на исход дела.

Государство и законодательные органы предпринимают шаги для обеспечения исполнения генеральных соглашений, особенно в сфере жизнеобеспечения (энерго-, тепло-, газоснабжение) и регулирования цен на стратегически важные товары (топливо, сельхозпродукция). Крупные промышленные предприятия также заключают генеральные соглашения для гарантирования поставок сырья и энергии, что критично для их устойчивой работы.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать ряд выводов.

1. Генеральное соглашение является фундаментальным инструментом для формирования долгосрочных и стабильных экономических взаимоотношений, что особенно актуально в условиях рыночной неопределенности.

2. Генеральное соглашение относится к типу организационных договоров, призванных поддерживать устойчивые и продолжительные имущественные связи. Его отличительной чертой является ориентация на многократное исполнение однотипных обязательств в течение длительного периода. Важно, что конкретные условия обязательств могут уточняться и изменяться в зависимости от возникающих обстоятельств. Такие изменения могут быть закреплены в отдельных договорах или в форме ре-

гулярных заказов, вытекающих из основного рамочного соглашения [4].

Согласно теоретическим положениям организационного права, представленным О. А. Красавчиковым, генеральное соглашение создает организационные предпосылки, служащие фундаментом для дальнейшего сотрудничества участников [5].

Недостаток детализации в генеральном соглашении часто становится причиной споров при его исполнении. Судебная практика свидетельствует о неоднозначности толкования подобных договоров, поскольку законодательство не всегда соответствует динамике развития экономических отношений, особенно в международном контексте, где национальные правовые системы существенно различаются.

Вследствие того что генеральный договор лишь частично регламентирует условия, среди современных российских юристов ведутся дискуссии о моменте возникновения обязательств и факте заключения таких соглашений. Статьи 425 и 432 Гражданского кодекса РФ устанавливают, что договор вступает в силу с момента его подписания и является обязательным для сторон при достижении согласия по всем существенным условиям. Существенными признаются условия о предмете, а также те, которые прямо названы таковыми в законе или необходимы согласно достигнутому соглашению.

Однако статья 429.1 ГК РФ определяет генеральный договор как соглашение с открытыми условиями, устанавливающее общие рамки для обязательств сторон, которые должны быть конкретизированы путем заключения отдельных контрактов или направления заявок одной из сторон. Это порождает противоречия, поскольку предмет соглашения может быть не определен на момент подписания генерального договора, что, по мнению некоторых правоведов, нарушает требования статьи 432 ГК РФ о необходимости согласования всех существенных условий.

С одной стороны, генеральный договор может считаться заключенным при наличии договоренности, с другой — отсутствие согласованности по ключевым аспектам делает его спорным. Если в дальнейшем не будет достигнуто соглашение по конкретным условиям или не будут заключены дополнительные соглашения, это может

привести к нестабильности правовой конструкции, что нежелательно при установлении обязательств.

Многие юристы оспаривают возможность возникновения обязательств по генеральному договору при отсутствии согласованного предмета. Предметом такого соглашения считаются действия сторон, направленные на заключение основного договора. Таким образом, для заключения генерального договора необходимо не только соответствие статье 429.1 ГК РФ, но и соблюдение положений статьи 432 ГК РФ, что подразумевает обязательное согласование предмета.

Подводя итог проведенному исследованию, можно с уверенностью утверждать, что рамочные соглашения, несмотря на свою растущую роль в современном деловом обороте, остаются областью, требующей пристального внимания с точки зрения правоприменения. Проанализированные нами аспекты — от определения правовой природы таких соглашений до последствий их неисполнения — подчеркивают необходимость более четкого законодательного регулирования и выработки единообразных подходов в судебной практике.

Основной вывод заключается в том, что недостаточная определенность правовой природы рамочного договора, его отличий от смежных институтов, а также не всегда явные формулировки условий порождают значительные юридические риски. Эти риски проявляются в возможности признания договора недействительным, сложностях его толкования и исполнения, а также в неопределенности правовых последствий его нарушения.

Для минимизации вышеуказанных рисков мы предлагаем сторонам при заключении рамочных соглашений уделять максимальное внимание детальной проработке всех условий, даже на этапе формирования общих договоренностей. Использование четких формулировок, создание гибких, но одновременно юридически ясных механизмов внесения изменений и конкретизации последующих договоренностей станет залогом стабильности и предсказуемости долгосрочного сотрудничества сторон. В свою очередь, развитие судебной практики, базирующейся на глубоком анализе специфики рамочных договоров, будет способствовать формированию более стабильной правоприменительной позиции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ ; Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ) // garant.ru : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 18.04.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Консультант-Плюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 18.04.2026).
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / ред. О. Н. Садилов. — 3-е издание, испр., перераб. и доп. — М., Контракт, Инфра-М, 2005.
4. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М.: Статут, 2020.
5. Афанасьев Д. В. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений // Современная научная мысль. — 2015. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-organizatsionnyh-otnosheniy> (дата обращения: 20.04.2026).

Наследование земельных участков как фактор обеспечения экономической устойчивости аграрного сектора

Цымлянская Вера Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Свечникова Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье исследуется влияние наследования земельных участков на экономическую устойчивость аграрного сектора. Анализируются правовые коллизии и негативные экономические последствия фрагментации земель. Предложены меры по оптимизации наследования и стимулированию консолидации земель.

Ключевые слова: наследование, земельные участки, экономическая устойчивость, аграрный сектор, фрагментация земель, консолидация.

Наследование земельных участков сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации сталкивается с существенными правовыми коллизиями, которые создают предпосылки для их фрагментации. Действующие нормы гражданского законодательства, в частности статья 1182 ГК РФ, регламентирующая порядок раздела земельных участков, не учитывают минимальные размеры, необходимые для эффективного ведения сельскохозяйственного производства. Это приводит к тому, что наследники получают наделы, непригодные для самостоятельного хозяйственного использования. Статистические данные Росстата за период с 2018 по 2023 год наглядно демонстрируют негативную динамику: доля хозяйств с площадью земельных участков менее 10 гектаров увеличилась на 27 %. Такой рост свидетельствует об усилении процесса дробления сельскохозяйственных угодий, что напрямую связано с унаследованными практиками раздела имущества. Устаревшие правовые нормы не обеспечивают защиту от нерационального дробления земель, что подрывает основу для устойчивого развития аграрного сектора. Сложившаяся ситуация требует пересмотра законодательных подходов к наследованию земель сельскохозяйственного назначения. Отсутствие ограничений по минимальному размеру передаваемых по наследству участков приводит к их неконтролируемому дроблению, что в долгосрочной перспективе создает системные риски для всего аграрного комплекса страны. Необходима адаптация правовых механизмов к современным экономическим реалиям сельского хозяйства.

Экономические последствия фрагментации земельных участков, обусловленной наследованием, проявляются в значительном снижении рентабельности аграрных хозяйств. На примере хозяйств Воронежской области установлено, что раздробленность земель приводит к падению доходности на 30–40 %. Основными причинами являются дублирование инфраструктурных затрат и невозможность эффективного внедрения современных агротехнологий, требующих определенных масштабов производства. Мелкие и разрозненные участки затрудняют использование сельскохозяйственной техники, повышают транспортные издержки и услож-

няют логистику. Это увеличивает операционные расходы и снижает конкурентоспособность продукции на рынке. Кроме того, фрагментированные хозяйства сталкиваются с трудностями при получении кредитов и инвестиций, так как их производственные активы оцениваются как менее ликвидные и более рискованные. Низкая рентабельность таких хозяйств напрямую угрожает продовольственной безопасности Российской Федерации, поскольку подрывает экономическую основу устойчивого производства сельскохозяйственной продукции. Доктрина продовольственной безопасности РФ предусматривает обеспечение населения отечественными продуктами питания, но фрагментация земель препятствует достижению этой стратегической цели. Без принятия срочных мер по консолидации угодий экономическая уязвимость мелких хозяйств будет возрастать, что может привести к их массовому банкротству и сокращению объемов сельскохозяйственного производства в стране. Это создает системные риски для всей национальной экономики.

Для оптимизации механизмов наследования земельных участков и предотвращения их фрагментации необходим комплекс законодательных и экономических мер. Первостепенное значение имеет законодательное закрепление минимальных размеров передаваемых по наследству участков с учетом зональной специфики различных регионов России. Такой подход позволит предотвратить неконтролируемое дробление земель и сохранить их производственный потенциал. Одновременно следует стимулировать процессы консолидации земельных угодий через предоставление целевых налоговых льгот для хозяйств, объединяющих унаследованные участки. Налоговые стимулы могут стать действенным инструментом поощрения рационального землепользования. Развитие института семейных ферм представляет собой еще одно перспективное направление оптимизации. Семейные фермерские хозяйства, объединяющие наследников на основе долевого участия, позволяют сохранить землю в рамках единого производственного комплекса без физического раздела участков. Это способствует повышению эффективности использования ресурсов и укреплению экономической устойчивости.

Фрагментация земельных участков, возникающая в процессе наследования, является существенной угрозой для экономической устойчивости аграрного сектора. Демографический спад и миграция сельского населения усугубляют эту проблему, создавая условия для образования мелких и неконсолидированных владений. Это снижает эффективность сельскохозяйственного производства и повышает его уязвимость к рыночным колебаниям, что подтверждается современными вызовами в аграрной сфере.

Проведенный анализ правовых основ наследования земель сельскохозяйственного назначения выявил существенные недостатки в действующем законодатель-

стве. Существующие нормы не препятствуют дроблению участков при переходе прав собственности по наследству, а зачастую даже способствуют этому процессу.

Эмпирические исследования подтвердили значительные негативные экономические последствия фрагментации земель, вызванной наследованием. К ним относятся снижение производительности сельскохозяйственного производства, затруднение внедрения современных агротехнологий и существенный рост транзакционных издержек. Эти факторы формируют серьезные барьеры для повышения конкурентоспособности аграрных предприятий в условиях рыночной экономики.

Литература:

1. Воронин, Б. А. К проблеме правового регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации / Б. А. Воронин, И. П. Чупина, Н. Н. Симачкова и др. // International agricultural journal. — 2020. — № 3. — С. 36–40.
2. Земляк, С. В. Повышение уровня продовольственной безопасности субъектов центрального федерального округа / С. В. Земляк, О. Ю. Крамлик, В. О. Мехоношина // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 7. — С. 69–73.
3. Кирейчева, Л. В., Информационное обеспечение для оценки актуального состояния неиспользуемых земельных объектов сельскохозяйственного назначения / Л. В. Кирейчева, А. Л. Аветисян // International agricultural journal. — 2021. — № 3. — С. 26–30.
4. Низамзаде, Т. Н. Проблемы межевания земельных паев как препятствие к их консолидации и получение земельных субсидий / Т. Н. Низамзаде // Региональные геосистемы. — 2025. — № 2. — С. 270–281.
5. Цуканов, С. С. Оформление наследственных прав: особенности нотариальной деятельности / С. С. Цуканов // Вопросы российского и международного права. — 2025. — № 3. — С. 95–99.

UI/UX-дизайн как сложный объект интеллектуальных прав в системах дистанционного обучения

Шагарова Светлана Евгеньевна, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье исследуется правовая природа UI/UX-дизайна в системах дистанционного обучения (СДО). Автор приводит декомпозицию интерфейса на эстетическую и функциональную составляющие, обосновывая его квалификацию как сложного объекта. Выявлена специфика СДО, где дизайн выступает дидактическим инструментом, что ограничивает его авторскую охрану. Предложен алгоритм защиты интеллектуальных прав и минимизации рисков при создании интерфейсов в корпоративной среде.

Ключевые слова: UI/UX-дизайн, интеллектуальная собственность, сложные объекты прав, системы дистанционного обучения (СДО), мультимедийный продукт, авторское право, исключительные права, пользовательский интерфейс.

UI/UX design as a complex object of intellectual rights in distance learning systems

The article explores the legal nature of UI/UX design in distance learning systems. The author provides a decomposition of the interface into aesthetic and functional components, justifying its qualification as a complex object. The specifics of LMS are revealed, where design acts as a didactic tool, which limits its copyright protection. An algorithm for protecting intellectual property rights and minimizing risks when creating interfaces in a corporate environment is proposed.

Keywords: *UI/UX design, intellectual property, complex objects of rights, distance learning systems, multimedia product, copyright, exclusive rights, user interface.*

В условиях цифровизации образования система электронного обучения (СДО) или Learning Management Systems (LMS), превратилась в основную технологическую платформу современного образовательного процесса. В условиях удалённого и смешанного обучения именно интерфейс и пользовательский опыт определяют не только техническую доступность платформы, но и её педагогическую эффективность: уровень вовлечённости обучающихся, скорость освоения материала, снижение когнитивной нагрузки и, в конечном итоге, качество получаемых компетенций. Таким образом, система дистанционного обучения превратилась из чисто эстетического элемента в сложный функциональный инструмент. С юридической точки зрения UI/UX-дизайн представляет собой комплексный феномен, не имеющий однозначного закрепления в качестве единого объекта в гражданском законодательстве, что требует детального анализа структуры. Ведь, UI/UX-дизайн СДО представляет собой не просто «внешний вид» программы, а сложную, многоуровневую систему, объединяющую визуальные, функциональные, психологические компоненты.

User Interface (UI) — пользовательский интерфейс. Он включает в себя графические элементы интерфейса: макеты экранов, иконографии, цветовые схемы, типографику, анимации и интерактивные компоненты. С точки зрения интеллектуальных прав UI чаще всего охраняется как произведение графики и дизайна (ст. 1259 ГК РФ) [1].

User Experience (UX) — пользовательский опыт. Это совокупность методов и алгоритмов взаимодействия пользователя с системой. UX определяет логику переходов, архитектуру информации и реакцию системы на действие ученика. Защита UX является наиболее дискуссионным вопросом, так как идеи, методы и процессы как таковые не являются объектами авторского права. Однако оригинальность структуры и логика СДО могут рассматриваться как часть составного произведения или охраняться через режим ноу-хау.

Правовая квалификация данного объекта приобретает особую актуальность в связи с ростом числа судебных споров о заимствовании интерфейсов образовательных платформ. Копирование удачных решений UI/UX позволяет конкурентам существенно сократить затраты на разработку, однако создаёт серьёзные риски нарушения интеллектуальных прав правообладателя. Именно поэтому UI/UX — дизайн СДО следует рассматривать не как отдельный элемент оформления, а как сложный объект интеллектуальных прав в четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Согласно ст. 1240 ГК РФ, сложным объектом признаётся результат интеллектуальной деятельности, включающий в себя несколько охраняемых результатов (произведения, программы ЭВМ, базы данных и др.), права на которые принадлежат одному лицу или нескольким лицам [2]. Согласно этому, специфика СДО заключается

в том, что дизайн здесь неотделим от программного кода и образовательного контента. Мы можем классифицировать UI/UX — дизайн как мультимодальный объект, сочетающий в себе признаки нескольких видов результатов интеллектуальной деятельности (РИД):

1. Многосоставность, которая включает в себя:

— Произведения изобразительного искусства и дизайна (графические элементы, иконки, иллюстрации) — охраняются авторским правом по статье 1259 ГК РФ [3];

— Программы для ЭВМ и базы данных (код, реализующий интерфейс, алгоритмы адаптивности, системы рекомендаций) — охраняются как объекты авторского права по ст. 1261–1262 ГК РФ [3];

— Возможные объекты патентного права (если в UX реализованы новые технические решения, например, уникальный алгоритм персонализации траектории обучения или способ представления учебного контента) — ст. 1349–1354 ГК РФ [3];

— Средства индивидуализации (товарные знаки, фирменные наименования элементов интерфейса) — ст. 1477 ГК РФ [3].

2. Единство формы содержания. Отдельные элементы (кнопка, панель навигации, дашборд) сами по себе не могут обладать оригинальностью, однако в совокупности, в рамках единой концепции пользовательского опыта, они образуют оригинальное произведение, обладающее творческим характером.

3. Функционально-педагогическая направленность. В отличие от обычных веб-интерфейсов, UI/UX СДО подчинён целям образовательного процесса: соблюдение принципов универсального дизайна, доступности (WCAG 2.2), когнитивной эргономики и педагогического сценария. Это придаёт объекту дополнительную ценность и усложняет его правовую защиту.

Таким образом, становится очевидным, что UI/UX-дизайн в системах электронного обучения не может быть сведён к простой «графике» или «оформлению». Он является сложным, составным объектом интеллектуальных прав, требующим комплексной правовой охраны.

Специфика интерфейсов СДО (Learning Management Systems) заключается в их функциональной детерминированности. Если в коммерческом вебе (e-commerce) основной целью UI/UX является конверсия и продажа, то в электронном обучении приоритетом становится минимизация когнитивной нагрузки и обеспечение усвоения образовательного контента. С юридической точки зрения эта специфика проявляется в нескольких аспектах.

1. Концепция «педагогического интерфейса»

В СДО UI/UX-дизайн выступает как форма выражения педагогического сценария. Это означает, что распо-

ложение элементов управления (кнопок навигации, прогресс-баров, окон тестирования) продиктовано не только эстетическим вкусом автора, но и методикой обучения.

Юридическая значимость: В авторском праве существует доктрина, согласно которой элементы, продиктованные технической или функциональной необходимостью, не подлежат широкой правовой охране [4]. В СДО многие решения UX (например, последовательное открытие доступа к модулям после выполнения заданий) являются стандартными для педагогики. Следовательно, защите подлежит только оригинальная графическая интерпретация этих функций, а не сама логика процесса.

2. Эргономика и когнитивная психология как ограничители творчества

Дизайнер СДО ограничен требованиями эргономики (стандарты ISO/ГОСТ по человекоориентированному проектированию) [5]. Интерфейс должен соответствовать психологическим особенностям восприятия информации:

- Правило «трех кликов» для поиска учебного материала;
- Цветовое кодирование (например, зеленый для успешно сданных тестов, желтый для материалов в процессе изучения);
- Адаптивность под различные устройства.

Отсюда вытекает правовая проблема: чем более интерфейс СДО удобен и «правилен» с точки зрения когнитивистики, тем меньше в нем остается места для субъективного творческого вклада, который необходим для признания объекта авторским. Оригинальность здесь смещается в сторону микровзаимодействия (анимации, уникальные иконки, авторские иллюстрации и лонгриды).

3. Интеграция мультимедийного контента

СДО — это всегда конгломерат различных видов результатов интеллектуальной деятельности. UI/UX здесь выступает «цементирующим» элементом, который объединяет:

- Интерактивные упражнения (SCORM-пакеты, H5P-контент);
- Видеолекции и трансляции;
- Системы автоматизированного контроля знаний

Специфика заключается в том, что дизайн интерфейса должен обеспечивать бесшовную интеграцию этих объектов. С точки зрения интеллектуальных прав, разработчик СДО должен обладать правами не только на общую оболочку, но и иметь лицензии на все встроенные компоненты и скрипты, обеспечивающие их работу внутри UX-сценария.

4. Инклюзивность и доступность

Для образовательных систем (особенно государственных или корпоративных, как в банковском секторе) критически важна доступность для лиц с ограниченными

возможностями (версия для слабовидящих, поддержка экранных дикторов).

Правовой аспект: Создание версии для слабовидящих является обязательным требованием законодательства РФ (в частности, в сфере образования). Эти элементы дизайна создаются в рамках жестких стандартов, что делает их практически неохраняемыми как объекты творчества, но обязательными компонентами сложного объекта СДО.

5. Дизайн как средство формирования «цифрового следа»

UX в системах дистанционного обучения спроектирован так, чтобы собирать данные о поведении учащегося (время на слайде, количество попыток теста). Это делает дизайн интерфейса частью системы сбора персональных данных и обработки больших данных (Learning Analytics). Юридически UI/UX здесь становятся интерфейсом взаимодействия с базой данных пользователей, что накладывает на дизайнера обязательства по визуализации политик конфиденциальности и согласий внутри пользовательского пути.

Таким образом, эффективная правовая защита UI/UX-дизайна в СДО возможна только при комплексном подходе, сочетающем защиту визуальных элементов как произведений графики и признание всей системы в целом сложным мультимедийным продуктом. Это позволяет правообладателю (в частности, корпоративным структурам) обеспечивать целостность своих интеллектуальных активов и минимизировать риски при копировании интерфейсных решений конкурентами.

Практическая реализация правовой охраны UI/UX-дизайна систем дистанционного обучения требует комплексного подхода, сочетающего договорные, регистрационные, технические и судебные инструменты. Согласно ст.1240 ГК РФ, лицо, организовавшее создание сложного объекта (включающего произведения дизайна, программы для ЭВМ и иные результаты интеллектуальной деятельности) приобретает право на использование всех входящих результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров [2]. Выделяют несколько механизмов правовой защиты UI/UX-дизайна как сложного объекта.

1. Договорные механизмы.

Наиболее эффективным способом закрепления прав является заключение лицензионных договоров или договоров об отчуждении исключительного права специально для включения результатов в сложный объект СДО. В трудовых договорах с дизайнерами и разработчиками рекомендуется прямо указывать, что созданный UI/UX является служебным произведением, а исключительные права переходят к работодателю (ст.1295 ГК РФ). При привлечении внешних подрядчиков (фрилансеров или студий) необходимо использовать договор подряда с условием о передаче прав на смежный объект. Отсутствие таких положений приводит к рискам споров о принадлежности

прав, как неоднократно отмечалось в судебной практике по аналогичным делам о дизайне интерфейсов [6].

2. Регистрация как промышленный образец.

Для дополнительной защиты визуальной составляющей UI (макеты экранов, иконки, цветовые схемы, расположение элементов) рекомендуется регистрация в Роспатенте в качестве промышленного образца (ст. 1352 ГК РФ). Это позволяет охранять не только форму, но и динамические элементы интерфейса. Процедура включает подачу заявки через сайт ФИПС или Госуслуги, формальную экспертизу и экспертизу по существу (новизна и оригинальность) [7]. Данная регистрация дает владельцу 5-летнюю охрану с возможностью продления и позволяет взыскать компенсацию за нарушение без доказывания убытков. Судебная практика подтверждает эффективность такого подхода: Роспатент и суды признают графический интерфейс пользователя (GUI) объектом промышленной собственности при наличии творческого вклада [8].

3. Авторское право и депонирование.

Графические элементы и общая концепция UX автоматически охраняется авторским правом с момента создания (ст.1259 ГК РФ). Для облегчения доказывания в суде рекомендуется депонирование прототипов (Figma — файлы, макеты, исходный код) в Российском авторском обществе (РАО) или у нотариуса. Обзор судебной практики ВС РФ 2024 года прямо указывает, что дизайн сайта (и по аналогии — интерфейс СДО) может быть объектом авторского права при наличии оригинальности и творческого характера [9].

4. Технические меры защиты.

Дополнительно применяются водяные знаки в макетах, обфускация кода интерфейса, ограничение доступа к исходным файлам через соглашение о неразглашении (NDA) и облачные репозитории с логированием. В open-source систем дистанционного обучения (например, Moodle) кастомизация UI/UX должна сопровождаться отдельными лицензионными соглашениями, чтобы избежать нарушения прав третьих лиц.

Судебная практика по защите UI/UX-дизайна СДО пока формируется, однако общие подходы к интерфейсам программного обеспечения (ПО) и образовательным платформам уже выработаны. Верховный Суд РФ в обзоре 2024 года подчеркнул, что копирование дизайна сайта до степени смешивания нарушает авторские права, если заимствована творческая форма выражения (расположение элементов, цветовая схема, анимации). Аналогичный подход применяется в СДО: копирование дашборда или сценариев навигации может быть признано нарушением сложного объекта [10].

Литература:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ. — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 13.04.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026). — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/e074d06dd4e5b8c9a4c969a84d6521e8bb172928/ (дата обращения: 11.04.2026).

Основными рисками являются:

- Использование шаблонов без лицензии в кастомизированных СДО;
- Копирование педагогически ориентированных UX-элементов (алгоритмы персонализации траектории обучения);
- Нарушение при интеграции с внешними сервисами.

В случае споров суд требует комплексной экспертизы: сравнивается не отдельный элемент, а совокупность, включая педагогическую направленность. Компенсация может достигать нескольких миллионов рублей (ст.1252 ГК РФ). Практика показывает, что доказывание оригинальности и факта нарушения возможно при наличии депонирования и регистрации [4].

Поэтому разработчикам СДО и дизайнерам рекомендуется:

1. Проводить предварительный патентный поиск на оригинальность UI/UX
2. Закреплять права в договорах с использованием ст. 1240 ГК РФ
3. Регистрировать ключевые экранные формы как промышленные образцы
4. Внедрять политику внутренних аудитов на заимствование

Соблюдение этих рекомендаций не только минимизирует риски, но и повышает инвестиционную привлекательность российских систем дистанционного обучения на глобальном рынке цифрового образования.

Выводы

UI/UX-дизайн систем электронного обучения представляет собой сложный объект интеллектуальных прав, объединяющий произведения дизайна, программы для ЭВМ, базы данных и иные результаты интеллектуальной деятельности в единую педагогически ориентированную систему. Теоретически квалификация по ст. 1240 ГК РФ, детальный анализ составных элементов и практические механизмы защиты (договорные, регистрационные, технические) позволяют обеспечить эффективную охрану этого объекта в условиях цифровизации образования. Комплексный подход к правовой защите стимулирует инновации, предотвращает недобросовестную конкуренцию и способствует повышению качества российского цифрового образования. Будущее правового регулирования UI/UX-дизайна в СДО лежит в плоскости признания цифрового опыта (Digital Experience) как специфической ценности, требующей защиты не только от прямого копирования, но и от недобросовестной конкуренции в сфере образовательных технологий.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч.4). — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 13.04.2026).
4. Программа как объект авторского права. — Текст: электронный // studme.org: [сайт]. — URL: https://studme.org/423951/pravo/programma_obekt_avtorskogo_prava (дата обращения: 11.04.2026).
5. Эргономика взаимодействия человек-система.. — Текст: электронный // internet-law.ru: [сайт]. — URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/63110/> (дата обращения: 11.04.2026).
6. Правовая охрана дизайна интерфейсов программного обеспечения в России. — Текст: электронный // pravo163.ru: [сайт]. — URL: <https://pravo163.ru/pravovaya-ohrana-dizajna-interfejsov-programmnogo-obespecheniya-v-rossii/> (дата обращения: 11.04.2026).
7. Государственная регистрация промышленного образца и выдача патента на промышленный образец, его дубликата. — Текст: электронный // rospatent.gov.ru: [сайт]. — URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/stateservices/gosudarstvennaya-registraciya-promyshlennogo-obrazca-i-vydacha-patenta-na-promyshlenny-obrazec-ego-dublikata> (дата обращения: 11.04.2026).
8. Правовая охрана дизайна интерфейсов программного обеспечения в России. — Текст: электронный // harant.ru: [сайт]. — URL: <https://harant.ru/blog/intellektualnaya-sobstvennost/pravovaya-ohrana-dizajna-interfejsov-programmnogo-obespecheniya-v-rossii/> (дата обращения: 11.04.2026).
9. Особенности правовой охраны и защиты прав на дизайн сайта в сети интернет. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-ohrany-i-zaschity-prav-na-dizayn-sayta-v-seti-internet> (дата обращения: 11.04.2026).
10. Особенности правовой охраны и защиты прав на дизайн сайта в сети Интернет. — Текст: электронный // vestnykeps.ru: [сайт]. — URL: <https://www.vestnykeps.ru/0225/39.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

Проблемы судебной практики и привлечения к ответственности за совершение преступлений против чести и достоинства личности

Шидаков Азамат Баширович, студент магистратуры
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье исследуются ключевые проблемы правоприменения при привлечении к ответственности за посягательства на честь и достоинство личности в российском праве на материале уголовно-правовых составов, прежде всего клеветы (ст. 128.1 УК РФ) и смежных «речевых» деликтов (ст. 298.1, 297, 319 УК РФ), а также в контексте параллельных гражданско-правовых и административных механизмов защиты. Показано, что основной массив практических затруднений концентрируется вокруг установления признаков «распространения» и «публичности», разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений, доказывания заведомости ложности и умысла, а также фиксации электронных доказательств. Особое внимание уделено конституционно-правовым ориентирам баланса между охраной достоинства личности, свободой выражения мнения и правом на обращение в органы публичной власти. Анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, включая постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2025 № 43-П о конституционно-правовом смысле признака «публичности» при обращениях через официальные интернет-приёмные, а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. 09.12.2025) и обзор практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2016). На массиве региональных судебных актов показаны типовые сценарии вынесения оправдательных решений по делам о клевете из-за недостаточности доказательств субъективной стороны и отсутствия цели доведения сведений до третьих лиц. Предложены меры нормативного и методического характера: уточнение критериев «публичности» и «адресной коммуникации», стандартизация фиксации цифровых доказательств, разграничение компетенций суда и эксперта-лингвиста, а также развитие альтернативных и восстановительных механизмов защиты репутации.

Ключевые слова: честь, достоинство личности, клевета, оскорбление, оценочные суждения, заведомость, доказательства, судебная лингвистическая экспертиза, частно-публичное обвинение, право на обращение, баланс конституционных прав.

Охрана достоинства личности и репутации — конституционно значимая ценность, закреплённая как в общей гарантии охраны достоинства (ст. 21 Консти-

туции РФ [8]), так и в специальном праве на защиту чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ). Одновременно Конституция гарантирует свободу мысли и слова (ст. 29)

и право на обращение в государственные органы (ст. 33), что неизбежно порождает конфликт ценностей в ситуациях публичной критики, публичных конфликтов и коммуникации с органами власти.

Проблемы охраны достоинства личности особенно актуальны в современной цифровой среде: высказывание может быть одновременно адресным и потенциально вирусным; автор — анонимным; аудитория — неопределенной; а доказательства — хрупкими (стираемыми, редактируемыми, переупаковываемыми). На этом фоне уголовно-правовые конструкции «распространение», «публичность», «заведомость» и «умысел» требуют доказывания, иначе возможна подмена уголовного процесса инструментом давления в частных конфликтах или, напротив, утраты действенности защиты репутации.

Цель настоящей статьи — выявить системные причины нестабильности судебной практики по «преступлениям против чести и достоинства» в широком смысле (клевета и смежные речевые посягательства), показать влияние конституционно-правовых позиций высших судов на квалификацию и доказывание, а также предложить практически применимые меры совершенствования законодательства и методик правоприменения.

Методологически исследование основано на анализе нормативного материала (Конституция РФ, УК РФ, УПК РФ, ГК РФ, КоАП РФ), правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, обзоров практики, судебной статистики, а также на изучении региональных судебных актов и специальных материалов по судебной лингвистической экспертизе.

В действующей редакции УК РФ классические составы «клевета» и «оскорбление» как общие нормы эволюционировали: клевета закреплена в ст. 128.1 УК РФ (с системой квалифицирующих признаков, включая интернет-публичность), а «оскорбление» в общем виде выведено в административную плоскость (ст. 5.61 КоАП РФ [6]), сохранившись в уголовном праве в специальных составах (например, публичное оскорбление представителя власти — ст. 319 УК РФ; неуважение к суду — ст. 297 УК РФ; клевета в отношении участников правосудия и исследования — ст. 298.1 УК РФ).

Содержательно ст. 128.1 УК РФ устанавливает ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство либо подрывающих репутацию. Важнейшие элементы состава: (а) объективная сторона — распространение; (б) предмет — сведения как сообщения о фактах; (в) порочащий характер; (г) субъективная сторона — прямой умысел и заведомость.

Отдельно подчеркнём роль усиления санкций: в 2020 г. законодатель добавил в санкции по частям 2–5 ст. 128.1 УК РФ принудительные работы, арест и лишение свободы (до 5 лет по наиболее строгим квалификациям), что означает, что цена ошибки в квалификации и доказывании стала выше [19].

ГК РФ закрепляет систему защиты нематериальных благ (ст. 150) и специальный механизм защиты чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152), включая презумпцию распределения бремени доказывания: истец доказывает факт распространения и порочащий характер, ответчик — соответствие действительности. Верховный Суд в обзоре 2016 г. подтверждает «трёхэлементную» модель юридически значимых обстоятельств (порочащий характер, распространение, несоответствие действительности) и подчёркивает расширение способов защиты, в том числе в интернете (удаление информации, пресечение распространения).

Административное право (ст. 5.61 КоАП РФ) охватывает «оскорбление» как унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной либо иной противоречащей нормам морали форме, а также предусматривает повышенные штрафы за публичное оскорбление в сети «Интернет» и ответственность должностных/юридических лиц за непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрируемых произведениях и сетях. Существенно, что административная ответственность не исключает гражданско-правовую компенсацию морального вреда (ст. 151 ГК РФ), что прямо иллюстрируется обзором ВС РФ 2016 г. (ошибочность отказа в компенсации только потому, что имело место административное оскорбление)

Научная литература фиксирует следующее. Несмотря на «символическое» усиление уголовной защиты репутации, реальный доступ к уголовной защите по клевете долгое время был ограничен процессуальными особенностями дел частного обвинения и высокими стандартами доказывания субъективной стороны [32]. Показательно, что исследования подчёркивают тенденцию оправданий по жалобам частных обвинителей, особенно когда спорные сведения изложены в заявлениях в государственные органы: суды нередко защищают право на обращение и квалифицируют такие действия как реализацию конституционной гарантии.

Одновременно доктрина обращает внимание на «двойную угрозу»: (1) риски злоупотребления диффамационными механизмами, создающие «охлаждающий эффект» для критики и общественной дискуссии; (2) риски безнаказанности разрушительных информационных атак в цифровой среде при отсутствующей/некачественной идентификации автора и фиксации доказательств.

Ключевым для современной практики стал вывод Конституционного Суда в постановлении от 04.12.2025 № 43П: ч. 2 ст. 128.1 УК РФ (публичная клевета с использованием сети «Интернет») не предполагает квалификации как «публичного распространения» ситуации, когда гражданин направляет обращение через официальные интернет-каналы в органы публичной власти (или иные субъекты, осуществляющие публично значимые функции), если сеть выступает лишь способом письменного направления и содержание не становится доступным неопределённому кругу лиц [11].

Конституционный Суд при этом формулирует и общий критерий квалифицирующего признака: использование сети «Интернет» образует квалификацию по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, когда у лица есть осознанное намерение адресовать сведения таким образом, чтобы сделать их доступными широкому (неопределённому) кругу лиц, выходящему за пределы адресной рассылки. Таким образом, для практики закрепляется правило: интернет как канал адресной коммуникации ≠ интернет как публичная площадка.

Отдельно отметим, что постановление № 43-П не исключает принципиально ответственность за злоупотребление правом на обращение: Конституционный Суд описывает кейс, где обращения направлялись множеству адресатов (органы и партийные структуры), а мотив и содержание оценивались судами как недобросовестные и ложные; однако решающим стало именно недопущение автоматического приравнивания обращения через официальную приёмную к публичному распространению.

В смежной плоскости (гражданско-правовой защиты репутации в интернете) постановление Конституционного Суда от 09.07.2013 № 18-П в логике обзора ВС РФ 2016 г. подтвердило расширение инструментов защиты при распространении порочащих сведений в сети, включая обязанность удаления информации и иные меры пресечения распространения при установленной судом недостоверности [33].

На уровне разъяснений для гражданских дел (ст. 152 ГК РФ) постановление Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3 (в ред. 09.12.2025) закрепляет основополагающий стандарт: суды должны обеспечивать равновесие между правом на защиту чести/репутации и свободой слова/информации и правом на обращение, а также различать утверждения о фактах (проверяемые) и оценочные суждения/мнения (непроверяемые и потому не подлежащие «опровержению» как факты) [13].

Обзор практики по гражданским делам (утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2016) уточняет, что суд удовлетворяет требования при установлении совокупности трёх условий (порочащий характер, распространение, несоответствие действительности), и подтверждает, что в условиях реформы гражданского законодательства расширены способы защиты, особенно в отношении интернет-контента (удаление, запрет распространения и др.) [9]. Важен и другой аспект — использование требований о компенсации в целях фактического ограничения свободы выражения недопустимо.

Для уголовных дел о публичном оскорблении представителя власти (ст. 319 УК РФ) постановление Пленума ВС РФ от 01.06.2023 № 14 даёт дефиницию состава: преступление состоит в публичном унижении чести и достоинства представителя власти, затрагивающем его личные и/или профессиональные качества, совершённом при исполнении или в связи с исполнением обязанностей и выраженном в неприличной или иной форме [12]. Тем самым Верховный Суд подтверждает «двухуровневую» конструкцию: факт унижения (оценка потерпевшего

и суда) и форма (оценка суда), что методически сближает практику по 319 УК РФ с делами об административном оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ).

Региональные судебные акты по делам частного обвинения о клевете, как выяснилось, показывают устойчивый набор оснований оправдания:

- отсутствие доказательств умысла на распространение сведений третьим лицам, когда конфликтная коммуникация носила характер диалога, адресованного потерпевшему;
- невозможность доказать «заведомость» при добросовестном заблуждении;
- отнесение спорных формулировок к оценочным суждениям/критике, а не к утверждениям о конкретных фактах.

Так, апелляционное постановление Индустриального районного суда г. Перми по делу № 1-12/2025 (14.08.2025) поддержало оправдание по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, указав, что высказывания были адресованы непосредственно участнику диалога, доказательств «попытки донести сведения до посторонних лиц» не имеется, умысел на распространение не установлен; отдельно подчеркнуто, что «заявления общего характера» без указания на конкретный ложный факт не образуют клевету, а при квалификации необходимо разграничивать утверждения о фактах и оценочные суждения [1].

Апелляционное постановление Трусковского районного суда г. Астрахани по делу № 1-14/2025 (21.08.2025) сформулировало важный для практики тезис: «заведомость» предполагает точное знание ложности; при добросовестном заблуждении лица относительно распространяемых сведений уголовная ответственность по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ исключается; при этом обращения в правоохранительные органы в конкретном деле суд оценил как выражение собственного мнения/критической оценки без намерения распространить порочащие сведения [3].

Наконец, даже по делам публичной клеветы (ч. 2 ст. 128.1 УК РФ) процессуальные документы показывают значимость правильного выбора меры пресечения и процессуальной экономии расследования.

Процессуальная модель по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ претерпела принципиальные изменения. Федеральным законом от 07.06.2025 № 146-ФЗ ч. 1 ст. 128.1 УК РФ исключена из перечня частного обвинения в ст. 20 УПК РФ и включена в сферу частно-публичного обвинения [24]. Это означает: дело возбуждается по заявлению потерпевшего, но расследование осуществляется публичными органами; при этом прекращение в связи с примирением не допускается (общий принцип частно-публичного обвинения).

Опыт частного обвинения по клевете сформировал набор устойчивых процессуальных проблем: сложность подготовки заявления (включая перечень свидетелей и сведения о лице), необходимость самостоятельного сбора доказательств, риск взыскания процессуальных издержек при оправдании, конфликт интересов при попытках «перевести» гражданско-правовой спор в уго-

ловную плоскость. При этом сама конструкция частного обвинения, как указывает Конституционный Суд, предполагает особую роль заявления как «обвинительного акта» и требует надлежащего разъяснения прав частному обвинителю; неявка частного обвинителя может вести к прекращению дела.

В условиях перевода ч. 1 ст. 128.1 УК РФ в частно-публичное обвинение часть перечисленных проблем может быть смягчена, но значительная их доля «мигрирует» в сферу доказательственной стандартизации предварительного расследования.

Практика показывает, что ключевые квалификационные узлы — это:

— Распространение. В уголовно-правовом смысле достаточно доведения сведений хотя бы до одного третьего лица; однако случаи сообщений в органы власти и обращения в правоохранительные органы требуют дополнительной оценки через призму конституционного права на обращение и презумпции добросовестности реализации права. Тезис о невозможности автоматической криминализации обращений через официальные интернет-приёмные как публичной клеветы закреплён постановлением Конституционного Суда № 43-П;

— Публичность и интернет. Конституционный Суд требует выявлять намерение сделать сведения доступными неопределённому кругу лиц; адресная рассылка, чат или официальное электронное обращение не тождественны публичной публикации. Региональная практика, в свою очередь, часто оправдывает по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ при отсутствии доказательств намерения довести слова до посторонних (диалог, спор, конфликт на месте);

— Факты либо оценки. Разграничение «утверждение о факте» и «оценочное суждение» является сквозным критерием: оно закреплено Пленумом ВС РФ № 3 для гражданских дел и воспроизводится региональными уголовными решениями по клевете.

Материальный состав клеветы (ст. 128.1 УК РФ) требует доказать:

1. Факт распространения сведений о потерпевшем;
2. Порочащий характер сообщения;
3. Несоответствие действительности;
4. Заведомость (точное знание ложности);
5. Прямой умысел, а для квалифицированных составов — дополнительные признаки (публичность, интернетраспространение и т. п.).

В случае клеветы в интернете критичны три блока доказательств:

— неизменность и достоверность фиксации контента (скриншоты, протоколы осмотра, технические журналы, сведения об URL/времени, резервные копии);

— идентификация автора (аккаунт, IP-сведения, привязки к устройству/номеру, свидетельские показания о принадлежности аккаунта);

— параметры «публичности» и охвата (настройки приватности, число подписчиков/участников, доступность контента без регистрации, перепосты).

Эти элементы напрямую соотносятся с критерием Конституционного Суда: квалификация по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ возможна лишь при осознанном намерении сделать сведения доступными неопределённому кругу лиц; следовательно, без доказательств фактического или намеренного расширения аудитории квалификация становится юридически уязвимой.

Методические материалы Минюста по лингвистической экспертизе по делам об оскорблении подчёркивают принципиальный момент, имеющий значение и для смежных «репутационных» дел: эксперт устанавливает лингвистические признаки унижения, неприличной формы, предмет речи и коммуникативную цель, но юридическая квалификация принадлежит суду.

В методическом проспекте указывается, что правовое определение оскорбления дано в ст. 5.61 КоАП РФ («унижение чести и достоинства... в неприличной форме»), и для уголовного/административного права неприличная форма является обязательным признаком объективной стороны; при этом оценка неприличности — компетенция суда, тогда как эксперт исследует лингвистические признаки [6]. Предлагаемые формулировки вопросов к эксперту (наличие признаков унижения и, при положительном ответе, признаков неприличной формы) задают правильную процессуальную рамку и предотвращают подмену суда экспертизой.

Для дел о клевете методически значимым является аналогичный подход: эксперт может помочь в установлении того, является ли высказывание утверждением о фактах либо оценкой/мнениями, и какие семантические компоненты несут порочащий характер; но вывод о «ложности», «заведомости» и «умысле» — это вывод суда на основании совокупности доказательств, а не лингвистический диагноз.

После изменений 2020 г. санкции по ст. 128.1 УК РФ варьируются от штрафов и обязательных работ до принудительных работ, ареста и лишения свободы в квалифицированных составах (включая публичную клевету с использованием интернета и наиболее тяжкие сочетания обвинений). Это требует особенно аккуратной квалификации «публичности» и «интернетраспространения» во избежание несоизмерного уголовноправового вмешательства.

По ст. 319 УК РФ санкция, как правило, реализуется в виде штрафов или работ; приговоры по совокупности с насилием (ст. 318 УК РФ) показывают, что 319й состав нередко выступает «добавочным» к конфронтации с представителями власти, где ключевым становится контекст исполнения обязанностей и публичность оскорбления.

Судебная статистика фиксирует характерную для клеветы картину: по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ в 2024 году 29 лиц осуждено и 221 лицо оправдано; по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ — 18 осуждённых (при этом видны назначения штрафов, обязательных работ и условного лишения свободы), по ч. 5–4 осуждённых с единичными случаями условного лишения свободы и обязательных работ [34].

Эти цифры требуют осторожной интерпретации. Они не означают, что состав как таковой не работает, но указы-

вают, на наш взгляд, на повышенную вероятность недоказанности субъективной стороны и/или на значительную долю конфликтов, где уголовноправовая форма оказывается непригодной по природе спорных утверждений (оценки, предположения, эмоциональные реплики) либо по причинам процессуального качества доказательств. Именно поэтому реформы 2025 г. по изменению вида обвинения могут повысить число расследований, но без методической стандартизации доказывания заведомости и публичности рискуют лишь увеличить массив прекращений/оправданий либо усилить риск несоразмерного преследования.

В сравнительно-правовом аспекте предлагаем рассмотреть еще несколько моделей:

— **ЕСПЧ** в деле *Lingens v. Austria* сформулировал классический подход: оценочные суждения по своей природе не подлежат доказыванию истинности, а требование доказать их «правдивость» несовместимо со свободой выражения; при этом допустимость ограничений зависит от пропорциональности и статуса лица (публичные фигуры терпят более широкий спектр критики) [35]. В российском контексте эти идеи отражаются в подходах Постановления Пленума ВС РФ № 3 о различии фактов и оценок;

— После прекращения участия России в Европейской конвенции о правах человека с 16.09.2022 юрисдикция ЕСПЧ по новым событиям прекращена, но ранее сформированные стандарты сохраняют значение как сравнительный ориентир и как часть правовой истории баланса прав;

— **Великобритания** отказалась от «классических» преступлений клеветы и смежных диффамационных составов, отменив их в 2009 г. (Coroners and Justice Act 2009), что отражает тенденцию к смещению защиты репутации в гражданскоправовую плоскость [26].

Германия, напротив, сохраняет уголовноправовые составы оскорбления и диффамации (StGB §§ 185–187), что демонстрирует возможность существования уголовной охраны репутации при иных институциональных фильтрах и судебной культуре [36].

США выработали стандарт «actual malice» для диффамации публичных должностных лиц (New York Times Co. v. Sullivan), ужесточая бремя доказывания для истца как механизм защиты свободы публичной дискуссии [37].

На уровне «политики права» сравнительные материалы часто рекомендуют осторожность с криминализацией диффамации и подчеркивают приоритет пропорциональности и необходимости ограничения свободы выражения. В частности, парламентские структуры Совета Европы указывали на целесообразность декриминализации диффамации и отказ от лишения свободы как

санкции по таким делам (как общий ориентир европейской политики).

С учётом выявленных проблем представляются обобщёнными следующие направления

Первое. Уточнение критериев «публичности» и «адресной коммуникации» в цифровой среде. Постановление КС РФ № 43П фактически задаёт стандарт, который можно развить на уровне разъяснений Верховного Суда: различать (а) публичную публикацию/репост/открытый доступ, (б) адресную рассылку ограниченному кругу, (в) официальное обращение через интернетприёмные как способ письменной коммуникации. Задача — снизить неопределённость по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ и исключить расширительное толкование «публичности».

Второе. Стандартизация доказывания заведомости. Региональные оправдания показывают: заведомость — не «объективная ложность», а специфическое психическое отношение к сообщаемому. Требуется методическое закрепление перечня типовых доказательственных источников, подтверждающих знание ложности (предупреждения, наличие решений судов/органов по фактам, переписка, признание, последовательность поведения, мотив мести и пр.) и разграничение с добросовестным заблуждением.

Третье. Корректное использование лингвистической экспертизы. Экспертиза нужна для «языковой» части (характер высказывания, признаки унижения/неприличности и др.), но не должна заменять суд при решении вопросов правовой квалификации и тем более субъективной стороны. Методики Минюста предлагают адекватные формулировки вопросов; целесообразно их «перевести» в устойчивые практические модели для следствия и суда.

Четвёртое. Единый стандарт фиксации электронных следов. Для дел о клевете и оскорблении в сети необходим протоколируемый минимум: идентификаторы страницы/сообщения, точное время, сведения о приватности, данные об аудитории, меры обеспечения неизменности (хэшификация, нотариальные протоколы осмотра, технические отчеты), а также обязательная проверка авторства. Это особенно важно после усиления санкций по квалификации ст. 128.1 УК РФ.

Пятое. Встроенность уголовной реакции в общую систему восстановления репутации. Обзор ВС РФ 2016 г. демонстрирует богатый набор гражданскоправовых способов защиты (удаление, запрет распространения, публикация решения и др.). В практическом плане это означает: даже при наличии уголовного преследования центральной целью должно оставаться восстановление репутации и прекращение распространения, иначе уголовная реакция превращается в «карательный дублер» без реабилитационного эффекта.

Литература:

1. Апелляционное постановление Индустриального районного суда г. Перми (Пермский край) от 14.08.2025 по делу № 1–12/2025, № 10–29/2025 // СудАкт.ру (дата обращения: 13.04.2026).

2. Апелляционное постановление Магаданского областного суда от 03.04.2025 по делу № 3/1–50/2025, № 22К-132/2025 // СудАкт.ру (дата обращения: 13.04.2026).
3. Апелляционное постановление Трусовского районного суда г. Астрахани (Астраханская область) от 21.08.2025 по делу № 1–14/2025, № 10–17/2025 // СудАкт.ру (дата обращения: 13.04.2026).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации.
5. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 1 (41).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2026.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм.) // Официальный интернет-портал правовой информации.
9. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П «По делу о проверке конституционности... статьи 20 УПК РФ...» // Официальный интернет-портал правовой информации.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2025 № 43-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 УК РФ...» // Российская газета; Собрание законодательства РФ.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 УК РФ».
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации...» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — № 4.
14. Приговор Исакогорского районного суда г. Архангельска от 10.09.2025 по делу № 1–130/2025 // СудАкт.ру (дата обращения: 13.04.2026).
15. Рарог А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — М.: Статут, 2020.
16. Соколов А. Ю. Административное право Российской Федерации. — М.: Проспект, 2023.
17. Судебная статистика Российской Федерации: данные о назначенном наказании по ст. 128.1 УК РФ за 2024 г. // Официальный статистический ресурс.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации.
20. Фадин С. В., Недопека Т. А. Уголовный процесс. — М.: Статут, 2022.
21. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
22. Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
23. Федеральный закон от 30.12.2020 № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
24. Федеральный закон от 07.06.2025 № 146-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
25. Artyebyakina N. A., Makarova T. A. Problemy zashchity prav chastnogo obvinatelya po delam o klevete // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. — 2019. — Vol. 13. — No. 4. — P. 651–660.
26. Coroners and Justice Act 2009 (UK).
27. Council of Europe. Russia ceases to be a Party to the ECHR on 16 September 2022.
28. Dyuldin and Kislov v. Russia. Judgment of the European Court of Human Rights (HUDOC).
29. European Court of Human Rights. Case of Grinberg v. Russia (Application no. 23472/03). Judgment of 21 July 2005.
30. European Court of Human Rights. Case of OOO Memo v. Russia (Application no. 2840/10). Judgment of 15 March 2022.
31. Kugaevskikh K. V. Kleveta kak prestuplenie protiv lichnosti // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. — 2025. — No. 11.
32. Ганжа Ю. В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. С. 43. URL: <https://www.disscat.com/content/prestupleniya-protiv-chesti-i-dostoinstva-lichnosti> (дата обращения: 10.04.2026).

33. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина ...». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148564/ (дата обращения: 10.04.2026).
34. Кугаевских К. В. Клевета как преступление против личности // Научный вестник. 2025. № 11. URL: <https://naukavestnik.ru/doc/2025/11/Kugaevsky.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).
35. Решение Европейский суд по правам человека от 8 июля 1986 г. по делу *Lingens v. Austria* (жалоба № 9815/82). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 11.04.2026).
36. Strafgesetzbuch (StGB) (Уголовный кодекс Германии). §§ 185–187. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения: 14.04.2026).
37. *New York Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254 (1964). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/254/> (дата обращения: 14.04.2026).

Актуальные проблемы правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции

Юринская Елизавета Евгеньевна, студент магистратуры
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье на основе комплексного анализа КоАП РФ, КАС РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ и правовых позиций ЕСПЧ выявлены системные проблемы судебного производства по делам об административных правонарушениях. Автором проанализированы фрагментарность нормативного регулирования, отсутствие стороны обвинения, «протокольная» форма доказывания, неравенство процессуальных прав участников, а также проблемы дифференциации ответственности. С учетом сравнительно-правового анализа германской и французской моделей административной юстиции обоснована необходимость принятия единого Административно-процессуального кодекса РФ и предложены конкретные изменения в КоАП РФ.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административная юстиция, производство по делам об административных правонарушениях, КоАП РФ, КАС РФ, сторона обвинения, доказательства, дискреционные полномочия судьи, Административно-процессуальный кодекс.

Current problems of legal regulation of proceedings in administrative offense cases in general jurisdiction courts

Based on a comprehensive analysis of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and the legal positions of the European Court of Human Rights, the article identifies systemic problems in the judicial proceedings on administrative offenses. The author analyzes the fragmented nature of the regulatory framework, the absence of a prosecution side, the «protocol» form of proof, the inequality of procedural rights for the parties, and the issues of differentiation of liability. Taking into account the comparative legal analysis of the German and French models of administrative justice, the article substantiates the need for a unified Administrative Procedure Code of the Russian Federation and proposes specific changes to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: administrative proceedings, administrative justice, proceedings on administrative offenses, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, prosecution, evidence, discretionary powers of the judge, Administrative Procedure Code.

Институт административной ответственности является ключевым инструментом охраны правопорядка и защиты прав граждан. В условиях усложнения общественных отношений именно суды общей юрисдикции выступают конечной инстанцией, разрешающей

конфликт между государством и личностью. Однако правовое регулирование данного вида судопроизводства характеризуется фрагментарностью, коллизиями между КоАП РФ и КАС РФ, а также отсутствием детальной процессуальной регламентации. Как справедливо отме-

чает Ю. Н. Старилов, задачи административного судопроизводства до сих пор не получили единого доктринального понимания. Указанные обстоятельства предопределяют высокую научную и практическую значимость темы.

Исследование базируется на диалектическом методе научного познания. Использовались формально-юридический, сравнительно-правовой и системный анализ, а также метод обобщения судебной практики (проанализировано более 50 постановлений Верховного Суда РФ и правовые позиции ЕСПЧ по делам «Карелин против России» и «Кавказский и другие против России»).

Основные результаты и дискуссия

– Проблема «раздвоения» административного процесса

Принятие в 2015 году КАС РФ поставило вопрос о разграничении сфер его действия с КоАП РФ. В настоящее время производство по делам об административных правонарушениях регулируется КоАП РФ (разделы IV и V), тогда как оспаривание действий публичной администрации — КАС РФ. Это приводит к разной степени процессуальных гарантий: КАС РФ требует наличия высшего юридического образования у представителей (ст. 55), а КоАП РФ — нет. Такое различие нарушает принцип равного доступа к квалифицированной юридической помощи.

– Отсутствие стороны обвинения и изъятия состязательности

Европейский Суд по правам человека в постановлении от 20 сентября 2016 г. по делу «Карелин против России» прямо указал: отсутствие в российском административно-деликтном процессе стороны обвинения, поддерживающей обвинение перед судом, ставит под сомнение беспристрастность суда. Судья вынужден совмещать функции по рассмотрению дела и поддержанию обвинения, что является наследием инквизиционной модели.

Анализ судебной практики показывает, что суды нередко воспринимают протокол об административном правонарушении как доказательство, обладающее заранее установленной силой. В 30 % отмен постановлений в апелляции причиной является нарушение порядка извещения, а в 26 % — недоказанность обстоятельств дела. При этом письменные объяснения, отобранные на стадии возбуждения дела, часто не проверяются судом путем допроса свидетелей, что противоречит принципу непосредственности.

В КоАП РФ отсутствует четкая система наказаний, построенная по принципу возрастания строгости. Наблюдаются вопиющие диспропорции санкций: например, ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ (управление неисправным транспортом) — штраф 500 руб., а п. 4.1 той же статьи (незаконный фонарь такси) — штраф 5 000 руб. Широкое применение абсолютно-определенных санкций делает невозможной индивидуализацию наказания.

Сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей

Германская модель (Verwaltungsgerichtsordnung) характеризуется детальной кодификацией, активной ролью суда и эффективным институтом предварительной защиты. Французская модель отличается высокой специализацией административных судов и развитой системой общих принципов права, выработанных Государственным советом. Англосаксонская модель (трибуналы Великобритании, АРА США) делает ставку на состязательность и гибкость, но страдает высокой стоимостью правосудия. Для России, принадлежащей к континентальной традиции, наиболее релевантен германский опыт.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что точечные изменения КоАП РФ не решат системных проблем. Необходим единый Административно-процессуальный кодекс РФ, объединяющий:

- производство по делам об административных правонарушениях;
- производство по оспариванию актов, действий (бездействия) публичной власти;
- производство о взыскании обязательных платежей.

Такой кодекс должен включать: унифицированные стандарты доказывания, обязательное участие стороны обвинения (прокурора или представителя административного органа), квалификационные требования к представителям (высшее юридическое образование) и четкие критерии существенности процессуальных нарушений.

По результатам исследования предлагаются следующие изменения в КоАП РФ (краткосрочные и среднесрочные меры):

- Статья 25.5 КоАП РФ — установить, что защитник должен иметь высшее юридическое образование, а по делам об административном аресте и выдворении участие защитника сделать обязательным.
- Статья 25.15 КоАП РФ — легализовать извещение через SMS, электронную почту и портал Госуслуг при согласии лица, установив минимальный срок извещения — 3 дня.
- Статья 26.11 КоАП РФ — прямо закрепить, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, и обязать суд вызывать лиц для устранения противоречий между письменными и устными показаниями.
- Статья 26.8 КоАП РФ — детализировать условия допустимости показаний технических средств (сертификат, проверка, соблюдение правил эксплуатации).
- Глава 4 КоАП РФ — провести ревизию санкций с целью устранения диспропорций и законодательно закрепить систему наказаний по степени строгости.

Долгосрочная мера — разработка и принятие единого Административно-процессуального кодекса РФ.

Выявленные проблемы правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции носят системный характер. Они не могут быть преодолены путем фрагментарных по-

правок. Требуется комплексная реформа, включающая как изменение КоАП РФ в части доказывания, представительства и извещения, так и принятие единого Административно-процессуального кодекса. Реализация предложенных

мер позволит привести российское законодательство в соответствие со стандартами ЕСПЧ, обеспечить реальную состязательность и равноправие сторон, а также повысить доверие граждан к административному правосудию.

Литература:

1. Постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2016 г. «Дело «Карелин (Karelin) против России» (жалоба № 926/08).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
3. Бахрах Д. Н. Административное судопроизводство и административная юстиция // Современное право. 2005. № 5. С. 21–26.
4. Гришконец А. А. Рассмотрение судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях — не правосудие // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 73–87.
5. Калашник Ф. А. Сущность административного судопроизводства. Соотношение понятий административный процесс, административная юстиция, административное судопроизводство // Право и управление. 2024. № 11. С. 273–277.
6. Плешевеня О. В. К вопросам обеспечения целостного административно-процессуального регулирования производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого судами общей юрисдикции // Образование и право. 2024. № 6. С. 347–353.

Особенности заключения договора на оказание туристических услуг: что важно знать

Янин Семён Александрович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматриваются особенности заключения договора между туристом и туроператором, которые необходимо учитывать обеим сторонам перед подписанием документа. Во многом именно договор на оказание туристических услуг является документом, регулирующим отношения между туристом и туроператором. Так же в статье будет проведён анализ законов, которые регулируют заключение этих договоров.

Ключевые слова: договор, права и обязанности сторон, турфирма и туроператор, туристические услуги.

Features of concluding a contract for the provision of tourist services: what is important to know?

The article discusses the specifics of concluding an agreement between a tourist and a tour operator, which must be taken into account by both parties before signing the document. In many ways, it is the contract for the provision of tourist services that is the document regulating the relationship between a tourist and a tour operator. The article will also analyze the laws that regulate the conclusion of these contracts.

Keywords: contract, rights and obligations of the parties, travel agency and tour operator, travel services.

Заключение договора на оказание туристических услуг — это важный этап подготовки путешествия, который обеспечивает юридическую защиту туристу и гарантирует качественное предоставление сервиса от туроператора. Туризм является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики, привлекая миллионы людей ежегодно. Однако заключение договора часто вызывает сложности у потребителей, особенно когда речь

идет о незнакомых понятиях, рисках и условиях. В этой статье мы рассмотрим ключевые аспекты оформления договора на туристические услуги, выясним, какие моменты требуют особого внимания, чтобы избежать неприятностей и защитить свои права туриста.

В России ни одна сфера не характеризуется такой сложной системой экономических взаимосвязей при таком недостаточном правовом регулировании, как ту-

ризм. В этой ситуации особенно остро встаёт вопрос защиты интересов туристов, который тесно связан с исполнением договоров на предоставление туристических услуг. Поэтому важное значение приобретает понятие «туристские услуги», в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 30.11.2024) туристские услуги рассматриваются, как туристский продукт — комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта.

Согласно действующему стандарту ГОСТ Р 50690–2017 «Туристические услуги. Общие требования», туристическая услуга определяется как **услуга по удовлетворению потребностей туристов в организации и осуществлении путешествий, отдыха и рекреации**, в том числе в услуги перевозки, размещения, питания, экскурсий. В научной литературе предлагаются разные трактовки понятия туристической услуги, преимущественно ориентированные на потребности клиента в поездке. Мы считаем, что туристическая услуга — это комплекс мероприятий и действий, направленных на удовлетворение потребностей туристов в организации отдыха, путешествий, экскурсий, размещения, питания, транспорта и иных услуг, связанных с туристской деятельностью.

По словам М. Б. Биржакова, туристические услуги включают широкий спектр предложений, начиная от бронирования транспорта и проживания, до оформления документации и различных формальностей, питания, экскурсий, транспортных перевозок, медицинского сопровождения и страхования, а также услуг гидов-переводчиков и многое другое [1, с. 109]. Этот список далеко не исчерпывающий, учитывая разнообразие услуг, предлагаемых туристам во время путешествий. Исходя из этого, туристические услуги можно разделить на несколько категорий в зависимости от их роли и структуры в процессе туризма.

1. *Основные услуги* — необходимы для организации и осуществления самого путешествия. К ним относятся транспортные перевозки, питание, размещение, экскурсионные программы, услуги гидов-переводчиков и прочие услуги, зависящие от цели поездки.

2. *Дополнительные услуги* — не включены в стандартный пакет тура, но могут быть предоставлены по запросу туриста на месте отдыха. Это торговые услуги, посещение театров и кино, почта и связь, такси и прочее. Эти услуги оплачиваются отдельно и не входят в базовую стоимость тура, хотя часто специфичны для конкретного туристического направления [5, с. 576].

3. *Сопутствующие услуги* — это услуги инфраструктура региона, предназначенная главным образом для местных жителей, но используемая и туристами (например, медицинские учреждения, ремонтные мастерские, ателье и другие предприятия местной сферы обслуживания) [5, с. 311–312].

Состав пакета туристических услуг варьируется в зависимости от программы и целей путешествия, причем каждая категория включает множество элементов. Организатор тура может расширить набор услуг по запросу туриста или предложить дополнительные опции на выбор. Важно отметить, что конкурентная стратегия продаж туров зачастую подразумевает снижение стоимости путем сокращения числа базовых услуг, что существенно влияет на качество и полноту предложенного туристического продукта.

Мы полагаем, что дополнительные и сопутствующие услуги в комплексе туристических услуг могут становиться основными в зависимости от мотиваций и целей путешествия туриста. Таким образом, разделение услуг на основные, дополнительные и сопутствующие довольно условно. Тем не менее, включение услуги в категорию основных должно основываться на её включении в договор с туристом и служить гарантией того, что данная услуга будет предоставлена туристу или он сможет ею воспользоваться в стране временного пребывания.

Сегодня существуют различные мнения относительно правовой природы отношений, связанных с реализацией туристических услуг. Основная проблема заключается в правовом регулировании договорных отношений между туристами и туристическими предприятиями. В законодательстве, регулирующем эту область, наблюдается противоречие касательно типа договора между туристом и туристическим предприятием. Согласно статье 779 «Договор возмездного оказания услуг» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024), должен заключаться договор возмездного оказания туристических услуг, тогда как на основании Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 30.11.2024), (далее — Закон) отношения между туристом и турфирмой регулируются договором о реализации туристического продукта. Это противоречие крайне усложняет правовую ситуацию, связанную с официальным оформлением этих отношений посредством договора. В связи с этим важно учесть мнение профессора Я. Е. Парция, согласно которому со вступлением в силу части второй Гражданского кодекса РФ прямо указывается на необходимость заключения договора возмездного оказания услуг. Проблема заключается в том, что Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», принятый после вступления в силу части второй ГК РФ, не учитывал этого обстоятельства [7, с. 11]. Ещё одной проблемой является недостаточная проработка ряда определений с точки зрения гражданского права, содержащихся в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Например, некоторые важные определения, такие как понятие информационного листа, трансфера, турагента, туроператора, туристического предприятия и другие [8, с. 53].

В новой версии закона туристический продукт представлен как комплекс услуг по перевозке и размещению, предоставляемых по единой цене (с учетом или без учета стоимости экскурсий и других услуг) на основании договора о реализации туристического продукта. Законодатель видит перевозку и размещение, как основные туристические услуги, предоставляемые в комплекте. Однако практика показывает, что перевозка не всегда включена в туристический пакет. Основу туристических услуг могут составлять питание и проживание, предоставляемые туристу вместе.

Из закона исключена информация о начале путешествия и его продолжительности из перечня обязательных условий, полагаясь на то, что эта информация содержится в программе пребывания. Но учитывая, что выполнение обязательств по договору начинается позже момента его подписания, эта информация становится важным элементом договора. Она должна содержать дату начала транспортировки туриста, если такая услуга предусмотрена пакетом. Если транспорт приобретается отдельно, нужно отделять начало и продолжительность самого тура от даты начала транспортной услуги. Также важно подробно описать механизмы использования путёвки, учитывая международные стандарты и интеграцию российского турбизнеса в мировое туристическое сообщество. Закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» требует обязательного присутствия всех деталей путешествия в туристской путёвке, но юридическая обоснованность этого требования сомнительна [9, с. 35].

Турпутевка, согласно требованиям закона, содержит дублирующие элементы договора. Это подчеркивает необходимость чёткого определения её сути на уровне федерального законодательства. Если путевка рассматривается как квитанция, зачем в ней фиксировать условия путешествия? Похоже, что сама путевка в данном контексте фактически служит формой договора, так как включает все условия (указанные в статье 10 Закона) туристического обслуживания.

Из закона исключено понятие ваучера, которое активно используется на практике. Ваучер является международным документом, происходящим от английского слова «voucher» («расписка»). Предполагается, что ваучеры оформляются таким образом, чтобы быть удобными как для отправляющих, так и для принимающих туристов фирм. Однако нормативные акты на федеральном уровне не содержат подтверждения такой характеристики ваучера. Некоторые субъекты Российской Федерации разработали специальные положения, регулирующие применение туристского ваучера и закрепившие его единообразную форму, используемую всеми туристско-экскурсионными организациями.

Анализируя практику применения ваучера, можно сказать следующее: во-первых, используется в международной туристической практике. Во-вторых, входит в юридическое обеспечение как туроператорской, так и турагентской деятельности в международном туризме.

Является официальным документом направляющей турфирмы, который выдается туристам или сопровождающим группы как подтверждение их права на получение заранее забронированных и оплаченных услуг от принимающей стороны. В-третьих, ваучер должен содержать наименования каждой отдельной услуги, включенной в тур. В-четвёртых, ваучер подтверждает факт предоставления туристу каждой отдельной услуги, указанной в туре.

Основная функция ваучера — регулирование расчетов между туристом и туроператором или турагентом, предоставляющим конкретные услуги, входящие в тур. Таким образом, ваучер юридически удостоверяет факт получения туристом оплаченного туристического продукта [9, с. 34]. Следует заметить, что современная правовая база оставляет нерешённым вопрос регулирования отношений между туристическими организациями касательно оформления туристических ваучеров. Законодательство фактически устранило необходимость наличия данной документации, не предусмотрев её стандартизированную форму, что препятствует созданию единого подхода к оформлению документов в сфере туризма.

Финансовые гарантии работы туроператоров, введенные обязательством заключать договоры страхования или получать банковские гарантии исполнения обязательств перед клиентами, действительно направлены на обеспечение защиты туристов от нарушений условий путешествия. Тем не менее, практическое применение данного механизма вызывает сомнения. Несмотря на существование системы финансовой поддержки, туристы остаются уязвимыми в ситуациях некачественного предоставления услуг третьими лицами или конфликтов в местах отдыха. Финансовая гарантия вступает в силу лишь после возвращения туриста домой, оставляя открытым вопрос о защите интересов клиентов в процессе самого тура. На наш взгляд, можно выделить два порядка заключения договора, в зависимости от способов формирования тура:

1. Сформированный тур (стандартный тур);
2. Формирование тура, после запроса туриста.

Договор об оказании туристских услуг, формируемый согласно рыночным условиям и представляющий собой стандартный продукт (турпакеты), обладает признаками договора присоединения, поскольку является заранее подготовленной формой соглашения. Российские исследователи неоднократно подчеркивали, что такие типовые контракты, ввиду своей обезличенности и формальности, нередко нарушают права потребителей. Международное право уделяет внимание этому аспекту — данная проблема нашла своё отражение в директиве Европейского Союза «О недобросовестных условиях договоров с потребителями» [2, с. 171], касающихся несправедливых условий контрактов с потребителями. Основное преимущество подобного формата заключается в экономии ресурсов и упрощении процедуры согласования условий сделки. Туристические фирмы предпочитают предлагать клиентам готовые туры, облегчая работу персонала

и предоставляя возможность выбора среди готовых предложений. Учитывая опыт зарубежных стран (например, Германии и Франции), целесообразно законодательно закрепить примерный шаблон типового договора на предоставление туристских услуг, применимый к готовым путёвкам.

Чтобы заключить договор на индивидуальный тур с туристом, согласно общим правилам, последний подаёт заявку, которую турфирма принимает и оформляет пакет услуг. За создание персонального тура, запрашиваемого клиентом, взимается предоплата, сумма которой определяется самими фирмами и не контролируется законом. Хотя статья 37 «Порядок и формы оплаты выполненной работы (оказанной услуги)» Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» допускает внесение предоплаты за услуги при наличии заключённого договора, в данном случае такой договор не подписывается — оформляется лишь заявка на бронирование тура.

Учитывая публичный характер договора, целесообразно законодательно закрепить конкретный процент от общей стоимости тура, вносимый в виде предоплаты, чтобы покрыть реальные затраты туристической компании в случае отказа клиента от заказанного тура. Согласно существующей практике, перед заключением договора на предоставление туристических услуг по индивидуальному туру следуют такие этапы: подача заявки от туриста на бронирование тура, оформление листа бронирования агентством, подтверждение бронирования тура оператором. Без выполнения этих шагов договор между туристом и фирмой, как правило, не заключается.

Лист бронирования играет важную роль в процессе заключения договора независимо от способа его оформления. Единого стандарта для этого документа не существует, и В. Г. Гуляев предлагает свою версию оформления заявки [3, с. 243]. Однако разные туристические компании используют различные формы, включая упрощённые варианты, содержащие основную информацию: название и реквизиты организатора поездки, название тура, его стоимость и порядок оплаты, личные данные заказчика, название и класс гостиницы, а также контактные

данные менеджера, занимающегося данным туром. Эти формы часто недостаточно отражают специфику индивидуальных туров. Более детальные листы бронирования включают специальные поля для аренды автомобилей, дополнительного питания и обслуживания VIP класса. Разнообразие форм объясняется степенью партнёрства между взаимодействующими компаниями, поскольку многие аспекты могут подразумеваться и регулироваться нормами деловой практики. Лист бронирования отправляется принимающей стороне чаще всего в электронном виде и готовится в трёх экземплярах: один остаётся у туриста, второй передается принимающей фирме, а третий хранится в архиве организующей тур турфирме. Этот документ важен для менеджера, так как подтверждает потенциальную возможность заключения договора с туристом и необходимость проведения всех необходимых процедур для организации поездки.

Подтверждение бронирования услуг может оформляться, как отдельный документ произвольной формы или включаться в соответствующую графу листа бронирования и дублироваться в именном ваучере. Оно обычно поступает в электронном виде через интернет. Бронирование подтверждается предоплатой и дальнейшим заключением договора на оказание услуг. Сумма предоплаты не фиксируется и не регулируется законодательством, что создает проблемы для защиты прав туристов.

Подводя итог, можно сказать, что заключение договора на оказание туристических услуг это важный этап взаимодействия туриста и туроператора, влияющий на качество предстоящего отдыха и правовые гарантии обеих сторон. Важными аспектами являются проверка достоверности предоставляемых сведений, изучение условий страхования, обеспечение защиты персональных данных и другое. Правильно составленный договор минимизирует риски возникновения конфликтов и споров, обеспечивает исполнение обязательств обеими сторонами и гарантирует комфортное путешествие. Разработка стандартной формы документов на оказание туристических услуг и систематизация порядка заключения договора с туристом, существенно позволит облегчить реализацию права туриста на качественную услугу.

Литература:

1. Биржаков М. Б. Введение в туризм. — СПб.: Издательский дом «Герда», 2002. 320 с.
2. Волошин Н. И. Международный туризм: Правовые акты. — М.: Финансы и статистика, 2000. 575 с.
3. Гуляев В. Г. Организация туристских перевозок. — М.: Финансы и статистика, 2003. 510 с.
4. Зорин Г. И., Ильина Е. Н., Мошняга Е. В. Основы туристической деятельности. — М.: Советский спорт, 2000. 119 с.
5. Зорин И. В., Квартальнов В. А. Туристский терминологический словарь: справочно-методическое пособие. — М.: Советский спорт, 1999. 663 с.
6. Квартальнов В. А. Теория и практика туризма. — М.: Финансы и статистика, 2003. 670 с.
7. Парций Я. Е. Научно-практический комментарий Закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». — М.: Фонд «Правовая культура», 1998. 205 с.
8. Писаревский Е. О юридических признаках туроператора и турагента // Турбизнес. — 2002. — № 5.
9. Чеченов Ю. Оформление отношений с туристом: правовые аспекты применения информационного листка, ваучера, турпутевки // Туризм. — 1999. — № 2.

10. Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 30.11.2024)
11. Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024)
12. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» от 18.07.2007 N 452 (ред. от 23.11.2020)

ИСТОРИЯ

«Мировая политика» (Weltpolitik) и рост имперских амбиций при Вильгельме II (1890–1914 гг.)

Гоголин Александр Сергеевич, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья посвящена анализу внешней политики Германской империи в 1890–1914 гг. — периоду, когда страна перешла от бисмарковской модели к агрессивному курсу Weltpolitik. Рассмотрены причины отказа от договора перестраховки с Россией, основные направления «мировой политики» — морская программа Тирпица, марокканские кризисы, Боснийский кризис и Багдадский железнодорожный проект. Выявлены статусные последствия новой стратегии: нарастающая дипломатическая изоляция и ухудшение международного положения Германии накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Вильгельм II, Weltpolitik, мировая политика, Германская империя, флотская программа, Тирпиц, марокканские кризисы, Боснийский кризис, Багдадская железная дорога, международный статус.

«World politics» (Weltpolitik) and the growth of imperial ambitions under William II (1890–1914)

Gogolin Alexander Sergeevich, student
Kazan (Volga region) Federal University

The article examines the foreign policy of the German Empire in 1890–1914, the period when Germany shifted from Bismarck's cautious balance-of-power system to the aggressive Weltpolitik course. The study addresses the reasons for abandoning the Reinsurance Treaty with Russia, the key vectors of the «world policy» — Tirpitz's naval program, the Moroccan crises, the Bosnian crisis, and the Baghdad Railway project. The article identifies the status consequences of the new strategy: growing diplomatic isolation and deterioration of Germany's international position on the eve of World War I.

Keywords: William II, Weltpolitik, world policy, German Empire, naval program, Tirpitz, Moroccan crises, Bosnian crisis, Baghdad Railway, international status.

Введение

Тема германской внешней политики накануне Первой мировой войны не теряет актуальности для историков. Переход от бисмарковской системы союзов к Weltpolitik — одно из ключевых событий европейской истории конца XIX — начала XX века. Именно этот поворот во многом определил конфигурацию блоков, темпы гонки вооружений и, в конечном счете, характер катастрофы 1914 года.

Цель статьи — выявить содержание Weltpolitik как внешнеполитической стратегии Германии и проследить, как эта стратегия сказалась на международном положении империи. Для этого решаются несколько задач: анализируются причины отставки Бисмарка и последствия отказа от договора перестраховки; рассматриваются основные направления «мировой политики» — морская

программа, колониальные кризисы, экономическая экспансия; оцениваются итоги избранного курса для статуса Германии в системе великих держав.

Источниковой базой служат мемуары Б. Бюлова [1] и А. фон Тирпица [9], работы отечественных историков о германской внешней политике [3; 4; 5; 6], а также исследования, посвященные отдельным кризисам и аспектам Weltpolitik [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Хронологические рамки охватывают период с 1890 г. — года отставки Бисмарка — по 1914 г.

1. Смена внешнеполитического курса после отставки Бисмарка (1890–1894 гг.)

Отставка Бисмарка в марте 1890 г. означала нечто большее, чем просто замену канцлера. Ушел человек,

который на протяжении двух десятилетий удерживал сложную систему союзов, строившуюся на одном принципе: Германия — «удовлетворенная держава», и ее цель — сохранить то, чего она достигла.

Причины разрыва были многоплановыми. Личные трения Бисмарка с молодым Вильгельмом II наслаивались на принципиальное расхождение взглядов на роль монарха в управлении. Кайзер не хотел быть символом — он стремился быть актором. К этому добавлялись разногласия по внутренней политике: Бисмарк настаивал на жестком курсе в отношении социалистов, тогда как Вильгельм искал иного соотношения кнута и пряника [11, с. 112].

Ключевым решением 1890 г. стал отказ от продления договора перестраховки с Россией. В бисмарковской архитектуре этот договор выполнял роль «страховочного троса»: он удерживал Петербург от слишком тесного сближения с Парижем. Новое окружение кайзера посчитало его излишним. Расчет строился на трех допущениях: Австро-Венгрия как союзник станет надежнее; Россия не рискнет уйти к Франции; отношения с Великобританией улучшатся сами собой [12, с. 87].

Все три допущения оказались ошибочными. Уже в 1891 г. началось российско-французское сближение, закрепившееся в 1893–1894 гг. военной конвенцией. Германия, хотевшая уйти от бисмарковских «жонглирований», получила нечто гораздо хуже — союз двух держав на обоих флангах [3, с. 145].

Важна и смена стиля дипломатии. Бисмарк целенаправленно управлял репутацией Германии: партнеры знали, чего от него ждать. Вильгельм II выбирал другой путь — демонстраций, речей и неожиданных жестов. Это не только вносило неопределенность в расчеты других держав, но и постепенно разрушало доверие к германским сигналам [11, с. 118].

Период 1890–1894 гг. — это время, когда Германия начала движение от положения «центра, вокруг которого выстраивается равновесие» к статусу «фактора нестабильности». Ресурсы страны росли, но конфигурация договоров, защищавшая ее от двустороннего давления, распалась.

2. Доктрина Weltpolitik: основные направления

Переход к Weltpolitik в конце 1890-х годов означал качественную смену германского самоощущения. Страна перестала довольствоваться ролью «континентальной державы, охраняющей статус-кво» — теперь она претендовала на признание в числе мировых игроков наравне с Великобританией и Францией.

Доктрина выросла из нескольких факторов одновременно. Бурный экономический рост и расширение экспорта создавали деловые круги, заинтересованные в зарубежных рынках и сферах влияния. Националистическая публицистика и Пангерманский союз формировали запрос на «место под солнцем». Сам Вильгельм II хотел, чтобы Германия воспринималась не менее значимо, чем Британская империя [1, с. 203].

При этом Weltpolitik не была единым планом с четкими целями. Это скорее рамка, в которой соединялись разные линии: строительство флота, колониальные инициативы, участие в международных кризисах и инфраструктурные проекты за пределами Европы. Общим знаменателем служила ставка на демонстрацию силы как инструмент получения статусных уступок.

Морская программа стала техническим сердцем Weltpolitik. Если армия обеспечивала континентальную мощь, то претензия на мировую роль без океанского флота выглядела неполной. А. фон Тирпиц разработал долгосрочную программу строительства линейных сил, исходя из так называемого «расчета риска»: германский флот должен был стать настолько сильным, чтобы война с ним обошлась Великобритании слишком дорого [2, с. 176–177].

Первый (1898) и второй (1900) законы о флоте закрепили программу законодательно. Именно второй закон перевел морское строительство из символической плоскости в масштабный государственный проект. Темпы стапелей нарастали. Британия отреагировала предсказуемо: начала контрпрограмму и в 1904–1907 гг. сформировала Антанту с Францией и Россией [6, с. 34].

Гонка флотов подпитывалась взаимным недоверием. Каждый германский спуск корабля на воду становился политическим событием в британской прессе. Уступка трактовалась как слабость, настойчивость — как угроза. Из этого круга выйти не удалось ни одной из сторон [7, с. 215].

Колониально-кризисное измерение Weltpolitik наиболее ярко проявилось в марокканских кризисах. В 1905 г. Вильгельм II высадился в Танжере, бросив открытый вызов французскому контролю над Марокко. Германия не имела там серьезных интересов — важен был сам жест: право вмешиваться в колониальный раздел вне зависимости от того, были ли у нее прямые претензии [4, с. 78].

Альхесирасская конференция 1906 г. формально дала Германии некоторые уступки, но политически укрепила Антанту: Лондон и Петербург убедились, что с Парижем их связывает нечто большее, чем дипломатические ноты. Второй марокканский кризис 1911 г. повторил тот же рисунок: Германия поднимала ставки, итог оказывался хуже исходного [4, с. 91].

Боснийский кризис 1908–1909 гг. дополнил картину. Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией при германской поддержке унизила Россию, которая не была готова к войне и отступила. Берлин выиграл тактически — и проиграл стратегически: Петербург сделал выводы из своей слабости и ускорил военные приготовления [2, с. 56].

Багдадская железная дорога — пример экономической экспансии при проведении Weltpolitik. Германский капитал получил концессию на строительство магистрали через Анатолию к Персидскому заливу. Для Берлина это был «мирный» проект: транспорт, товарооборот, влияние в Османской империи. Для Лондона и Петербурга — потенциальная угроза коммуникациям с Индией и усиление германского присутствия у южных границ России [5, с. 403].

Характерная черта всей этой политики — разрыв между намерениями и восприятием. Германия считала, что добивается лишь справедливого признания своего веса. Остальные великие державы видели державу, которая последовательно пересматривает сложившиеся договоренности и готова повышать ставки ради статусных демонстраций.

3. Статусные последствия Weltpolitik

К 1914 г. итоги курса Weltpolitik для международного положения Германии стали очевидны. Страна добилась ряда тактических успехов — колониальных приобретений, флота, подтверждения военно-промышленного первенства в Европе. Но стратегически она оказалась в худшем положении, чем в 1890 г.

Российско-французский союз 1894 г., закрепившийся во многом как реакция на отказ Берлина от договора перестраховки, уже сам по себе означал конец бисмарковской изоляции Франции. Антанта 1904–1907 гг. добавила к этому Великобританию. Германия оказалась окружена коалицией держав, суммарный потенциал которых превосходил ее собственный [10, с. 67].

Сам механизм принятия решений претерпел изменения не в лучшую сторону. Место бисмарковской «инженерии баланса» заняла полицентричность: военные, морское ведомство, двор и МИД тянули в разные стороны. Согласованной стратегии не было. Были отдельные линии, которые нередко противоречили друг другу.

Репутационные издержки накапливались. Германия, которая в 1870–1890-е годы воспринималась как предсказуемый партнер в европейских делах, теперь ассоциировалась с неожиданными шагами. Это не просто портило образ — это меняло расчеты других держав: с непредсказуемым игроком договариваться труднее, зато объединяться против него — проще.

Парадокс Weltpolitik состоял в следующем: германские элиты искренне считали, что добиваются признания законных интересов великой державы. Но инструменты, которые они для этого выбирали, — демонстрации силы, ультимативная риторика, поддержка австрийских жестких решений — работали против цели. Вместо при-

знания страна получала коалицию, строившуюся в том числе на страхе перед ее намерениями [3, с. 179].

Данная закономерность хорошо описывается концепцией «самоусиления угрозы»: чем активнее держава демонстрировала силу, тем теснее сплачивались те, кто считал себя объектом этой демонстрации. К 1914 г. Германия пришла к ситуации, которую ни Бисмарк, ни его преемники не планировали: к войне на два фронта против трех великих держав.

Заключение

Анализ внешней политики Германской империи в 1890–1914 гг. выявляет устойчивую закономерность. Переход от бисмарковской осторожности к Weltpolitik сопровождался нарастающим противоречием между амбициями и дипломатическим окружением. Страна усиливалась экономически и военно и одновременно теряла стратегическую гибкость, которую обеспечивала система союзов 1870–1880-х годов.

Отказ от договора перестраховки стал отправной точкой. Он запустил цепочку, которую ни канцлеры, ни кайзер не смогли остановить: российско-французское сближение, затем британско-французскую Антанту, затем русско-британское соглашение 1907 г. Германия в итоге столкнулась именно с тем кошмаром, от которого всю свою карьеру страховал Бисмарк — с «коалицией кошмаров» [11, с. 201].

Морская программа Тирпица, марокканские кризисы, Боснийский кризис и Багдадский проект — каждый из этих элементов Weltpolitik преследовал тактически понятные цели. Но в совокупности они транслировали один сигнал: Германия готова менять правила и поднимать ставки. Именно этот сигнал скрепил Антанту и ускорил военные приготовления ее участников.

Опыт Вильгельмовской эпохи остается поучительным примером того, как растущая держава, добиваясь признания, может подорвать собственное положение. Сила — необходимое, но недостаточное условие высокого международного статуса. Предсказуемость, умение выстраивать договоренности и управлять чужими страхами порой ценятся в дипломатии дороже, чем число линкоров.

Литература:

1. Бюлов, Б. Воспоминания / Б. Бюлов; пер. с нем., под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. — М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — 562 с.
2. Вишняков, Я. В. Боснийский кризис 1908–1909 гг. и славянский вопрос // Новый исторический вестник. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bosniyskiy-krizis-1908-1909-gg-i-slavyanskiy-vopros> (дата обращения: 14.01.2026).
3. Власов, Н. А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. — Санкт-Петербург: Наука, 2018. — 207 с.
4. Марченко, М. М. Марокканский кризис по воспоминаниям немецких государственных деятелей // Новейшая история России. — 2023. — Т. 13, № 1. — С. 73–95. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marokanskiy-krizis-po-vospominaniyam-nemetskih-gosudarstvennyh-deyateley> (дата обращения: 14.01.2026).
5. Никитин, М. Э. Багдадская железная дорога как фактор развития германо-османских отношений в конце XIX — начале XX веков // Вестник МГИМО-Университета. — 2020. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bagdadskaya-zheleznyaya-doroga-kak-faktor-razvitiya-germano-osmanskih-otnosheniy-v-konce-xix-nachale-xx-vekov> (дата обращения: 14.01.2026).

6. Сенокосов, А. Г. Эволюция Антанты как военно-политического союза (1891–1923) // Клио. — 2009. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-antanty-kak-voenno-politicheskogo-soyuz-a-1891-1923> (дата обращения: 14.01.2026).
7. Синегубов, С. Н. Разработка второго закона о флоте 1900 г. в контексте практической реализации «плана Тирпица» в Германии / С. Н. Синегубов, С. П. Позднякова // Вестник Тюменского государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 207–215.
8. Синегубов, С. Н. Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений (1904–1911 гг.) / С. Н. Синегубов // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 4–1. — С. 150–155.
9. Тирпиц, А. фон. Воспоминания / А. фон Тирпиц; пер. с нем. и коммент. В. Я. Голанта; вступ. ст. Н. П. Полетика и В. А. Алафузова. — М.: Воениздат, 1957. — 399 с.
10. Филин, С. А. От континентальной державы к мировой: трансформация внешней политики Германской империи // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2024. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kontinentalnoy-derzhavy-k-mirovoy-transformatsiya-vneshney-politiki-germanskoj-imperii> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. — М.: РОССПЭН, 2017. — 667 с.
12. Штеллер, Ф. О причинах непродления договора перестраховки в 1890 году // Новая и новейшая история. — 2006. — № 6. — С. 83–97.

Узкоколейная железная дорога Шильда — совхоз «Озёрный» в документальных комплексах архивов Южного Урала: к истории освоения целинных земель Оренбургской области в 1950–1990-е годы. Часть 1

Маштак Артур Валентинович, студент

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск)

Тема истории узкоколейного железнодорожного транспорта в границах Южно-Уральской железной дороги практически не получила профессионального освещения в исторических исследованиях и представляет собой обширное поле для изучения. Закономерно, что узкоколейным линиям, именуемым в среде исследователей железных дорог «целинными», также не уделяется большого внимания. Между тем целинные узкоколейные железные дороги являются одним из символов целинной кампании наряду с культурой первоцелинников, новыми инфраструктурными объектами, элеваторами, совхозами, тракторами и комбайнами, поэтому эта тема представляется актуальной для изучения. Целью работы определено изучение узкоколейной железной дороги Шильда — Совхоз Озёрный с уделением особого внимания её техническому оснащению, организации движения и характеристикам подвижного состава, а также сохранение сведений об этом виде транспорта как части историкотехнического наследия. Объект настоящего исследования — история узкоколейных железных дорог, предмет — узкоколейная железная дорога Шильда — Совхоз Озёрный. Рассмотренные нами документы в значительной степени дополнили историю строительства и эксплуатации не только данной узкоколейной магистрали, но и целинных узкоколеек и Южно-Уральской железной дороги в целом. По архивным документам восстановлен эксплуатационный процесс, установлены имена работников железной дороги.

Ключевые слова: Оренбургская железная дорога, Куйбышевская железная дорога, Южно-Уральская железная дорога, целинные земли, узкоколейный железнодорожный транспорт.

Shilda narrow-gauge railroad — «Ozerny» state farm in documentary complexes of archives of the South Urals: to the history of development of virgin lands of the Orenburg region in 1950–1990s

Введение

В январе 1954 г. Никита Сергеевич Хрущев подал в ЦК КПСС записку «Пути решения зерновой проблемы». 2 марта 1954 г. «по докладу тов. Н. С. Хрущева» принято по-

становление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». [1, с. 564]. В условиях бездорожья и недостаточного количества автомобильного транспорта для перевозки продукции отдаленных колхозов и совхозов к основным

транспортным магистралям строились узкоколейные железные дороги.

В настоящее время исследования по истории железных дорог, как правило, затрагивают в основном их экономическое значение, а техническому оснащению и организации движения, информации о подвижном составе уделяется гораздо меньше внимания, хотя эти факторы непосредственно влияют на эффективную работу железнодорожного транспорта. Очень мало работ об узкоколейных магистралях, которые в прошлом были распространены в различных отраслях хозяйства и сыграли значительную роль в экономическом развитии страны. Такая ситуация сложилась и в рассматриваемом регионе — Оренбургской области. Поэтому представленное исследование является актуальным. Проблема истории узкоколейных железных дорог, пролежавших в регионах расположения Южно-Уральской железной дороги, изучалась в основном исследователями из других регионов. С. Д. Болашенко в своем монументальном труде «Последняя узкоколейка целины», посвященном узкоколейной дороге Атбасар — Шантобе, проложенной в казахстанских степях, рассмотрел и другие целинные дороги, в том числе расположенные в Оренбургской области и Северном Казахстане. Им были даны основные сведения из истории линий Булаево — Молодогвардейская и Шильда — Совхоз «Озерный». Ю. Филатов на основе публикаций в отраслевой газете «Омский железнодорожник» подробно изучил линию Булаево — Молодогвардейская [2, с. 28].

Согласно цели исследования в статье решаются следующие задачи: 1. Определение географического положения данного участка железной дороги и его административной принадлежности в различные периоды; 2. Поиск информации по теме исследования в краеведческих и школьных музеях в районах прохождения железной дороги; 3. Выявление архивных источников по теме исследования, их историко-технический анализ; 4. Описание фрагментов киноленты «Иван Бровкин на целине» в связи с вновь открывшимися данными архивных и иных источников; 5. Выявление данных о сохранившемся подвижном составе, который ранее эксплуатировался на узкоколейной магистрали. Методологической основой статьи выступают принципы историзма и объективности. Исследование опирается на общенаучные методы (анализ и синтез архивных, литературных и эго-источников и построение умозаключений на основе индукции, дедукции) и специальнонаучный историкогенетический метод, что обеспечивает комплексное изучение процессов в их исторической динамике. Практическая значимость: использование работы в учебном процессе транспортных учебных заведений (вузов и ссузов, кружков юных железнодорожников), при разработке технологических процессов работы современного железнодорожного транспорта, расширение кругозора лиц, заинтересованных в изучении истории освоения целинных и залежных земель.

В составе Южно-Уральской железной дороги находились три узкоколейных магистрали, построенных для

освоения целинных и залежных земель Северного Казахстана и Оренбуржья. Результаты документального исследования узкоколейных железных дорог Булаево — Молодогвардейское в Северо-Казахстанской области и Кустанай — Урицкое в Кустанайской области Республики Казахстан были опубликованы нами ранее [3, с. 241–244; 4, с. 185–191].

Железная дорога Шильда — Совхоз «Озёрный» — первая из целинных узкоколеек [5, с. 5]; её строительство началось в 1954 г. Дорога пролегла от станции Шильда широкой колеи на линии Карталы — Орск в юго-восточном направлении (изначально конечным пунктом дороги, вероятно, планировалась станция Рудный клад). Первоначально входила в состав Оренбургской железной дороги. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 748 от 13.07.1959 г. и приказом МПС № 42 от 14.07.1959 г. Куйбышевская, Уфимская и Оренбургская железные дороги объединены в Куйбышевскую [6, с. 159]. Таким образом, линия на короткое время вошла в состав Куйбышевской железной дороги, что и обозначено на схеме 1961 года [7, с. 11]. В начале 1960-х годов линия вошла в состав Оренбургского отделения ЮУЖД, однако на схеме 1968 года не отмечена [8, с. 26].

Железная дорога оставила значимый след в истории Адамовского района Оренбургской области, о чём свидетельствует интерес к изучению её истории со стороны краеведческого сообщества. В энциклопедии Адамовского района узкоколейной железной дороге посвящена статья: «Узкоколейка — железная дорога, маршрут Шильда — Адамовка-Буруктал (Светлый)-Пригородный. УЖД (узкоколейная железная дорога) общего пользования, целинная УЖД; колея 750 мм, неэлектрифицированная, максимальная длина 176 км. Решение о строительстве дороги принято в сентябре 1954 г. Строительство началось в 1956 г., закончено к 1958 г. Начальник строительной колонны — О. Б. Рихтер. На станцию Шильда прибыли три строительных отряда: «П. М. С», располагались около вокзала, СМУ — возле элеватора, строительный поезд «Горем» на месте нынешнего Чермета. Строились бараки, дома для рабочих (нынешняя Комсомольская ул. в п. Шильда. Прокладывали четырёхпутную узкоколейную линию: Шильда — Адамовка — Новосовхозный — 10-й разъезд — Озёрный» [9, с. 308–309]. Здесь, однако, следует пояснить, что ПМС (путевая машинная станция) и Горем (головной ремонтный поезд) не являются стройотрядами. Отметим, что линия ни в коем случае не могла строиться как четырёхпутная: она была однопутной на всём протяжении, как и большинство узкоколейных железных дорог как общего, так и необщего пользования. Также дата начала строительства не совпадает с данными, приводимыми С. Д. Болашенко [5, с. 5]. Длина участка железной дороги Шильда — Совхоз «Озёрный» составляла 124 километра, а предполагаемый участок до станции Рудный клад вряд ли мог иметь длину 52 километра (расстояние между Совхозом Озёрным и Рудным Кладом — 30–40 км). Упомянутый в статье тепловоз ТУ2–159 в Шильде не работал

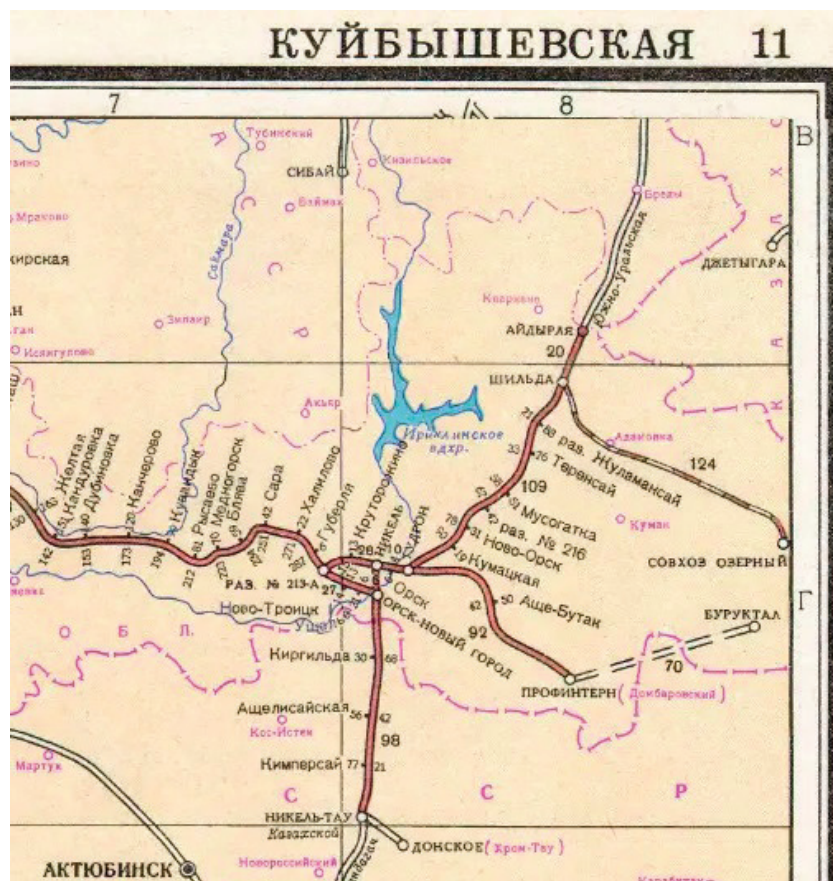

Рис. 1. Фрагмент схемы Куйбышевской железной дороги (восточная часть Оренбургского отделения). Показана линия Шильда — Совхоз Озёрный протяжением 124 км. Атлас схем железных дорог СССР. Составлено Транскартографией Главтранспроекта Минтрансстроя. — Москва, 1961 г. Л. 11

Рис. 2. Железобетонный мост на линии узкой колеи Шильда — Совхоз «Озёрный», третья четверть XX века. Из фондов МБУК «Народный музей» отдела культуры администрации муниципального образования Адамовский район

[21], а на станциях, вопреки сообщаемой в энциклопедической статье информации, не было выходных семафоров.

Периодически узкоколейная железная дорога становится темой исследований школьных краеведческих работ, также ей уделяется внимание на страницах районной газеты «Целина». Так, в МБУК «Народный музей» отдела культуры администрации муниципального образования Адамовский район хранятся сканированные копии вырезок из газет, фотографии узкоколейной железной дороги (к примеру, искусственные сооружения — металлический мост с ездой поверху на железобетонных

опорах, карта района с указанием направления пролегания дороги, старопахенных и вновь освоенных земель, а также исследовательская работа ученицы Аниховской школы «История станции Аниховка», выполненная под руководством активного пропагандиста и исследователя истории Адамовского района, учителя истории высшей категории Аниховской средней школы Мокроносовой Нины Николаевны. Определенную известность дорога получила благодаря фильму «Иван Бровкин на целине», снятый на киностудии им. Горького режиссёром И. Лукинским в 1958 г. [10].

Рис. 3. Карта Адамовского района с указанием вновь освоенных и старопахенных земель, 1961 год. Линия узкой колеи кончается в совхозе Озёрном. Из фондов МБУК «Народный музей» отдела культуры администрации муниципального образования Адамовский район

Обсуждение и результаты

В Объединённом государственном архиве Оренбургской области и Объединённом государственном архиве Челябинской области хранится значительное количество документов, связанных с деятельностью предмета нашего исследования. Примечательно, что именно к периоду вхождения Оренбургского отделения в состав Куйбышевской железной дороги относится несколько уникальных документов, хранящихся в ОГАЧО.

В фонде Р-1607 Объединённого государственного архива Челябинской области на постоянном хранении находятся техническо-распорядительные акты станций участка Шильда — Совхоз Озёрный. В описи № 2 фонда

Р-1607 перечислены техническо-распорядительные акты станций и разъездов узкоколейной линии: Адамовка, Аниховка, Новосовхозная, Совхоз-Озёрный, Шильда-Новая, Разъезд № 2, Разъезд № 4, Разъезд № 7, Разъезд № 10, а также станции Шильда широкой колеи. По этим документам нами составлено представление о техническом оснащении участка. Так, на всём протяжении он был оборудован электрожелезовой системой — разрешением на занятие поездом перегона служил жезл, вручаемый машинисту поезда дежурным по станции. Все стрелки на станциях — ручные, стрелочные указатели — освещаемые. В качестве входных сигналов использовались семафоры, выходные сигналов не имелось. При обрыве семафорной тяги разрешением на проезд запре-

щающего входного сигнала служил билет-проводник. Длина путей на станциях небольшая: как правило, не превышала 300 метров (на станциях широкой колеи пути имеют длину 800 и более метров). Вероятно, вследствие небольшого объёма перевозок или плохой укомплектованности штата на станциях могли отсутствовать стрелочники — перевод стрелок, закрепление вагонов, открытие и закрытие семафоров производилось дежурным по станции. Весьма архаичное техническое оснащение может свидетельствовать о необходимости форсированного строительства либо о планировавшемся временном характере линий.

Техническо-распорядительные акты сообщают информацию о силах и средствах для ликвидации аварийных ситуаций: на станции Шильда-Новая находились восстановительный поезд, аварийная бригада и пожарный поезд,

вызов которых осуществлялся через поездного диспетчера; также на станции находился медицинский пункт, вызов работников которого предписывалось осуществлять по телефону. Ветеринарный пункт находился на станции Орск, сношение с ним осуществлялось посредством телефонограммы [11, л. 406].

Важное значение для организации и обеспечения безопасности движения имели указания о порядке приёма и отправления поездов в различных ситуациях (например, при подходе с разных направлений). Также в техническо-распорядительных актах рассмотрены вопросы производства маневровой работы, проверки свободности пути перед приёмом поезда, порядок закрепления вагонов на путях станции и прочие моменты с учётом применения отраслевых инструкций к условиям конкретного раздельного пункта [11, л. 5, 9].

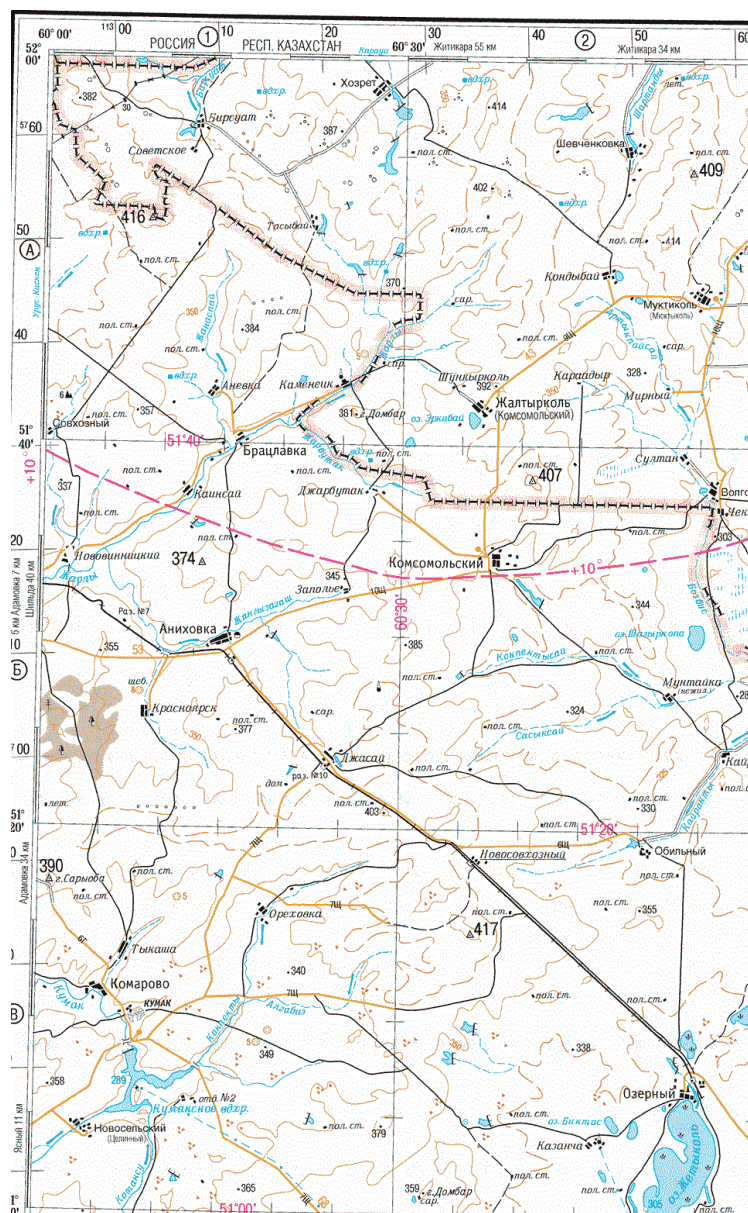

Рис. 4. Район пролегания узкоколейной железной дороги на топографической карте М-41–1. Показаны Разъезд № 7 (только лишь в виде населённого пункта — пристанционного посёлка, как раздельный пункт не показан), станция Аниховка, Разъезд № 10, станция Новосовхозная, станция Совхоз Озёрный

Документы представляют собой типовые брошюры, заполненные при помощи печатной машинки. Исправления (как правило, заверенные) заносились от руки чернилами. Например, в ряде документов название соседних станций перечёркнуто. Как нам кажется, это может свидетельствовать о временном закрытии указанных раздельных пунктов с полным или частичным прекращением операций и последующим возобновлением деятельности. Вызывает недоумение местонахождение разъездов № 7 и № 10 относительно друг друга по данным ТРА станции Аниховка: возможно, здесь имело место закрытие переименование (перенумерация) и закрытие раздельного пункта между станциями Адамовка и Аниховка. Вероятно, этим закрытым раздельным пунктом был разъезд № 7, отмечаемый на топографических картах 2003 года издания между станциями Адамовка и Аниховка [12]. К сожалению, ТРА разъезда № 7 находится в плохом физическом состоянии, поэтому ознакомление с ним не представляется возможным.

Существование продолжения железной дороги до станции Рудный клад архивными документами не подтверждается [14, л. 1]. Важнейшей станцией дороги была станция Шильда-Новая, где располагалось локомотивное депо и аварийно-восстановительные формирования. ТРА станции Шильды-Новая нами не рассматривался, техническое оснащение станции может быть реконструировано косвенно. Перегоном Шильда-Новая — Шильда узкоколейная дорога примыкала к станции Шильда широкой колеи. Из ТРА станции Шильда приведены выдержки, касающиеся узкой колеи. Важнейшее место в деятельности целинных узкоколеек, как продолжение процесса перевозки, занимало взаимодействие узкой и широкой колеи. Перегрузка груза с узкой на широкую колею и обратно осуществлялась в перевалочном парке станции Шильда-Новая, имевшем пути широкой колеи. Станция Шильда широкой колеи, в свою очередь, имела пути для приёма и отправления пассажирских поездов узкой колеи. Движение по узкой колее осуществлялось поездным порядком (по электрожелезнодорожной системе), по широкой колее — маневровым порядком [15, л. 8–9].

Благодаря данным рассмотренных документов, кроме вышеуказанного, удалось установить и фамилии работников дороги — начальников станций, ревизоров, начальников дистанций, выявить составленные ими документы, а также выявить ранее неизвестные данные о разъездах. Так, техническо-распорядительный акт станции Аниховка составлен её первым начальником — Дмитрием Чулковым, умершим в 1966 году [9, с. 27]. Следовательно, Д. Ф. Чулков был начальником станции в период съёмок фильма «Иван Бровкин на целине». Ниже приводятся выдержки из архивных документов.

Техническо-распорядительный акт станции Шильда Куйбышевской ж. д. 3 класса составлен начальником станции Искалиным 26 августа 1962 года. Прилегающие к станции перегоны и основные средства сношений при движении поездов: в чётном направлении Шильда — Шильда-Новая однопутный /узкая колея/, электрожелез-

ловая система. Сведения о путях: 1. Приёмо-отправочный для пассажирских и людских поездов; 2. Обгонный для локомотивов (длиной по 196 метров и вместимостью 18 условных двухосных вагонов). Стрелочное хозяйство: 4 ручной пост — 2 стрелки: № 32 — запирается замком Мелентьева, № 34 — запирается висячим замком; стрелки не освещаются, ключи от запертых стрелок хранятся у ДСП. Проверка свободности пути приёма узкой колеи производится сквозным проходом стрелочника вдоль пути приёма. При приёме или отправлении со стороны станции Шильда-Новая поезд встречается постовым стрелочником поста № 4 у стрелки № 32. Разрешения, выдаваемые на проезд запрещающего сигнала: со стороны станции Шильда-Новая билет-проводник № 255-У, в качестве проводника используется стрелочник поста № 4.

Порядок открытия сигналов: входной семафор «Чу» открывается стрелочник поста № 4 ДСП. Особые указания: 8. Обмен передачами между ст. Шильда и ст. Шильда-Новая в перевалочный парк широкой колеи производится маневровым порядком. Передача отправляется на станцию Шильда-Новая по распоряжению ДСП, по сигналам стрелочника поста 4 ст. Шильда и составителя поездов, а обратно по сигналам составителя до стр. № 8 [15, л. 1, 2об, 4об, 8об, 9].

Техническо-распорядительный акт Разъезда № 2 / узкой колеи/ Куйбышевской ж. д. 5 класса составлен начальником станции Косьминой и проверен ревизором движения Аксановым 2 апреля 1960 года, утверждён начальником отдела движения Оренбургского отделения дороги Артемьевым 2 августа 1960 года. Прилегающие к станции перегоны и основные средства сношений при движении поездов: а) в нечётном направлении Разъезд № 2 — Шильда-Новая однопутный, электрожелезнодорожная система; в чётном направлении Разъезд № 2 — Разъезд № 4 (Так в тексте документа — *Прим. авт.*) Адамовка однопутный, электрожелезнодорожная система. Сведения о путях: 1 главный для приёма и отправления чётных и нечётных пассажирских, людских и грузовых поездов (полезная длина в метрах — 376, вместимость в условных двухосных вагонах — 36, особые указания — для приёма, отправления поездов с разрядными и негабаритными грузами), 2 — приёмо-отправочный для чётных и нечётных грузовых поездов (такой же длины и вместимости), 3 — для стоянки больных вагонов, погрузки и выгрузки грузов (полезная длина в метрах — 44, вместимость в условных двухосных вагонах — 4). Ведомость районов, постов и стрелок механической централизации и нецентрализованных: в ручной пост № 1 входила стрелка № 1 (нормальное положение — на 2 путь), в ручной пост № 2 входила стрелка № 2 (нормальное положение — к стрелке № 4) и № 4 (нормальное положение — на 1 путь); система запираения стрелок — висячие замки, стрелки освещаются керосином, ключи от запертых стрелок хранятся у ДСП.

При приёме и отправлении поездов производство маневровой работы в чётной и нечётной горловине запрещается. Порядок прекращения манёвров перед приёмом

Утверждаю:
Начальник отдела движения *Орловский*
отделения дороги *А. А. Орловский*
1. 10. 63

ТЕХНИЧЕСКО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЙ АКТ

промежуточной станции Разъезд № 2 /узкой колеи /
Куйбышевской ж.д. класса Б

1. Прилагающие к станции перегоны и основные средства сношений при движении поездов:

а) в нечетном направлении Разъезд № 2 - Шильда-Новая однопутный,
электрожезловая система.

б) в четном направлении Разъезд № 2 - Адамовка однопутный,
электрожезловая система.

2. Присыкания на перегонах

Перегон, километр, пакет	К какому пути присыкается	Кому принадлежит присыкаемый путь	Система запирания стрелки присыкания и где хранится ключ	Станция присылки
1	2	3	4	5
		Нет.		

ДУ-41а

Рис. 5. Техническо-распорядительный акт Разъезда № 2 /узкой колеи/ Куйбышевской ж. д. 5 класса.
ОГАЧО, Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1897, Л. 1

и отправлением поездов: 1. Маневровая работа со стороны станции Шильда-Новая перед приёмом всех поездов прекращается за 15 минут до прибытия поезда. 2. Перед отправлением поезда — с момента начала приготовления маршрута. 3. Маневровая работа на разъезде прекращается по распоряжению ДСП, передаваемому лично руководителю манёвров (главному кондуктору или составителю). Свободность пути приёма проверяется дежурным по станции лично вдоль пути приёма по обочине или середине междупутья от выходного поста до противоположного поста. Порядок встречи поездов стрелочниками и сигнальщиками: приём со стороны разъезда № 4 — поезд встречается ДСП у лебёдки чётного семафора, со стороны станции Шильда — ДСП у пассажирского здания: при отправлении — ДСП у пути отправления. Порядок вручения на поезда разрешений на занятие перегонов на станциях, где нет выходных сигналов: с путей 1–2 на Шильду-Новую и Совхоз-Озерный выдаётся жезл, вручаемый машинисту локомотива ДСП; сигнал об отправ-

ления поезда подаётся ДСП. Условия приёма поездов при одновременном их подходе с разных направлений: одновременный приём поездов с противоположных направлений не разрешается. При одновременном подходе 2-х поездов первым на разъезд принимается четный поезд, а нечетный задерживается у входного семафора. Разрешения, выдаваемые на проезд запрещающего сигнала: со стороны станции Шильда-Новая билет-проводник № 215, со стороны станции Совхоз-Озёрный билет-проводник № 206, в качестве проводника используется стрелочник или дежурный по станции [11, л. 1–12об].

ТРА промежуточной станции Адамовка узкой колеи 4 класса Куйбышевской железной дороги составлен начальником станции Полуяновым и проверен ревизором движения Лагутиным 3 января 1963 года. Прилегающие к станции перегоны и основные средства сношений при движении поездов: а) в нечётном направлении Адамовка — Шильда-Новая узкой колеи однопутный, электрожезловая система; б) в чётном направлении Адамовка — Разъезд

№ 10 Аниховка однопутный, электрожелезная система. Примыкания подъездных путей к станционным путям: ветвь хлебоприёмного пункта примыкает к третьему пути стрелкой № 3. Сведения о путях: 1 — для приёма, отправления чётных и нечётных пассажирских, людских и грузовых поездов, 3 — приёмо-отправочные, II — главный для приёма, отправления пассажирских, людских и грузовых чётных и нечётных поездов, 3 — для приёма и отправления чётных и нечётных грузовых поездов, 4 — предохранительный тупик, 5 — погрузочно-выгрузочный. Стрелочное хозяйство: 1 пост — 8 стрелок (№ № 1–13), 2 пост — 2 стрелки (№ № 2–4); все стрелки нецентрализованные, запираются висячими замками, ключи от которых хранятся у ДСП, и освещаются керосином.

Пассажирские и грузовые обустройства: низкая открытая пассажирская платформа длиной полезного фронта 100 м, прилегающая к пути № 1. Порядок открытия сигналов: входной семафор Ну со стороны разъезда № 10 Аниховка, входной семафор Чу со стороны Шильды Новая открываются ДСП. Разрешения, выдаваемые на проезд запрещающего сигнала: со стороны разъезда № 10 Аниховка билет-проводник № 219 разрешается вручать на ходу поезда, со стороны станции Шильды Новая билет-проводник № 210 не разрешается вручать на ходу поезда, в качестве проводника используется или дежурный по станции; порядок сдачи разрешения «Билет-проводник» машинистом прибывающего поезда — машинист поезда сбрасывает на ходу на жезлоподавателе против конторы ДСП. Перечень стрелок, перевод которых допускается при манёврах допускается работниками составительских и поездных бригад, дежурными по путям (паркам), дежурным по станции, начальником станции: все стрелки переводятся дежурным по станции [16, л. 1–11об].

ТРА промежуточной станции Аниховка /узкой колеи/ 4 класса Куйбышевской железной дороги составлен 27 апреля 1960 года начальником станции Чулковым и проверен ревизором движения Аксановым. Прилегающие к станции перегоны и основные средства сношений при движении поездов: а) в нечётном направлении Аниховка — Разъезд № 10 Адамовка однопутный, электрожелезнодорожный способ; в чётном направлении Аниховка — Разъезд № 7 № 10 однопутный, электрожелезнодорожный способ. Сведения о путях: 1, 3 — приёмо-отправочные (длиной 278 и 324 метра соответственно), II — главный (длина — 278 метров), 4, 5 — погрузочно-выгрузочные, 6 — предохранительный тупик, 7 — для стоянки вагонов. Стрелочное хозяйство: 1 пост — 5 стрелок (№ № 1–9), 2 пост — 3 стрелки (№ № 2–6); все стрелки нецентрализованные, запираются висячими замками, освещаются керосином. Свободность пути приёма поезда проверяется лично дежурным по станции проходом вдоль пути приёма по обочине или середине междупутья от входного до выходного поста. При приёме со стороны разъезда № 10 поезд встречается ДСП у лебёдки нечётного семафора, со стороны станции Адамовка — ДСП у лебёдки чётного семафора; при отправлении поезда провожаются ДСП у пути отправления.

Разрешения, выдаваемые на проезд запрещающего сигнала: со стороны станции Шильда-Новая билет-проводник № 223, со стороны станции Совхоз-Озёрный билет-проводник № 214, в качестве проводника используется дежурный по станции. Дежурный по станции лично готовит маршруты приёма и отправления поездов и убеждается по прилеганию остряков и стрелочным указателям и запором стрелок на висячие замки; кроме того, при скрещении и обгоне поездов дежурный по станции на проверку маршрута посылает главного кондуктора прибывшего поезда. Порядок открытия сигналов: входные семафоры «Н» и «Ч» открываются ДСП [17, л. 1–11об].

Техническо-распорядительный акт разъезда 10 км 4 класса узкой колеи Куйбышевской дороги составлен 1 июня 1960 года начальником станции Алтышевой и проверен ревизором Аксановым. Прилегающие к станции перегоны и основные средства связи по движению поездов: разъезд 10 — Аниховка узкой колеи однопутный, электрожелезная система; разъезд № 10 — Ново-Совхозная узкой колеи однопутный, электрожелезная система. Ветвь хлебоприёмного пункта примыкает к II пути стрелкой № 5. Сведения о путях: 6 путей. Ведомость районов, постов, стрелок нецентрализованных: 1 пост — 8 стрелок (№ № 1–15), 2 пост — 2 стрелки (№ № 2–4); все стрелки запираются висячими замками и освещаются керосином. Проверка свободности пути приёма поезда производится: а) при наличии в смене стрелочника проходом по пути приёма стрелочником с поста 1 до поста 2 с личным докладом ДСП; б) при отсутствии в смене стрелочника личным проходом ДСП по пути приёма от поста приёма до противоположного поста. Разрешения, выдаваемые на проезд запрещающего сигнала: со стороны станции Ново-Совхозная билет-проводник № 225, со стороны станции Аниховка билет-проводник № 216, в качестве проводника используется стрелочник или дежурный по станции. При отсутствии в смене стрелочника все стрелки переводятся дежурным по станции. К ТРА приложена подробная схема станции с указанием профилей прилегающих перегонов, экспликацией путей и стрелочных переводов. Составлена Бурдыгиным, проверена Евдокимовой, завизирована начальником 34-й дистанции пути Куйбышевской ж. д. Белым [18, л. 1–13].

Техническо-распорядительный акт станции Ново-Совхозная /узкой колеи/ Куйбышевской ж. д. 5 класса составлен начальником станции Хлебниковым и проверен ревизором движения Аксановым 1 июня 1960 года, утверждён начальником отдела движения Оренбургского отделения дороги Березиным 12 июня 1960 года. Прилегающие к станции перегоны и основные средства сношений при движении поездов: а) в нечётном направлении Ново-Совхозная — Разъезд № 10 узкой колеи однопутный, электрожелезная система; в чётном направлении Ново-Совхозная — Совхоз-Озёрный узкой колеи однопутный, электрожелезная система. Примыкания подъездных путей к станционным путям: ветвь хлебоприёмного пункта примыкает к третьему пути. Сведения о путях: 1 — для приёма и отправления чётных грузовых поездов, II — главный для приёма отправления пассажирских, людских и гру-

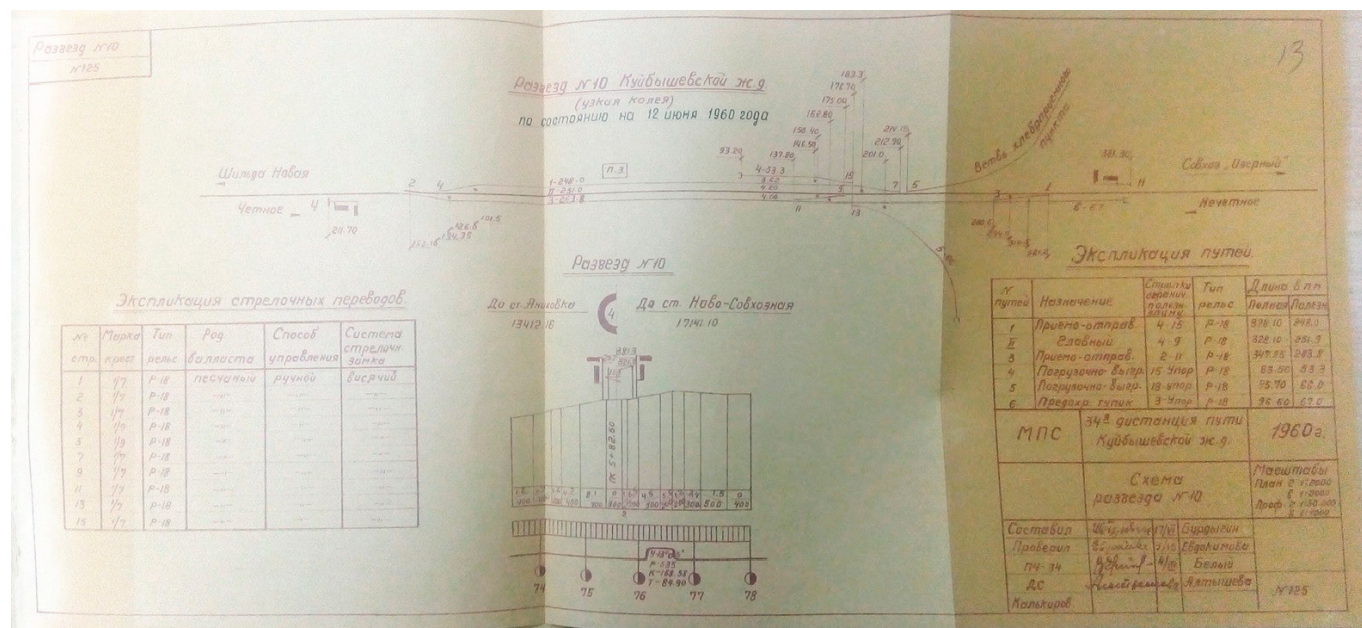

Рис. 6. Схема станции с указанием профилей прилегающих перегонов, экспликацией путей и стрелочных переводов. Составлена Бурдыгиным, проверена Евдокимовой, завизирована начальником 34-й дистанции пути Куйбышевской ж. д. Белым. ОГАЧО, Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1844, Л. 13

зовых чётных и нечётных поездов (для приёма и отправления поездов с негабаритным и разрядным грузами, 3 — для приёма и отправления нечётных грузовых поездов, 4, 5, 6 — погрузочно-выгрузочные (4 путь — для стоянки вагонов с негабаритными и разрядными грузами). Стрелочное хозяйство: 1 пост — 8 стрелок (№ № 1–15), 2 пост — 3 стрелки (№ 2–6); все стрелки нецентрализованные, запираются висячими замками, освещаются керосином.

Свободность пути перед приёмом поезда проверяется дежурным по станции лично проходом вдоль пути приёма по обочине или середине междупутья от выходного поста до противоположного поста. Разрешения, выдаваемые на проезд запрещающего сигнала: со стороны станции Совхоз-Озёрный билет-проводник № 227, со стороны станции Шильда-Новая билет-проводник № 218, в качестве проводника используется дежурный по станции. [19, л. 1–12об].

Техническо-распорядительный акт станции 5 класса Совхоз «Озёрный» Южно-Уральской железной дороги составлен 19 сентября 1965 года начальником станции Чихиревым и проверен ревизором движения Сташукон. Прилегающие к станции перегоны и основные средства связи по движению поездов: с/в «Озёрный» — ст. Ново-совхозная однопутный, электрожелезнодорожная система. Присоединения подъездных путей к станционным путям: подъездной путь хлебоприёмного пункта примыкает к 7 пути стрелкой № 21, подъездной путь нефтебазы — к 7 пути стрелкой № 19. Сведения о путях: на станции имеется 12 путей (1, 3 — приемо-отправочные, II — главный, 4, 5 — для расформирования-формирования и отправления грузовых поездов, 6, 8, 9 — погрузочно-выгрузочные, 7, 12 — вытяжные, 11 — соединительные, 10 — предохранительный тупик). Стрелочное хозяйство: на станции 20 освещаемых керосином стрелочных переводов (1 пост —

№ № 1–25, все стрелки, кроме № 21, не запираются; 2 пост — № № 2–14, все стрелки запираются висячими замками). Пассажирские и грузовые обустройства: прилегающая к 1 пути низкая пассажирская платформа протяжением 80 метров. Освещение станционных путей — вдоль первого пути, против станционного здания 8 точек освещения. Свободность пути перед приёмом поезда проверяется лично дежурный по станции проходом вдоль пути приёма по обочине или середине междупутья от 1-го поста до 2-го поста. При приёме и от отправлении поездов дежурный по станции встречает поезда у помещения поста № 2 и стрелки № 8. ДСП лично готовит маршрут приёма и отправления поездов и убеждается в правильности приготовления маршрута. Стрелки запираются на висячие замки, ключи от которых хранятся у ДСП.

Входной семафор «Ч» открывается ДСП. Разрешения, выдаваемые на проезд запрещающего сигнала: со стороны станции Ново-Совхозная — билет-проводник № 220. Наличие маневровых локомотивов: один локомотив серии ТУ-2 выполняет работу по подаче вагонов под погрузку-выгрузку, уборке, формированию-расформированию поездов. Стрелки нечётной горловины и стрелки ХПП переводятся составительской или кондукторской бригадой. Закрепление вагонов без локомотивов — ими же, а при отсутствии кондукторской бригады — лично ДСП укладкой по одному тормозному башмаку под крайние колёсные пары с обеих сторон. Для указания машинисту пути, на который необходимо двигаться при манёврах, применялся широкий перечень звуковых сигналов, представленный в приложении [14, л. 1–12об].

Рассмотренные в ходе работы с документами ОГАЧО данные позволяют по-новому взглянуть на показанную в фильме «Иван Бровкин на целине» узкоколейную же-

лезную дорогу и реконструировать технологию работы железнодорожной станции, описанную в документах техническим языком (рис. 7). В киноленте узкоколейка показана чуть больше минуты — с 22:50 до 23:58. Это сцена встречи отставного сержанта Мухтара Абаева (в исполнении Таната Жайлибекова) и врача Ирина Николаевны (Софья Зайкова).

Отрывок начинается с прибытия грузопассажирского поезда на станцию. Поезд ведёт тепловоз ТУ2–081, окрашенный в заводской окрас тёмно-зелёного цвета. В составе поезда — четырёхосный крытый вагон (почтовый), следом четыре цельнометаллических пассажирских вагона Rafawag серии 3aW производства Польской народной республики и хвостом — тоже крытые вагоны. Помощник машиниста прибывающего поезда сдаёт жезл перегона дежурному по станции (его роль исполнил действующий дежурный по станции Аниховка Сергей Михайлович Корсуков). Дежурный по станции одет в железнодорожную униформу образца 1955 года с головным убором красного цвета. Виден открытый входной семафор, при разрешающем положении которого прибывал поезд, и последующее его закрытие дежурным стрелочного поста после прибытия поезда на станцию. [20, с. 34].

После остановки поезда проводники осуществляют посадку-высадку пассажиров — отметим наличие у них свёрнутых жёлтых флажков, которыми они сигнализируют о благополучном следовании поезда не только при отправлении, но и при прибытии — выполняя требование §68 действовавшей в то время Инструкции по сигнализации [20, с. 83].

Путевое развитие станции состоит из четырёх путей — поезд прибывает на главный путь, по бокам от него — два приёмо-отправочных пути, слева в кадре виден тупиковый путь; стрелка на этот путь имеет флюгарку (переводной механизм) с освещаемым стрелочным указателем [20, с. 86]. В междупутье между главным и одним из приёмо-отправочных путей находится гидравлическая колонка для водоснабжения паровозов. Пути уложены на деревянные шпалы, балластный слой незначителен и находится практически вровень с землёй. В горловине станции — жилые здания пристанционного посёлка. Поезд отправляется после свистка главного кондуктора. Таким образом, в соответствии с отраслевыми инструкциями, в фильме представлена работа станции узкой колеи по приёму и отправлению поездов в начальный период работы дороги.

Рис. 7. Кадры из фильма «Иван Бровкин на целине», коллаж. По часовой стрелке: 1. Дежурный по станции Аниховка С. М. Корсуков встречает поезд. Видна инфраструктура дороги: песчаный балластный слой, путь на деревянном основании, гидроколонка для снабжения паровозов водой, на заднем плане слева — ручной стрелочный перевод с освещаемым стрелочным указателем, справа — жилые дома пристанционного посёлка. 2. Помощник машиниста готовится сдать жезл перегона, а дежурный по станции — принять его для возвращения в аппарат. Тепловоз ТУ2–081 крупным планом. 3. Дежурный по станции возвращается на рабочее место. Состав поезда — четырёхосный крытый вагон и четырёхосные цельнометаллические вагоны Rafawag 3aW. 4. Поездная бригада готовится к высадке пассажиров. На заднем плане: дежурный стрелочного поста возвращается с места встречи поезда для закрытия входного семафора

Литература:

1. История России и ее ближайших соседей. Ч. 3: XX век // Энциклопедия для детей. М.: Аванта+, 1999. Т. 5.
2. Филатов Ю. Булаевская узкоколейка (по материалам газеты «Омский железнодорожник») // Локотранс. 2009. № 11 (157).
3. Маштак, А. В. К истории «целинных» узкоколейных железных дорог Южно-Уральской магистрали / А. В. Маштак // Архив в социуме — социум в архиве: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 19 сентября 2022 года. — Челябинск: Б. и., 2022. — EDN ZZLUYC.
4. Маштак, А. В. Узкоколейный период в истории железнодорожной линии Кустанай — Урицкое / А. В. Маштак // Проблемы географии Урала и сопредельных территорий: Материалы III Международной научно-практической конференции, Челябинск, 24–25 мая 2024 года. — Челябинск: ООО «Край Ра», 2024. — EDN BXDJJE.
5. Болашенко С. Д. Последняя узкоколейка целины. Железнодорожный, 2008.
6. Афонина Г. М. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 гг. / Г. М. Афонина. — М.: 2001–232 с.
7. Атлас схем железных дорог СССР. Составлено Транскартографией Главтранспроекта Минтрансстроя, отпечатано фабрикой № 5 ГУГК МГиОН СССР. / Ред. Анатолий Л. Н., тех ред. Скаличев А. Т. — Москва, 1961 г.
8. Атлас схем железных дорог СССР. Составлено Транскартографией Главтранспроекта Минтрансстроя, отпечатано фабрикой № 4 ГУГК при Совете Министров СССР. / Гл. ред. Анатолий Л. Н., тех. ред. Давыдов В. И. — Москва, 1968 г.
9. Энциклопедия Адамовского района. Том I. Родословная края / В. А. Головина, П. Л. Дреев, Н. Н. Лабазанова, Н. Н. Мокроносова. Технический редактор Т. А. Кожина. — «РИД «Новоорская газета», 2018. — 456 стр. с илл.
10. В. Чеботько. Великая сила искусства / Призыв. № 3, 16.01.2009.
11. Техническо-распорядительный акт станции Разъезд № 2. Объединённый государственный архив Челябинской области. Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1850.
12. Карты ГосГисЦентра РФ. М-41–1. Режим доступа: <https://satmaps.info/map.php?s=500k&map=m-41-1>
13. Техническо-распорядительный акт станции Разъезд № 7. Объединённый государственный архив Челябинской области, Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1863.
14. Техническо-распорядительный акт станции Совхоз Озёрный. Объединённый государственный архив Челябинской области, Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1960.
15. Техническо-распорядительный акт станции Шильда. Объединённый государственный архив Челябинской области, Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1897.
16. Техническо-распорядительный акт станции Адамовка. Объединённый государственный архив Челябинской области, Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1908.
17. Техническо-распорядительный акт станции Аниховка. Объединённый государственный архив Челябинской области, Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1849.
18. Техническо-распорядительный акт станции Разъезд 10 км. Объединённый государственный архив Челябинской области, Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1844.
19. Техническо-распорядительный акт станции Новосовхозная. Объединённый государственный архив Челябинской области ОГАЧО, Ф. Р-1607, ОП. 2, Д. 1845.
20. Инструкция по сигнализации на железных дорогах Союза ССР [Текст]: Утв. 19/III 1952 г. / М-во путей сообщения СССР. — Москва: Трансжелдориздат, 1952. — 166 с.: ил.; 17 см.
21. Результаты поиска по базе данных узкоколейных локомотивов Д. Зиновьева за 1999–2010. Режим доступа: <http://narrow.parovoz.com/locomotives-db.php?MAKE=22>

Узкоколейная железная дорога Шильда — совхоз «Озёрный» в документальных комплексах архивов Южного Урала: к истории освоения целинных земель Оренбургской области в 1950–1990-е годы. Часть 2

Маштак Артур Валентинович, студент
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск)

Если документы службы движения, представленные в первой части статьи, сообщают нам о техническом оснащении линии, то документы партийной организации, в первую очередь, содержат данные о различных моментах эксплуатационной работы. Это имена работников депо — бригадиров, машинистов тепловозов, слесарей; эксплуата-

ционные показатели; информация о подвижном составе. В завершающей части статьи представлены воспоминания местных жителей, предпринята попытка выявить сохранившиеся экземпляры тягового подвижного состава, эксплуатировавшегося на дороге.

Ключевые слова: Оренбургская железная дорога, Куйбышевская железная дорога, Южно-Уральская железная дорога, целинные земли, узкоколейный железнодорожный транспорт.

Совершенно иной характер имеют документы, хранящиеся в Объединённом государственном архиве Оренбургской области. Это документы из фонда № 7427 — «Первичная организация КПСС локомотивного депо станции «Шильда-Новая», ст.Шильда-Новая, Шильдинский сельский совет, Адамовский район, Оренбургская область 1965–1980 гг.». Дела в фонде представляют собой протоколы партийных собраний и планы работы парторганизации, относящиеся, в основном, к деятельности партийной организации станции Шильда широкой колеи (узкая колея упоминается в них эпизодически); другая часть дел, относящаяся к работе парторганизации локомотивного депо Шильда (Шильда-Новая), непосредственно имеет отношение к узкоколейной железной дороге. Причём ранние документы фонда (начало 1960-х годов) имеют отношение к парторганизации депо, более поздние (конец 1970-х годов) — к парторганизации станции.

Так, «Отчётный доклад о работе бюро партийной организации локомотивного депо Шильда-Новая ...» за период с 20/VIII-1965 г. по 27/XI-1966 г. сообщает об успехах в ремонте подвижного состава и поставленных на вид нерадивых работников: «... Должен сказать, что лучше готовился локомотивный парк чем в прошлом году, где мастер коммунист Стекачёв Н. С. В этом цехе слесаря Рыжков М. Ф., Тананыкин В. А. и другие показывают энтузиазм в работе. Необходимо учесть, что успех в перевозке грузов, в обеспечении безопасности движения во многом зависит от мобилизованности в работе эксплуатационного цеха «...»

В период массовой перевозки показывали энтузиазм коммунисты машинист Жигалов Н. Ф., машинист Мухамедзянов Г. С., помощник машиниста кандидат в члены КПСС Филонов Г. Ф., беспартийные Кузьмин А. С., Сторожук В. Г., Варакин М. А., Гордеев М. В. и ряд других товарищей. Лучше, чем в прошлом году, был подготовлен вагонный парк к перевозке нового урожая. Проведена большая работа по ремонту разгрузочных механизмов, в результате чего улучшились условия эксплуатации вагонов, ликвидированы случаи потери зерна. По ремонту вагонов нужно особо отличить работников восстановительного поезда.

Наряду с этим в хозяйственной и продовольственной жизни депо имеют места ряд существенных недостатков. Имеются места случаев захода тепловозов на межплановый ремонт из-за некачественного выпуска тепловозов из ремонта. Хуже того, тепловоз 050 выдан на маневровую работу с 10-ю пунктами неисправностей, где мастером был Бабин В. М., который относился к ремонту лишь бы

день до вечера, да средний заработок шёл, а также и ряд других тепловозов. Так же по вагонному парку имелись случаи отцепки вагонов по горению букс. Вина этому, что вагонный парк обслуживался неквалифицированными работниками, а хуже того и не имели никакого права работать на работе, связанной с движением поездов. К примеру, слесарь ПТО Кузнецов Ф. П. — инвалид, которого вообще нельзя было допускать к работе, связанной с движением поездов. Имелись случаи нарушения безопасности движения поездов, в частности нарушение машинистом-коммунистом Галкиным П. И., помощником машиниста Невежиным В. В., машинистом Макаренко А. С., коммунистом Паськовым А. А.». [3].

Обратим внимание, что в этом отрывке прослеживается сезонность массовых перевозок: уборка урожая — пиковое время, к которому готовился подвижной состав. Приходится констатировать, что состояние безопасности движения было не на высочайшем уровне: имелись нарушения, которые не были скрыты и которые были вынесены на обсуждение (местами в весьма ироничной и даже грубой форме). Здесь также упоминается тепловоз ТУ2-050, закончивший свой трудовой путь в депо Антоновка Львовской железной дороги в 1997 году [2].

Среди работников депо поощрялось повышение технической грамотности в различной форме: «За отчётный период многие коммунисты и кандидаты повысили свои технические знания, а также профессиональное звание. К примеру, коммунисты-супруги Гердвоины, мастер ремонтного цеха Стекачёв И. С., инженер техотдела Бирюков Н. Т., Юхта И. Я., также т. т. Суспицына Л. Г., Филонов Г., ряд коммунистов окончили вузы и техникумы» [3].

В малочисленной первичной организации порой возникали конфликтные ситуации. Одна из них была связана с деятельностью местного комитета — низового органа профсоюзной организации. Так, 18 июля 1967 года, согласно выписке из протокола № 11 общего партийного собрания коммунистов парторганизации локомотивного депо Шильда-Новая, происходил разбор заявления члена местного комитета: «Жигалов Н. Ф. — машинист тепловоза в своём заявлении заявил, что это письмо тов. Якунин написал лишь только потому, что его сняли из помощника машиниста в слесаря. Я как член МК заявляю, что местный комитет вопросами производства занимается очень мало, а только занимается разбором заявлений на путёвки и на помощь из фонда директора. А что касается вопросов производства, то тов. Якунин совместно с Галкиным П. И. стараются посидеть дома. Пример этому такой: 29/VI-67 г. машинист-инструктор назначал цеховое

собрание, на котором должны были разобрать нарушение ПТЭ локомотивной бригадой в составе машиниста Филонова Г., помощника машиниста Бугаева В. И. и помощника машиниста Якунина И. Тов. Галкин и тов. Якунин И. С. на собрание не явились, мотивируя тем, что собрание не согласовано с местным комитетом, хотя хорошо знают, что для проведения цеховых собраний согласование местным комитетом не нужно.

Это всё говорит за то, что тов. Якунин И. С. перестал считаться с коллективом и наказывать его как общественного нельзя. Пора нам коммунистам указать правильный путь тов. Якунину И. С. и прекратить все склоки, позорящие коллектив» [4, л. 6–9].

Особый интерес вызывают данные по выполнению эксплуатационных показателей за период работы с 27/X-1966 г. по 28/X-1967 г. В отчётном докладе бюро партийной организации констатировалось превышение запланированных объёмов перевозки при снижении себестоимости перевозок: «За 9 месяцев года при плане 38 млн. тн-км проведена работа 55,9 млн тонно-км, себестоимость перевозок снижена на 42 %. Производительность труда повышена против плана на 44 %. Процент неисправных тепловозов при плане 6 % составил 3,9. Техническая скорость выполнена 101 % и план годового ремонта вагонов выполнен на 100 %. Сэкономлено топлива 33 тонны или 6 % от нормы. Всё это говорит о том, что коллектив в целом под руководством партийной организации проделал соответствующую работу и в особенности в период массовых перевозок зерна нового урожая.

Должен сказать, что и локомотивный парк в этом году был подготовлен лучше, чем в прошлом, это нужно отдать должное ремонтному цеху, где мастер коммунист Стекачев И. С. В этом цехе слесари Рыжков М. Ф., Ерёмин П. В. и другие показали энтузиазм в работе. Необходимо учесть, что успех в перевозках грузов в обеспечении безопасности движения поездов во многом зависит от мобилизованности в работе эксплуатационного цеха, где в основном работает большая часть коммунистов нашей организации. Так, в частности, в подготовке локомотивов к перевозкам зерна и обеспечения перевозок зерна принимали активное участие коммунисты Паськов А. А. и Жигалов Н. Ф. и беспартийные товарищи: машинист Журавлёв Н. А., помощник машиниста Шубенко Б. В. и другие. Хорошими показателями ухода за локомотивами явились результаты осенне-комиссионного осмотра, где вышеуказанные товарищи получили хорошие оценки по уходу за локомотивами.

Однако в хозяйственной и производственной деятельности депо наряду с хорошим имеют место и недостатки. Имеются случаи заходов тепловозов на внеплановый ремонт из-за некачественного выпуска тепловозов из ремонта. Например, тепловоз ТУ2–079 из-за некачественного ремонта тормозного оборудования имел перепростой в ремонте, тепловоз ТУ2–191 ненормальная работа регулятора напряжения. Имели место случаи отцепки вагонов по горению букс. А также случаи нару-

шения безопасности движения поездов» [4, л. 17–20]. Несмотря на не превышение расчётных показателей по неисправностям тепловозов в процентном соотношении, имел место простой отдельных машин по серьёзным неисправностям. Упоминаемые в этом отрывке тепловозы — ТУ2–079 (списан в депо Шильда в 1993 году) и ТУ2–191 (тепловоз с этим номером ныне работает в Санкт-Петербурге) [2].

Относительно констатации факта ухудшения рационализаторской работы следует заметить, что депо Шильда участвовало в улучшении технических характеристик тепловоза ТУ2 и, по-видимому, эти наработки должны были остаться в сохранившихся машинах, в прошлом приписанных к депо: «Ухудшилась рационализаторская работа, хотя и есть некоторые активные участники в рационализаторской работе. Коммунист Гердвоин С. А., который внёс ценное предложение по модернизации муфты соединения главного генератора с раздаточной коробкой. Однако в целом положение с рационализацией не улучшилось по сравнению с прошлым годом. Неактивно участвует в рационализаторской работе эксплуатационный цех, из 9 предложений эксплуатационный цех подал только 2. Всё это говорит за то, что бюро партийной организации и инженерно-технический состав ещё мало уделяют внимания этому важному вопросу» [4 л. 17–20].

В целом состояние хозяйства дороги по представленной в докладах информации не вызывает серьёзных опасений. Не отмечены в докладах серьёзные крушения и аварии. Основной вид технических неисправностей по вагонному хозяйству — горение букс, что обусловлено применением вагонов на тележках с буксами на подшипниках скольжения — проблема, общая для всех подобных подвижных единиц. Отсутствие серьёзных нарушений безопасности движения и выполнение основных производственных показателей, по-видимому, послужили основанием для выделения успехов коллектива на отделенческом уровне: «По итогам работы за сентябрь месяц нашему коллективу решением руководства отделения дороги и райпрофсожа присуждено переходящее красное знамя отделения дороги» [4 л. 17–20].

В заключение приведём выдержку из доклада секретаря парторганизации станции Шильда (широкой колеи) Юдина А. С., содержащуюся в Отчёте о работе партбюро за период с 22 октября 1977 года по 11 сентября 1978 года: «Труженики полей Адамовского района дадут Родине 11,5 миллионов пудов хлеба, на 10 сентября Адамовцы засыпали в закрома государства более 7 млн пудов зерна. Вдохновлённые решениями июльского 1978 г. пленума ЦК КПСС, земледельцы стремятся в сжатые сроки и без потерь собрать урожай, выполнить планы и социалистические обязательства по продаже зерна государству. Жатва третьего года пятилетки — важный этап на пути выполнения решений XXV съезда партии и июльского 1978 года пленума ЦК КПСС по дальнейшему подъёму сельского хозяйства. Понимая это, земледельцы трудятся по-ударному, чтобы дать Родине больше хлеба и другой про-

дукции для дальнейшего улучшения благосостояния советских людей. Долг железнодорожников обеспечить транспортировку народнохозяйственных грузов и первой задачей на данный момент является перевозка зерна нового урожая» [5, л. 17–28]. Как нам кажется, эта речь всецело отражает атмосферу и трудовую мотивацию железнодорожников шильдинского железнодорожного узла в те годы.

Предпоследнюю часть нашего исследования составляют воспоминания местных жителей об этой железной дороге — собранные как в ходе личного опроса, так и по материалам публикаций фондов Адамовского народного музея. Марьям Гиббатовна Жунусова (секретарь Адамовского РИК, впоследствии — хранитель фондов Адамовского народного музея) в рассказе о приезде первоцелинников упомянула о железной дороге: «Строили железную дорогу от Шильды до Озерного. Но поезд шел очень медленно. Однажды мы отправились в Комсомольский совхоз. От Адамовки до Аниховки 12 часов ехали на этом поезде. А дальше — на санях» [1, с. 119; 7]. Предположим, что виной такой невероятной скорости передвижения по железной дороге стала высокая снегозаносимость железнодорожных путей в оренбургских степях.

Бывшая жительница села Белополье (в 20 километрах от Адамовки) Ляйля Хажмухаметовна Смолкина (Газилова) 1955 года рождения вспоминала о дороге следующее (запись от 07.01.2018): «После окончания педучилища нас отправили в Оренбург. Там нас перенаправили в Адамовский район Оренбургской области. Приехали на станцию Шильда. Дальше на поезде узкой колеи поехали

до станции Ленинское (~5 км от Адамовки). На станции было несколько домов. Поезд состоял из двух вагонов. Осенью по дороге вывозили зерно. Конечным пунктом дороги была станция Совхоз Озёрный». [8] Здесь важно дать пояснение: речь идёт о станции Адамовка и её пристанционном посёлке, отстоящем от райцентра Адамовка на 3 км; искажение названия связано с безуспешной попыткой переименования посёлка в Ленинский [1, с. 7, 190, 221].

29.09.2021 были зафиксированы следующие воспоминания: «Осенью в Шильду по узкоколейной дороге вывозили зерно на элеватор — сдавать государству. Пассажиров не возили, только грузы — зерно, солярку. Расстояния-то между совхозами у нас большие. Конечным пунктом дороги была станция Совхоз Озёрный. Разобрали где-то в 1990-е годы». [8] Эти воспоминания Ляйли Хажмухаметовны относятся к концу 1980-х-началу 1990-х годов — заключительному этапу работы дороги, когда пассажирское движение уже было прекращено, а сама дорога закрыта. «Станция Шильда Ю.-Ур. ж. д. сообщает Вам, что узкая колея Шильда-Новая — с/з Озерный не существует уже с января 1992 года. Узкая колея полностью разобрана», сообщал начальник станции Шильда Н. С. Корсуков в ответ на запрос исследователя железных дорог С. Д. Балащенко [6].

В завершение попытаемся установить, что сохранилось от узкоколейной дороги в настоящее время. Видимых следов практически не осталось. Фрагментарно сохранились насыпи, частично здания; например, на бывшей станции Адамовка в полуразрушенном состоянии со-

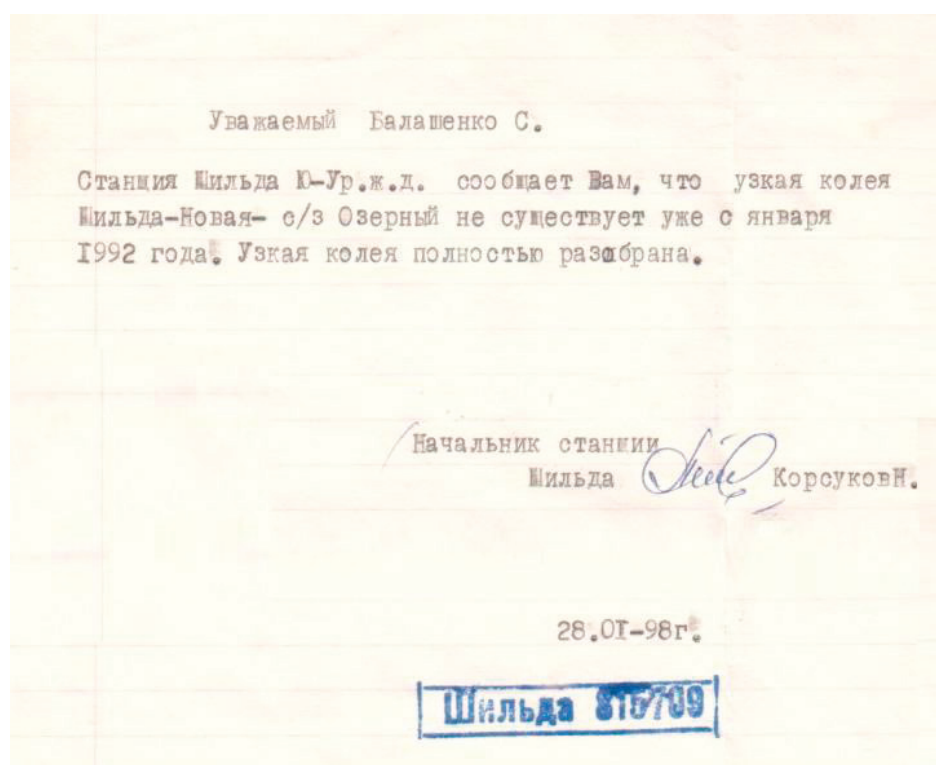

Рис. 1. Ответ начальника станции Шильда на письмо-запрос касательно текущего состояния узкоколейной железной дороги. 1998 год. Письмо заверено подписью начальника станции и штампом

хранились пассажирское и водоподъёмное здания, кузов крытого вагона и котёл цистерны, нижнее строение пути и некоторые искусственные сооружения [9].

Тяговый подвижной состав частично сохранился в связи с существовавшей практикой передачи тепловозов на детские железные дороги и другие магистрали узкой колеи. Так, на Свободненскую ДЖД (Амурская область) передан тепловоз ТУ2-001 (подменён ТУ2-069). Тепловоз ТУ2-080 в 1970 году был передан на Малую Свердловскую железную дорогу, затем — на Тюменскую, где в 2015 году установлен в качестве памятника; тепловоз ТУ2-084 в 1963 году был передан на Малую Южно-Уральскую железную дорогу (Челябинск), в сезоне 2025 года введён в эксплуатацию после капитального ремонта. ТУ2-008 и ТУ2-086 переданы на Оренбургскую ДЖД. Впоследствии ТУ2-008 передан в музей Каринской УЖД (Кировская область), а тепловоз ТУ2-086, перенумерованный в ТУ2-155, находится в музее Тёсовской узкоколейной железной дороги (Новгородская область). Тепловоз ТУ2-189, переданный на Малую ЮУЖД; был закреплённой машиной машиниста-инструктора ДЖД Звягинцева В. М. В 2019 году передан Каринской УЖД. Тепловоз ТУ2-191 с 1982 года работает на Малой Октябрьской ж. д. (Санкт-Петербург; северная трасса) [10].

Не у всех переданных тепловозов сложилась благоприятная судьба: например, в 1987 году из депо Шильда-Новая на строящуюся Курганскую ДЖД был передан тепловоз ТУ2-047 [6]. С 1990-х годов он использовался в качестве источника запчастей, а в 2012 году был списан и порезан; ТУ2-002 списан на Ровенской ДЖД, ТУ2-083 — на Оренбургской ДЖД, ТУ2-060 — на Малой Октябрьской [2].

Весьма интересно, что С. М. Корсуков (1924–2006) стал родоначальником целой династии железнодорожников, члены которой по сей день работают на Южно-Уральской железной дороге. Его сын — Николай Сергеевич Корсуков (род. 1953) — в 1978 году уже работал дежурным по станции Шильда, с 1985 до 2013 года работал её начальником [1, с. 27, 173]. Начальник станции Шильда Жемойд С. А. отмечал его заслуги в числе других железнодорожников в докладе «Об итогах декабрьского пленума ЦК КПСС и задачах парт. организации»... с оценкой «хорошо потрудились» [5, л. 4–6]. В настоящее время станцию возглавляет Сергей Николаевич Корсуков.

Заключение

Целинные узкоколейки — один из символов целины с ярко выраженными атрибутами — это тепловозы ТУ2

Рис. 2. Некоторые сохранившиеся тепловозы, работавшие на дороге (коллаж, фото автора). По часовой стрелке: 1. Тепловоз ТУ2-189 на станции им. Павлика Морозова Челябинской детской железной дороги, 25.01.2017. 2. Тепловоз ТУ2-084 там же, 13.09.2018. 3. Тепловоз ТУ2-086 (взаимно перенумерованный с тепловозом ТУ2-155, находящимся в Тёсово) в музейной экспозиции на станции Центральная Свердловской детской железной дороги, 13.11.2022. 4. Тепловоз-памятник ТУ2-080 на станции Юность Тюменской детской железной дороги, 15.07.2023

и ручные стрелки, а также семафоры и маневровые щиты, к моменту начала строительства целинных узкоколеек, уже ставшие анахронизмом на ряде железных дорог широкой колеи. Особенности устройств пути, сигнализации и тяги, организация движения и вхождение в состав сети железных дорог общего пользования выделяли целинные дороги среди остальных узкоколеек. Таким образом, эта узкоколейная дорога имела довольно примечательный облик, который мог послужить основой для музеефикации и организации туризма. На ряде узкоколейных дорог с подобными устройствами, расположенных в разных странах, организованы музейные общества, регулярно осуществляется туристическое движение. Тем не менее, возможность восстановления рассмотренной нами узкоколейной железной дороги, по-видимому, окончательно утрачена: приказом Федерального агентства железнодорожного транспорта № 730 от 11 декабря 2023 года исключены из перечня железнодорожных станций, открытых для выполнения соответствующих операций, и выполняемых ими операций железнодорожные пункты: станции Адамовка, Аниховка, Новосовхозная, Совхоз-Озёрный, Шильда-Новая, Разъезд № 2, Разъезд № 4, Разъезд № 7, Разъезд № 10 Южно-Уральской железной дороги — филиала ОАО «РЖД» [11].

В ходе работы над темой исследования нами были сведены воедино данные из неопубликованных и малоизвестных источников, касающиеся географического положения данного участка железной дороги и его административной принадлежности в различные периоды. Проведён поиск информации по теме исследования в краеведческих и школьных музеях, в результате которого выявлены фото- и картографические материалы, материалы периодических изданий. Историко-технический анализ архивных источников по теме исследования позволил внести в научный оборот беспрецедентные по своей ценности материалы, проливающие свет на техническое оснащение и организацию движения по узкоколейной магистрали, описать фрагменты киноленты «Иван Бровкин на целине» с технической точки зрения. Впервые

в истории изучения данной узкоколейной дороги описано техническое оснащение каждого отдельного пункта, по косвенным данным реконструировано техническое оснащение пунктов, с документами которых ознакомиться не представилось возможным.

Рассмотренные нами документы в значительной степени дополняют историю технического оснащения и эксплуатации не только данной узкоколейной магистрали, но и целинных узкоколеек и Южно-Уральской железной дороги в целом. По ним не только восстановлен эксплуатационный процесс, но и установлены имена работников железной дороги. По данным электронных баз данных проведён анализ сохранившихся тепловозов серии ТУ2, ранее эксплуатировавшихся на узкоколейной магистрали. Данная узкоколейная магистраль, как и другие подобные дороги, сыграла важную роль в обеспечении продовольственной безопасности советского государства.

Материалы данного исследования могут быть интересны и полезны любителям истории железных дорог и студентам транспортных специальностей, а также всем интересующимся историей железной дороги и транспортным обеспечением освоения целинных и залежных земель.

Автор благодарит за оказанную информационную поддержку: учителя истории и руководителя музея «Память» МБОУ Аниховская СОШ Мокроносову Нину Николаевну; учителя истории и обществознания МБОУ Аниховская СОШ Губашеву Жансаю Абдиганиевну (в прошлом — заведующую Аниховской сельской библиотекой); Дударь Татьяну Михайловну, учитель истории и руководитель кружка «Музейное дело» МБОУ «Шильдинская СОШ»; Первого заместителя главы администрации Адамовского района Оренбургской области — руководителя аппарата — начальника организационно-правового отдела С. А. Емельянова, начальника отдела культуры Адамовского района Косенко Дмитрия Викторовича, а также сотрудникам Объединённого государственного архива Челябинской области и Объединённого государственного архива Оренбургской области.

Литература:

1. Энциклопедия Адамовского района. Том I. Родословная края/В. А. Головина, П. Л. Дреев, Н. Н. Лабазанова, Н. Н. Мокроносова. Технический редактор Т. А. Кожина. — «РИД «Новоорская газета», 2018. — 456 стр. с илл.
2. Результаты поиска по базе данных узкоколейных локомотивов Д. Зиновьева за 1999–2010. Режим доступа: <http://narrow.parovoz.com/locomotives-db.php?MAKE=22>
3. Отчётный доклад о работе бюро партийной организации локомотивного депо Шильда-Новая за период с 20/VIII-1965 г. по 27/XI-1966 г. Объединённый государственный архив Оренбургской Области, Ф. 7427, Оп. № 1, Д. № 2.
4. Отчётный доклад о работе бюро партийной организации локомотивного депо Шильда-Новая за период с 1966 г. по 1967 г. Объединённый государственный архив Оренбургской Области, Ф. 7427, Оп. № 1, Д. № 3.
5. Отчёт о работе партбюро ст. Шильда за период с 22 октября 1977 года по 11 сентября 1978 года. Объединённый государственный архив Оренбургской Области, Ф. 7427, Оп. № 1, Д. № 11.
6. С. Д. Болашенко. Узкоколейная железная дорога Шильда — Совхоз «Озёрный». Сайт о железной дороге. Режим доступа: <https://railway-archive.studio-petukh.ru/article?name=26/childa.html>
7. Адамовский народный музей / Понедельник. Целине — 70. Режим доступа: https://vk.com/wall-199582267_2038
8. Интервью с Л. Х. Газизовой-Смолкиной. Рукопись, 2018–2025. Личный архив автора.

9. Заброшенная железная дорога Шильда — Совхоз Озерный. Режим доступа: <https://rutube.ru/video/e83e7a50327d4dc91cd72e4e7cdf8727/?r=wd>
10. Список подвижного состава. ТУ2, 2026. Режим доступа: <https://railgallery.ru/model/160/>
11. Приказ Федерального агентства железнодорожного транспорта № 730 от 11 декабря 2023 года. Режим доступа: https://rlw.gov.ru/storage/document/document_file/2023-12/16/11.12.2023_730_Иванов_А.О._Шило_А._Н.pdf

Социальный статус рыцаря в эпоху позднего средневековья: между привилегией, службой и насилием

Мукушев Тимур Жумагулович, студент магистратуры
Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова (Казахстан)

В статье рассматривается социальный статус рыцаря в позднесредневековом обществе через соотнесение трех ключевых измерений: сословной привилегии, военной и политической службы, а также насилия как легитимированной и одновременно проблематичной практики. Цель исследования состоит в том, чтобы показать: позднесредневековый рыцарь не сводился ни к «воину», ни к абстрактному носителю благородного происхождения. Его положение определялось совокупностью прав на землю и юрисдикцию, публичных функций при дворе, в городе или на службе территориальной власти, а также способностью применять силу в рамках признанных правовых и моральных норм. На основе сравнительного анализа материалов по Брабанту, Англии, Франции и Священной Римской империи обосновывается вывод о том, что кризис рыцарства в XIV–XV вв. не означал механического «упадка» сословия. Речь шла о глубокой трансформации каналов социального признания: от исключительно боевой функции к более сложному сочетанию службы, земельного статуса, дворовой и административной интеграции. В этой перспективе феномен «раубриттерства» следует рассматривать не как простое следствие обнищания низшего дворянства, а как одну из форм конфликта вокруг легитимности насилия и сохранения статуса в условиях меняющегося политического порядка.

Ключевые слова: рыцарство, позднее Средневековье, социальный статус, низшее дворянство, феодал, раубриттеры, служба, насилие, Священная Римская империя.

Введение

В позднесредневековой Европе фигура рыцаря занимала парадоксальное положение. С одной стороны, она сохраняла высокий символический престиж и продолжала ассоциироваться с честью, воинской доблестью, христианским служением и благородством. С другой стороны, именно в XIV–XV вв. рыцарский статус все чаще становился предметом сомнения, пересмотра и социальной конкуренции. Современная медиевистика подчеркивает, что рыцарство не следует понимать ни как однородный «класс», ни как статичную категорию. Напротив, речь идет о внутренне дифференцированном сегменте дворянства, положение которого зависело от сочетания происхождения, земельной базы, военной функции, придворной близости и политической востребованности [1, с. 255; 8, с. 426–427].

Цель настоящей статьи состоит в анализе социального статуса рыцаря в эпоху позднего Средневековья через призму трех взаимосвязанных факторов: привилегии, службы и насилия. Такой подход позволяет уйти от слишком простой схемы, в которой рыцарь либо идеализируется как носитель кодекса чести, либо описывается исключительно как жертва социально-экономиче-

ского кризиса. Напротив, позднесредневековый рыцарь выступал как фигура, чье положение постоянно подтверждалось публично: через владение землей, через службу государю, городу или сеньору, через участие в институтах мира и войны, а также через право на определенные формы принуждения.

Методологически статья опирается на сравнительный социально-исторический подход. Сопоставление материалов по Англии, Франции, Нидерландам и германскому миру позволяет увидеть не локальную экзотику отдельных регионов, а общеевропейскую тенденцию: позднесредневековый рыцарь сохранял высокий престиж лишь постольку, поскольку разные формы его привилегии и службы продолжали восприниматься как общественно полезные и политически оправданные. Там, где это согласие разрушалось, возникали конфликты вокруг границ благородства, чести и дозволенной силы.

Особое значение для данного сюжета имеет проблема терминологии. Понятие «раубриттер» удобно как историографический маркер, однако оно возникло значительно позже описываемых событий и несет на себе отпечаток нового, часто полемического отношения к дворянскому насилию. Как отмечает К. Андерманн, широкое

распространение этот термин получил лишь в конце XVIII–XIX вв., а для строгого научного описания средневековой реальности он ограниченно пригоден [9]. Не менее важно и то, что сама феода в позднесредневековом обществе не была просто «разбоем»: она развивалась в русле правовых и социальных норм, постепенно формализовывалась и лишь в ходе долгого процесса была делегитимирована, что символически закрепил «Вечный земский мир» 1495 г. [10]. Следовательно, анализ социального статуса рыцаря требует различать легитимированное насилие, полулегальные практики давления и откровенную криминализацию.

1. Привилегия как основа рыцарского положения

Первичным измерением рыцарского статуса оставалась привилегия, то есть принадлежность к благородному миру и доступ к признанным формам сословного превосходства. Однако сама эта привилегия была неоднородной. На материале Брабанта М. Дамен показывает, что позднесредневековое рыцарство представляло собой стратифицированную группу, внутри которой особое значение имели сеньории, укрепленные резиденции, характер феодальных владений и доступ к высшей юрисдикции [1, с. 255, 258]. Иначе говоря, рыцарское достоинство не сводилось к формальному посвящению: оно усиливалось или, напротив, ослаблялось в зависимости от реального объема власти, земельной базы и публичного признания.

Статус рыцаря был не только юридическим, но и визуальным, телесным, репрезентативным. Исследования позднесредневековой английской культуры подчеркивают, что благородство и рыцарство мыслились как качества, делающиеся «видимыми» на теле аристократа. Дж. Литчфилд, суммируя соответствующую историографию, отмечает, что в позднесредневековом воображении рыцарская идентичность воспринималась как своего рода «воплощенная сущность», проявлявшаяся в телесной осанке, воинской экипировке, коне, доспехе и самих формах мужского поведения [3, с. 8–9]. Отсюда происходила и логика дорогой демонстрации статуса: хорошо вооруженный и хорошо посаженный на коня человек не просто выглядел рыцарем — он подтверждал свое место в иерархии.

Однако привилегия не означала равенства внутри самого рыцарского мира. В Брабанте именно владение сеньориями с высшей юрисдикцией усиливало не только социальный престиж, но и публичную власть рыцаря. Дамен показывает, что такие владения подчеркивали уже имеющийся статус их держателей и превращали его в более осязаемый политико-правовой ресурс [1, с. 268–269]. При этом далеко не каждый рыцарь располагал подобной базой: число значимых владений было ограниченным, а потому различия между баннеретами, рыцарями и оруженосцами имели не только символический, но и вполне институциональный характер [1, с. 268–269].

В то же время рыцарский статус требовал дорогостоящего образа жизни. Брабантский материал показывает, что не все рыцарские семьи одинаково успешно удерживали позиции внутри городских и региональных элит; часть из них теряла способность поддерживать образ жизни, основанный на престиже, воинской репутации и демонстрации благородства [1, с. 267]. Это обстоятельство особенно важно для понимания позднесредневековой динамики: символический капитал рыцарства оставался высоким, но стоимость его поддержания возрастала, а сами механизмы признания становились более конкурентными.

Следовательно, рыцарская привилегия в позднем Средневековье была многослойной. Она включала происхождение, но не исчерпывалась им; предполагала честь, но требовала материального обеспечения; опиралась на идеологию, но нуждалась в зримых знаках и юридически закрепленных полномочиях. Именно поэтому кризис рыцарства не сводился к исчезновению «старого идеала»: он затрагивал сами механизмы подтверждения элитарности.

2. Служба и публичная функция рыцаря

Вторым фундаментальным измерением рыцарского статуса была служба. В позднесредневековом обществе благородство не существовало вне публичной функции. По наблюдению Д. Груммита, для аристократии война составляла часть самого *raison d'être*: она была столь же определяющей, как и земельное владение, а обе эти стороны аристократического существования были тесно переплетены [6, с. 92–93]. При этом в системе позднесредневековой военной службы находилось и немало тех, кто разделял рыцарские идеалы и претендовал на политическое значение преимущественно благодаря своей военной карьере, а не объему земельной собственности [6, с. 92–93].

Это означает, что рыцарский статус воспроизводился не только через наследование, но и через участие в отношениях службы. Служба могла быть обращена к короне, князю, герцогу, городу или иной политической корпорации. В Брабанте баннереты выступали важными посредниками между герцогской властью и городскими элитами Брюсселя, то есть были не просто носителями престижного титула, а социально-политическими акторами, встроенными в систему управления [1, с. 255, 258, 277]. Здесь особенно ясно видно, что рыцарь позднего Средневековья — это не только боец, но и посредник, чиновник, представитель региональной знати и участник переговорного пространства между различными центрами силы.

Нюрнбергский материал, проанализированный Б. Поупом, позволяет еще отчетливее увидеть взаимосвязь статуса и службы. Исследователь показывает, что отношения между городом и его благородными служилыми людьми нельзя объяснить одной лишь бедностью рыцарства. Для части дворян служба городу действительно да-

вала доход, но для других она открывала и более специфические политические преимущества, включая защиту, каналы влияния и возможность встроиться в сложную систему союзов [2, с. 271–273, 281–282]. Тем самым городская служба не обязательно означала деградацию рыцарского положения; в ряде случаев она, напротив, становилась способом сохранить или укрепить социальную значимость.

Именно поэтому позднесредневековый рыцарь не может быть описан в рамках оппозиции «традиционное дворянство — новый бюрократический мир». Между этими полюсами существовала большая зона пересечения. Военная и политическая служба выступала механизмом легитимации статуса, а принадлежность к рыцарскому сословию придавала самой службе престиж, доверие и силу символического капитала.

3. Насилие как сословная практика и проблема границ допустимого

Третьим измерением рыцарского статуса было насилие. Но речь идет не о «насилии вообще», а о насилии как сословно оформленной, идеологически оправдываемой и правовым образом регулируемой практике. Позднесредневековые авторы настойчиво обсуждали, в каких случаях рыцарь вправе прибегать к силе, где пролегает грань между доблестью и жестокостью, как соотносятся честь, месть, милость и благоразумие. В исследованиях К. Тейлора показано, что французская рыцарская мысль XIV–XV вв. постоянно возвращалась к вопросу о роли чести в оправдании насилия, о необходимости умеренности и о правовом и моральном статусе различных типов войны — от крестового похода и королевской кампании до феоды и частной войны [4, с. 7].

Тем самым насилие было не внешним, а внутренним элементом рыцарской культуры. Р. Кеупер специально подчеркивает, что средневековое рыцарство представляло собой систему представлений и практик элиты, вырабатывавшую собственное понимание дозволенного насилия, соединенного с благочестием, престижем и распределением богатства [8, с. 426–427]. Поэтому позднесредневековый рыцарь не просто терпел насилие как неизбежность своего времени; он мыслил себя через способность к применению силы в признанных рамках.

Однако именно здесь и возникал главный источник напряжения. По материалам южной Германии Б. Поуп показывает, что позднесредневековые современники часто обсуждали не столько феоду как таковую, сколько «разбой» как особую форму несправедливости. Более того, противодействие разбою могло становиться объединяющей программой для городов, князей и даже части дворянства [2, с. 142–145]. Иными словами, спор шел не о том, допустима ли сила вообще, а о том, какая сила считается законной, кто вправе ею пользоваться и как отличить правомерное принуждение от грабежа, прикрытого ссылкой на феоду.

Г. Негле также подчеркивает, что в германском пространстве безопасность дорог и защита торговли были важнейшей политической проблемой. При этом для горожан способы добывания средств к существованию оставались ограниченными именно в силу их ранга и правового положения [5, с. 85]. Эта двойственность имела далеко идущие последствия: насилие оставалось социально маркированным инструментом дворянского действия, но одновременно все чаще оценивалось с точки зрения публичного порядка, городских интересов и территориального мира. Не случайно та же Негле показывает, что бывшие враги городов могли со временем поступать к ним на службу и становиться частью системы защиты, то есть насилие переводилось из режима конфликта в режим институционально полезной функции [5, с. 92, 99].

Отсюда вытекает принципиальный вывод: насилие не было признаком «антисоциальности» рыцарства само по себе. Оно являлось органической частью рыцарского статуса, пока оставалось встроенным в язык чести, права, службы и политической лояльности. Кризис начался тогда, когда прежние формы легитимации переставали убеждать окружающих или когда интересы городов, князей и территориальных властей требовали новых критериев допустимости силы.

4. Позднесредневековая трансформация рыцарского статуса

Наиболее заметные изменения в социальном положении рыцарства проявились в XIV–XV вв. В английском материале, на который опирается Дж. Литчфилд, позднее Средневековье предстает как эпоха спада так называемого «напряженного рыцарства»: удельный вес собственно рыцарей в войске сокращался, а характер военного дела менялся. По приведенным им данным, среди армии при Азенкуре в 1415 г. рыцари составляли около 8 %, а к 1441 г. их доля уменьшилась приблизительно до 2,4 % [3, с. 23]. Эти цифры сами по себе не доказывают «исчезновения» рыцарства, однако убедительно свидетельствуют о снижении его прежней монополии на военную репрезентацию элиты.

Не менее важно, что боевая практика теряла свою прежнюю сословную исключительность. Сражение все чаще велось пешими профессиональными воинами и лучниками, и это, по наблюдениям английских историков, подрывало способность дворянства отличать себя от социально низших групп именно через войну [3, с. 23]. Одновременно росли и финансовые издержки, связанные с рыцарским образом жизни, вооружением, конем, участием в военной и придворной культуре; само получение рыцарского достоинства могло превращаться в обременительную обязанность, которой некоторые предпочитали избегать [3, с. 24].

Но из этих процессов не следует прямой вывод о простом упадке. Напротив, именно в XIV–XV вв. формиру-

ются новые chivalric orders, а сама рыцарская символика активно используется государями в политике репрезентации и интеграции элит. Д. Грин отмечает, что развитие военной техники, демографические потрясения и социально-экономическое давление поставили под вопрос ценность рыцарства и статус благородства, но именно в такой атмосфере получили развитие новые формы рыцарской организации [7, с. 57–58]. Иначе говоря, кризис старых оснований рыцарского статуса сопровождался поиском новых механизмов его подтверждения.

В результате происходит не исчезновение рыцарства, а его структурная перенастройка. Для одних групп решающее значение получают земля и юрисдикция; для других — придворная близость, участие в управлении, посредничество между князем и местными сообществами; для третьих — контрактная служба, которая дает доход и политические гарантии. При этом не все рыцарские семьи одинаково успешно сохраняли свои позиции: как показывает брабантский материал, к концу XV в. различия внутри рыцарского мира становились все более заметными [1, с. 258, 267].

Именно в этой перспективе становится понятнее и феномен «раубриттерства». Он возникает не на пустом месте и не просто как плод частной криминальной склонности. Скорее, это одна из форм ответа на ситуацию, когда прежняя связь между благородством, службой, доходом и правом на применение силы оказывается нарушенной. Там, где статус уже не гарантируется ни успешной военной карьерой, ни устойчивой земельной базой, ни прочной интеграцией в систему территориальной власти, возрастает вероятность обращения к насилию, которое будет восприниматься современниками как сомнительное или преступное [2, с. 145; 5, с. 85; 9].

Заключение

Таким образом, социальный статус рыцаря в эпоху позднего Средневековья формировался на пересечении трех начал: привилегии, службы и насилия. Привилегия обеспечивала доступ к элитарному миру, но нуждалась в материальном и символическом подтверждении. Служба делала рыцаря публично значимой фигурой и превращала происхождение в признанную функцию. Насилие оставалось важнейшим элементом рыцарской идентичности, однако его легитимность все более зависела от политического контекста, юридической формализации и интересов территориального порядка.

Позднесредневековый кризис рыцарства следует понимать не как одномерный «упадок», а как трансформацию способов воспроизводства статуса. Менялись армии, росли издержки, усиливались города и княжеские власти, пересматривались критерии допустимого насилия. В этих условиях часть рыцарства смогла встроиться в новые формы политической службы, тогда как другая часть оказалась на границе между признанным правом на силу и ее делегитимацией. Поэтому история позднесредневекового рыцаря — это история не исчезновения, а болезненного и противоречивого переопределения его места в обществе.

Для исследований, посвященных трансформации низшего дворянства в раубриттеров, данный вывод имеет принципиальное значение. Он позволяет рассматривать «раубриттерство» не только как экономическую стратегию выживания, но и как симптом более широкого кризиса статуса, в котором сталкивались старые сословные притязания и новые правила политической легитимации.

Литература:

1. Damen M. The knighthood in and around late medieval Brussels // *Journal of Medieval History*. 2017. Vol. 43. No. 3. P. 255–284.
2. Pope B. J. Relations between Townspeople and Rural Nobles in Late Medieval Germany: A Study of Nuremberg in the 1440s: PhD thesis. Durham, 2016.
3. Litchfield J. D. Knighthood and the Body in Late Medieval English Culture: PhD thesis. York, 2021.
4. Taylor C. Chivalry and the Ideals of Knighthood in France during the Hundred Years War. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
5. Naegle G. Peace and War, Repression and Liberty: Urban and Noble Conflicts in the Medieval Empire // *Edad Media. Revista de Historia*. 2018. No. 19. P. 74–113.
6. Grummitt D. Chivalry and Professionalism in the Calais Garrison // *The Calais Garrison: War and Military Service in England, 1436–1558*. Woodbridge: Boydell Press, 2008. P. 92–118.
7. Green D. The Secular Orders: Chivalry in the Service of the State // *A Companion to Chivalry* / ed. by R. W. Jones, P. Coss. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2019. P. 57–68.
8. Kaeuper R. W. Chivalric Violence // *The Cambridge World History of Violence*. Vol. 2: AD 500–1500 / ed. by M. S. Gordon, R. W. Kaeuper, H. Zurndorfer. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 426–447.
9. Andermann K. Raubritter // *Historisches Lexikon Bayerns*. URL: <https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Raubritter> (дата обращения: 15.04.2026).
10. Reinle C. Fehdewesen // *Historisches Lexikon Bayerns*. URL: <https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Fehdewesen> (дата обращения: 15.04.2026).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Амбивалентность формирования имиджа Индии на Западе

Мутилова Софья Дмитриевна, студент
Московский педагогический государственный университет

В статье анализируется амбивалентный характер формирования имиджа Индии на Западе. Автор рассматривает, как Индия в рамках стратегии «умной силы» трансформирует внутренние негативные факторы (массовую бедность, архаичный уклад, религиозно-магические практики) в инструменты привлекательности. Опираясь на концепции коллективного бессознательного К. Юнга и социальной интеграции через сакральное Э. Дюркгейма, исследование показывает, что западный интерес к индийской культуре обусловлен архетипическим запросом на духовность, аутентичность и компенсацию рационализма. Делается вывод, что подобная имиджевая стратегия усиливает туристический и политический интерес к Индии, но одновременно консервирует неокOLONиальные стереотипы и искажает восприятие современных социально-экономических реалий страны.

Ключевые слова: Индия, внешняя политика Индии, «индийский синдром», «умная сила», архетипы.

В мировой политике конструирование образа страны рассматривается как важный инструмент влияния и «умной силы» государства. Ключевым популяризатором концепции «умной силы» является американский политолог Джозеф Най, который в 2004 году предложил этот термин в своей работе «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике». Джозеф Най определил «умную силу» как способность эффективно сочетать «жесткую силу» (утилитарные и принудительные ресурсы) и «мягкую силу» (культурно-идеологические ресурсы) [4, с. 32]. Позиционирование страны как сконструированного «бренда» в публичной дипломатии отражает цели «умной силы»: образ страны можно целенаправленно продвигать, чтобы привлечь туристов, инвестиции и обеспечить международную поддержку.

В современных условиях Индия активно конструирует свой международный имидж, используя «мягкую силу», как часть «умной» стратегии, реализуя кампании в туризме, культуре, науке и т. д. Богатое культурное наследие (буддизм, йога) рассматривается как ресурс «мягкой силы» и используется в международных проектах, так, например, с 2014 г. ежегодно отмечается Международный день йоги. Это часть стратегии имиджевого влияния, где Индия позиционирует себя как «моральный центр», «самая большая демократия в мире» и страна с уникальным культурным достоянием [5, с. 118–125]. Однако Индия всё еще остается страной со множеством внутренних проблем, среди них: около 129 млн индийцев живут в крайней нищете, то есть ниже международной планки (в \$3/день) [6], сельское население по разным оценкам составляет около

70 %, что создаёт дисбаланс в доступе к услугам и инфраструктуре [7]. Эти факторы могли бы крайне негативно сказаться на выстраивании образа Индии, особенно на Западе, если бы индийская «умная стратегия» не постаралась преобразовать негативные факторы в инструменты аутентичной привлекательности и сделать их уникальным элементом своего имиджа.

Преобразование негативных тенденций в индийском обществе в инструмент «умной силы» происходит через обращение к древним архетипам (в основном религиозному и магическому) и их популяризацию через культуру и туризм.

Религиозный и магический архетипы рассматриваются как устойчивые, дорациональные формы коллективного восприятия мира, сохраняющиеся в обществе даже при формальной секуляризации. В социологической концепции Э. Дюркгейма религия интерпретируется как социальный факт, структурирующий коллективное сознание через оппозицию сакрального и профанного: магическое и религиозное мышление выступают механизмами социальной интеграции [8, с. 59–88]. В эволюционной антропологии Л. Г. Моргана и И. Я. Бахона ранние формы религиозно-магического сознания связываются с архаическими стадиями общественного развития, где миф, ритуал и сакральность выполняли функцию объяснения мира и легитимации социальной организации. Психологическое измерение архетипов наиболее последовательно разработано К. Юнгом, который ввёл понятие коллективного бессознательного как слоя психики, содержащего универсальные архетипические

образы, не зависящие от конкретной культуры. В этой логике религиозно-магический архетип полностью не исчезает в модерне, а ограничивается рационализмом, в особенности сохраняясь в символах, мифах и культурных практиках [9, с. 311–325]. Именно поэтому он может быть актуализирован даже через чужую культуру, воспринимаемую как носитель утраченной целостности. Это позволяет рассматривать интерес западного общества к индийской культуре не просто как рациональный интерес, а как механизм компенсации в виде возвращения вытесненных архетипов.

Говоря о конвертации негативных тенденций в привлекательность через культуру (философию и религию), важно отметить, что Индия является одной из древнейших цивилизаций с элементами комплексной ритуальной, философской и духовной традиции (включая йогу, буддизм, аюрведу и т. д.), которые имеют символический и религиозный потенциал актуализирования древних человеческих архетипов. В контексте западной цивилизации многие из этих элементов воспринимаются как ответы на экзистенциальные запросы: поиск смысла, духовности и внутренней гармонии, то есть именно то, что западные общества стали осознавать, как недостаток собственных рационалистических традиций. Это совпадение делает индийские символы привлекательными на уровне не только рационального интереса, но и коллективного бессознательного. Многие западные туристы ищут контраст и «иную реальность»: пестрый, духовно насыщенный культурный ландшафт Индии выглядит как альтернатива рационалистической и постиндустриальной повседневности Запада. Эти контрасты легко интерпретируются через архетип путешествия «героя» по Юнгу — от поиска (Запад) к переживанию (Индия). В таком контексте Индия начинает восприниматься, вопреки ожиданиям, не как консервативная и бедная страна третьего мира, а как аутентичная и духовно привлекательная.

Туризм, как элемент преобразования негативных тенденций и часть «умной силы» Индии, часто делает достопримечательностями те явления, которые в западном контексте считаются негативными. Современные исследования отмечают, что туристические маршруты по трущобам (например, самые популярные туры по Дхарави в Мумбаи) «потребляются» в первую очередь западными гостями [1]. При этом бедность нередко эстетизируется: нищета преподносится как аутентичность, приоритет духовного, а не как социальная проблема, что сглаживает системные причины нищеты и поддерживает упрощённые стереотипы. Западным туристам обещают «духовный опыт», при этом под ним часто понимается романтизированный образ индийского прошлого: медитативная атмосфера ашрамов, древние традиции и народные ритуалы. Исследования показывают, что многие западные путешественники фактически воображают «аутентичную Индию» как страну мистических ценностей и глубокой традиции, совершенно игнорируя современную социальноэкономическую действительность. Радикальное проявление этой

стороны психологии у европейцев проанализировал французский психолог Режи́с Эро (Régis Airlault) и назвал это состояние «индийским синдромом» в своей книге «Fous de l'Inde» (прим. перевод: «Безумие в Индии»). Автор отмечает, что туристы приезжают в Индию «абсолютно нормальными», но через несколько недель пребывания у некоторых начинаются **дезориентация, изоляция, депрессия или даже маниакальные состояния**. В отдельных случаях эти нарушения были настолько сильными, что приводили к **полной утрате связи с реальностью**. Режи́с отмечал, что это состояние схоже с «культурным шоком», но оно проявляется не так быстро, а его влияние на психику намного сильнее. Основной причиной «индийского синдрома» у европейцев Режи́с назвал завышенные ожидания от Индии, при которых путешественники ищут просветления и готовы на многое ради своей цели:

«<...> Индия обращается к подсознанию: она провоцирует его, заставляет кипеть, а иногда и выходить из берегов. Она высвобождает из глубин нашей психики то, что было погребено» [2].

Несмотря на глобальное позиционирование, эти инструменты продвижения индийской «экзотики» работают именно на западную аудиторию. Туристы из Европы и США склонны романтизировать Индию, а не видеть её негативную социальную составляющую. Также контраст между упорядоченным европейским укладом и шумной, многоликой Индией усиливает положительные впечатления: это «другой» мир, где проблемы превращаются в достопримечательность. Эдвард Саид назвал подобный приём «экзотизацией», когда «другому» приписываются атрибуты, подкрепляющие чувство превосходства Запада и скрывающие реальную повестку [10, с. 39–61]. Кроме того, в постколониальном контексте у части западной публики сохраняется желание «помочь» или «понять» бывшие колонии, что порой принимает форму путешествия, в котором односторонне демонстрируются нуждающиеся (так называемый «poverty tourism») [3]. Напротив, соседи Индии по региону, столкнувшись с похожими социальными реалиями, гораздо более критически смотрят на образ «бедной и духовной» Индии и менее склонны видеть в нищете привлекательный феномен.

Таким образом, обращение Индии к магическому и религиозному архетипам в формировании имиджа на Западе выступает элементом её внешнеполитической стратегии: через туризм и культуру Индия формирует эмоционально-символическое пространство, в котором её международные позиции воспринимаются более благоприятно и менее конфликтно. В геополитическом контексте архетипический имидж усиливает позиционирование Индии как ценностной альтернативы Китаю, в сравнении с которым Индия представляется как страна духовности, мягкости и плюрализма. Эти тенденции также означают, что имидж Индии на Западе строится на противоречиях: рекламируя страну как «экзотическую», Индия превращает свои внутренние трудности в часть привлекательного культурного нарратива. С одной стороны, это усиливает

интерес к Индии как к туристическому направлению западные стереотипы и смещённое представление о новой и даже политическому партнёру; с другой — закрепляет индийской действительности.

Литература:

1. Гуй Т., Чжун У. Когда городская бедность становится туристической достопримечательностью: систематический обзор исследований в области туризма в трущобах. *Humanit Soc Sci Commun* 11, 1178 (2024). <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03696-w>
2. «Безумие в Индии» Режис Эйро, <https://www.inde-en-livres.fr>, PRL: <https://www.inde-en-livres.fr/post/les-fous-de-l-inde-de-régis-airault> (дата обращения: 19.01.2026)
3. Ролфис, М. Туризм в условиях бедности: теоретические размышления и эмпирические данные об уникальной форме туризма. *GeoJournal* 75, 421–442 (2010). <https://doi.org/10.1007/s10708-009-9311-8>
4. Джозеф Най «Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике», <https://www.academia.edu>, URL: https://www.academia.edu/28699788/Soft_Power_the_Means_to_Success_in_World_Politics_Joseph_S_Nye_Jr, предисловие, стр. 32 (дата обращения: 16.01.26)
5. Тонян, А. А. Национальный брендинг в Индии: стратегии и кампании / А. А. Тонян // Гуманитарные и юридические исследования. — 2018. — № 4. — С. 118–125. — DOI 10.37494/2409-1030-2018-4-118-125. — EDN YYSUGT.
6. Обновление глобальных показателей бедности за июнь 2025 года, www.worldbank.org, URL: <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2025/06/05/june-2025-update-to-global-poverty-lines> (дата обращения: 16.01.26)
7. Индия: Сельское население, процент, ru.theglobaleconomy.com, URL: https://ru.theglobaleconomy.com/India/rural_population_percent/ (дата обращения: 21.01.26)
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни [Текст]: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; перевод с французского Алексея Аполлонова и Татьяны Котельниковой. — Москва: Изд. дом Дело: РАНХиГС, 2018. — 732 с. 59–88
9. Жуков, В. Н. К. Г. Юнг: коллективное бессознательное, архетипы, культура / В. Н. Жуков // Образование и право. — 2022. — № 3. — С. 311–325. — DOI 10.24412/2076-1503-2022-3-311-325. — EDN KEFAKE.
10. Саид Э. Культура и империализм: [16+] / Эдвард Саид; [перевод с английского Петра Бавина]. — Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2024. — 622 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (619) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 29.04.2026. Дата выхода в свет: 06.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.